

Сергей Черемнов

Сибиряки на Варварке

Повести и рассказы

Владимир

2021 ©

«Сибиряки на Варварке» – новая (электронная) книга Сергея Черемнова. Это сборник повестей и рассказов, написанных автором в 2018 году, когда он жил и работал в городе Владимире. Варварка – название улицы в самом центре Москвы, где во второй половине 1990-х годов располагалось российское министерство по делам Содружества Независимых Государств (в СНГ вошли бывшие республики СССР). В этом ведомстве автору случилось поработать. Об этом, об интересных событиях за рубежом и в некоем Сибирском регионе и о многом другом в интерпретации сочинителя читатель узнает из этой книги.

12+

Сибиряки на Варварке

- Ты чё, пацан, совсем обнаглел?! - резко развернулся к Николаю один из трёх, пристававших к девчонкам парней. Он был ниже Кольки на полголовы, но более плотный и широкий в плечах, короткие светлые волосы торчали ёжиком, полы чёрной куртки были распахнуты. - Может, тебе жить надоело? - он взмахнул правой рукой, раздался металлический щелчок, короткое стальное лезвие бледно блеснуло, отразив свет далёкого фонаря.

Двое его друзей, повыше ростом, в таких же куртках, пьяно и громко заржали.

Лариса взвизгнула и теснее прижалась к Анюте.

- Мальчики, не надо! Мы же никого не трогаем...

Колька, заметил Олег, мгновенно весь преобразился: походка его стала пружинистой, левая рука поднялась к подбородку. А на лице заиграла ласково-добродушная улыбка. Чуть пританцовывая, он сделал шаг вперёд – к белобрысому, громко хохотнул, как бы в ответ на понравившуюся шутку, с наигранной теплотой в голосе ответил:

- Так я – ничего. Мы гуляем, никого не трогаем. Я просто прошу, девчонок наших не пугайте, а то не уснут сегодня от страха...

Теперь в ответ на его слова противно загоготала вся троица. Олег приотстал, начал торопливо озираться по сторонам в поисках подмоги, но на пустынной асфальтовой дорожке посреди тёмной аллеи маленького

городка в этот поздний час никого не было. А парни стали окружать Николая, поигрывая кулаками.

- Чё, малахольный, жить надоело?! - со злобой выкрикнул белобрысый. - Я тя щас на перо поставлю!

- Осторожно, Николай! - глухо выдавил их себя Олег. - Давай поговорим с ними...

- Ага, - весело откликнулся Колька. - Поговорим...

Он выставил вперёд правую руку, будто хотел оттолкнуть того, кто лез с ножом. И вдруг, чуть отклонившись вправо, кулаком левой коротко и резко ткнул его в лицо, вернее, в нос. Но силу в это вложил такую, что характерный звук короткого удара отчётливо раздался в ночи. Олег прямо-таки кожей ощутил, как из откинувшейся назад головы белобрысого брызнули в разные стороны слёзы вперемежку с розовыми соплями. Он выронил лезвие, которое звякнуло об асфальт, закрыл лицо руками и упал на колени.

- Да ты, козёл, пропал! - с криком кинулся на Николая тот, что обходил его слева. Колька, почти не глядя, ткнул нападавшего локтем в живот, а когда тот захрипел, выпучив глаза, и начал сгибаться пополам, молниеносно добавил ему в челюсть и два раза по корпусу, метя в солнечное сплетение. Парень, рухнул спиной на дорогу, широко раскинув руки.

Однако третьего этот урок только подхлестнул к действию. Он с бычьим рёвом кинулся на Кольку и, отброшенный ударом справа в челюсть, который Колька нанес ему с разворота, вложив в него и силу, и вес тела, грохнулся и затих на асфальте в глубоком нокдауне рядом с товарищами.

На всё про всё ушло не более десяти секунд. Девчонки оторопело переводили расширенные от ужаса глаза с Николая на его поверженных соперников, Олег стоял позади этой сцены, нервно потирал дрожащие руки. Колька, усмехаясь, похлопал его по плечу: «Ты же помнишь, я не только кандидат наук, я – кандидат в мастера спорта! А они сами напросились, или как?» - потом повернулся к девушкам, подхватил их под руки:

- Всё нормально, всё нормально, - затараторил и засмеялся он, оглядывая одну и другую. - Домой, домой, домой... - и буквально потащил их, едва переставляющих от страха ноги, в сторону микрорайона из пятиэтажек, окна которых ярко светились в темноте...

Олег Иванов и Николай Сомов приехали в Ворсму, что в Нижегородской области, сегодня рано утром. Было начало ноября с его привычным праздником Октябрьской революции, удвоившим число обычных выходных дней. До этого Колька все уши прожужжал Олегу о том, что на ноябрьские праздники надо съездить в Ворсму, где живут родители его жены. «Ты не представляешь, как там встречают! - тараторил он. - А варенья-соленья с собой дадут столько, что на всю зиму хватит!», - убеждал он руководителя

пресс-службы российского министерства по работе с бывшими республиками СССР и своего товарища Олега Иванова. Наконец, Олег сдался, спросив, что для этого надо сделать?

- А деньги давай, - засмеялся Колька. - На билеты, на билеты, - повторил он, будто боясь, что Олег может передумать. - Загляни в свой сейф.

Ведь Олег, по их джентельменскому соглашению, был у них за казначея, хранил общие деньги в несгораемом шкафу в их министерском кабинете и доставал оттуда дензнаки на разные нужды, такие как продукты, обеды в столовой, даже жетоны на метро покупал Олег. Николай считал это нормальным и, если бывало нужно, просил денег, не стесняясь.

В тот же вечер Сомов съездил на автовокзал и взял билеты на ночной рейс в ближайшую среду. Олег не стал его дожидаться на работе, в одиночестве добрался с Варварки, где размещалось министерство, до их двухместного номера в общежитии Московского института железнодорожного транспорта. Только снял куртку и прилёг на кровать, дверь с шумом распахнулась.

- Предлагаю отпраздновать нашу поездку, - радостно закричал Николай, вваливаясь в комнату. Танцующей походочкой он прошествовал к столу мимо лежащего Иванова и выставил бутылку водки. - Надеюсь, ты ещё не ужинал?

- Нет, телек смотрю, тебя жду, - Олег поднялся, выключил телевизор – этот большой ящик занимал едва ли не половину стола, потом кивнул на бутылку. - Завтра же на работу...

- А мы по половиночке, шеф, по слегка, по чуть-чуть, - балагурил Сомов. - Повод-то какой: едем к теще! А она – человек! Человек!! Сам увидишь.

Олег начал собирать ужин. За регулярное питание их дуэта тоже отвечал он. В выходные заготавливал большую кастрюлю наваристого борща. И они потом целую неделю ели его на ужин. На второе чаще всего бывали макароны или магазинные пельмени. И так изо дня в день московской «холостяцкой» жизни.

Аппетит у Николая был отменный, как и здоровье. Они ужинали у себя в комнате, за письменным столом, а не в огромной унылой пустой кухне общежития, похожей на все общежитские кухни страны. Так им казалось уютнее, почти по-домашнему. Колька уплетал пищу за обе щеки, не переставая при этом «трещать» о предстоящей поездке, о теще и городке, в котором она жила, сам острил, сам хохотал.

Олег слушал вполуха, поддакивал невпопад, думал о своём. О том, как они – двое семейных мужиков – оказались в этой длительной столичной командировке, вдали от своих близких, на серьёзной работе, которая шла почти без выходных. Выматывала и нервы, и силы, к вечеру они едва тащили в общежитие ноги. Ели, падали в койки до утра... А утром – снова неслись на службу.

Он вспоминал, как впервые познакомился с Сомовым. С того майского дня 1987-го прошло почти десять лет.

До этой встречи Олег успел окончить филологический факультет. Поработал корреспондентом в редакции многотиражки, в городской газете, собкором главной газеты региона.

Все эти издания были печатными органами комитетов компартии соответствующего уровня. Однако это не мешало ему набираться ума-разума у газетных зубров. И когда Михаила Горбачева избрали генеральным секретарём всесильной КПСС, в те же самые дни Олега назначили главным редактором городской газеты в родном шахтёрском городе. Коллектив редакции был хоть и небольшой, но творческий и работоспособный. В основном это была молодёжь, включая нового редактора, которому не было и тридцати. Они так «рвались в бой», их статьи и заметки были так остры и заметны, они так упивались затеянной «сверху» «перестройкой» и гласностью, что вскоре в местном горкоме партии Иванова стали считать чуть ли не врагом городской верхушки. Ничего хорошего эта ситуация, казалось, не обещала. Но всё разрешилось, на удивление, неожиданно: его вызвали в областной партийный комитет, и сообщили, что по решению партии он переводится сюда, в обком, на партработу. Возражать и отказываться бесполезно: тогда вся его карьера пойдёт под откос... «Неисповедимы пути Господни», - подумал Олег и согласился возглавить сектор печати в обкомовском идеологическом отделе.

...Николай появился у него в кабинете на следующий день его партработы. Высокий – на пол головы выше Олега – худой, жилистый, чуть сутуловатый от того, понял вскоре Иванов, что занимается боксом. И смешливый. Светлые из-за ранней седины волосы стриг коротко. А его простоватое лицо всегда светилось добродушной улыбкой. «Сомов... Николай», - он пожал Олегу руку так крепко, что тот поморщился от боли. «Назначен инструктором к тебе в сектор. Закончил Казанский универ, академию госслужбы, кандидат политических наук», - скороговоркой рассказывал он, глотая слова и окончания.

Первое время Олег даже плохо понимал, что тот хочет сказать, постоянно переспрашивал. Николай не обижался, знал свой недостаток, усмехаясь, терпеливо повторялся. Вскоре Иванов привык к пулемётному стилю его разговора и к тому, что Сомова не бывает без улыбки, что бы ни случилось.

А потом Николай в буквальном смысле спас Иванова. Это случилось поздним серым октябрьским вечером, когда усталый Олег возвращался с работы. Он осторожно шагал по подёрнутому ледком, слабо освещённому тротуару. Навстречу показалась интересная парочка. Оба высокие, она в лёгком, коротком пальто, на каблуках, буквально висела на согнутой в локте руке своего спутника, скользя и повизгивая при каждом шаге. Он – косая сажень в плечах, красавчик, могучую фигуру красиво и плотно облегла

военная форма. Олег заметил капитанские погоны на болотного цвета шинели.

Парочка была в сильном подпитии, громко гоготала, скользя на осеннем гололёде. Когда они поравнялись с Ивановым, девушка в очередной раз поскользнулась и невзначай сбила Олега с ног. Пытаясь удержать равновесие, он непроизвольно взмахнул руками, слегка задев при этом девушку, и рухнул возле неё, пребольно стукнувшись локтем о тротуар.

- Виталий, он ударил меня! - завизжала девица. - Накажи этого придурка... Накажи! - она капризно топнула каблучком по асфальту.

Олег с трудом поднялся, морщась от боли и потирая ушибленный локоть. «Извините, - сказал он. - Я не хотел, я нечаянно...» - и попытался обойти парочку стороной.

Однако девушка заверещала ещё сильнее:

- Виталий, он убегает! Он рожи мне корчит! Научи его, как вести себя с приличными девушками!

И не успел Олег глазом моргнуть, как офицер схватил его ручищами за полы куртки, приподнял над землёй, притянул к себе и, дыша в лицо вонючим перегаром, прорычал:

- Ты что, падла, к моей даме нагло пристаёшь?! - он взмахнул кулаком, больше похожим на пивную кружку. Иванов зажмурился, ожидая удара. Но тут над его ухом раздался знакомый голос:

- И не стыдно тебе, капитан! - добродушно рассмеялся подошедший Николай. - С кем связался? Он же слабее тебя... Девушка тебя обманула, её, действительно, нечаянно толкнули. Я видел. Ай-яй-яй командиру Советской армии. Отпусти товарища.

- Виталий! - девица теперь тыкала пальцем в Сомова. - Что ты слушаешь этого наглеца. Они – заодно. Накажи обоих, надери им задницы, как ты умеешь, Виталий!..

Офицер поставил Олега на землю, отодвинул его в сторону, потряхнул головой, будто отгоняя подступившее наваждение, и шагнул к Николаю.

- Вот только драться не надо, - попросил Сомов, чуть отступая назад.

- Ты кто, кузнечик? - пьяно хмыкнул капитан. - Я тебя урою!

Николай запел противным голосом:

- В траве сидел кузнечик, совсем как огуречик, зелёный он был...

Капитан внезапно махнул правым кулаком в его сторону – Сомов ловко уклонился от удара. Капитан махнул левым и снова промахнулся. А Николай умирал со смеху:

- Капитан, ха-ха-ха... давай успокоимся и разойдёмся...

- Виталий! - опять закричала его спутница. - Не слушай, накажи наглецов! Мужик ты или нет?!

Тот взревел, как бык, и, сжав кулаки, в открытую кинулся на Сомова. Николай мгновенно преобразился: принял стойку, поднял руки к подбородку и, чуть отклонившись от нападавшего влево, правой снизу резко и сильно ударил в широкий подбородок. В вечерней тишине улицы громко клацнули зубы, голова капитана запрокинулась назад. Он начал заваливаться на спину. Но пока он падал, как в замедленной киносъемке, Сомов ещё левой двинул ему по корпусу, кинулся к нему и, ухватив за ремень, помог военному не грохнуться на землю, а аккуратно улечься на ледок асфальта.

Богатырь затих. Дама склонилась над ним, открыв рот от испуга.

- Виталий, - дернула она его за рукав. - Вставай... Вставай, Виталий... - и, набрав в грудь побольше воздуха, вдруг завопила:

- Убили! Они человека убили!

- Бежать надо, однако, - дурашливо предложил оторопевшему Олегу Николай.

- А как же этот? - кивнул Иванов на поверженного исполина.

- Это не смертельно, - успокоил Сомов. - Минут через пять очухается... С его-то здоровьем... Только вспомнить вряд ли чего сможет, - и они рванули в сторону олегова дома под не стихающие крики дамочки.

В последующие два года они вместе объехали все города и посёлки области, где имелись хоть какие-то редакции, наперечёт знали всех местных журналистов. Николай был неугомонным и всегда оптимистичен. Когда в конце «восьмидесятых» в их угольном регионе начались шахтёрские забастовки, он только похохатывал и похлопывал Иванова по плечу, приговаривая: «То ли ещё будет?!»

А когда и партия, и Советский Союз затрещали по швам, успокаивал Олега: «Ничего, как-нибудь прорвёмся». И как бы в подтверждение этого, принимал боксёрскую стойку и начинал яростный бой с тенью, коротко и шумно вдыхая и выдыхая воздух через плотно сжатые зубы.

Спортом Сомов занимался постоянно и с упоением. В углу кабинета у него стояла двухпудовая гиря. Когда он переставал печатать очередной отчет о командировке, который методично отстукивал одним пальцем на портативной печатной машинке, и, скинув пиджак и ослабив галстук, брался за гирю, об этом узнавал весь их обкомовский этаж. Он так опускал гирю на пол, что её грохот гулко разносился по коридору.

Больше всего он любил делать что-нибудь на спор, особенно с незнакомыми людьми. Например, предлагал пари, что отожмётся от пола восемьсот сорок раз. Незнакомцы охотно покупались на это, ведь ни один здравомыслящий человек не мог себе этого представить. Минут через сорок человек понимал, что неугомонный Сомов выполнит обещание, и шёл в

магазин за спиртным. Потому что Николай спорил только на крепкие напитки, и ими угощал обитателей соседних кабинетов.

В конце 1980-х страна ещё не знала, что такое пресс-службы или пресс-центры. Их просто не было на заводах, фабриках и шахтах Советского Союза. Мода на них появилась позже. Поэтому, когда Иванова вызвали «наверх» и поручили организовать в обкоме пресс-центр для усиления работы с прессой, Олег пригорюнился: с чего начинать, как? - вопросов было больше, чем ответов.

- Иди домой, ложись почивать. Утро вечера мудренее, - засмеялся Николай в ответ на его охи-ахи.

А утром принёс подробный проект организации пресс-центра со списком необходимого оборудования.

- Откуда? - спросил Иванов.

- Я ж кандидат наук, заглянул в учебники по пиару, - подмигнул Николай.

- По пиару? - переспросил Олег.

- Public relations, - вздохнул Колька. - Публичные отношения, связи с общественностью – переводы, как хочешь.

Вскоре пресс-центр Иванова готовил статьи, репортажи для телевидения и радио, рассказывал о задачах «перестройки» и обновлении партии. Однако, как известно, это уже ничего не могло изменить. Экономика страны планового социализма работала всё хуже, денег у людей становилось всё меньше, дефицит был буквально во всём.

Иванов и Сомов ещё продолжали свою работу, а надобности в ней уже не было: наступил 1991 год – год сумасшедших, казалось, перемен.

12 июня 1991-го избрали первого президента РСФСР... 19 августа начался путч ГКЧП, продлившийся целых три дня... А ещё через два дня приостановили и компартию, её имущество конфисковали, партийные здания опечатали... И Иванов с Сомовым вообще остались без работы.

В стране начали строить демократию. Поэтому 6 ноября первый российский президент партию вообще запретил. К этому времени пути-дороги Олега и Николая разошлись. И Иванов потерял Сомова из виду.

В эти непростые дни Олег брался за любую работу, ведь надо было кормить семью, двоих детей. Пытался, как многие бывшие коллеги, «челночить» – торговать... Потом в одной из торговых фирм занимался рекламным менеджментом, маркетингом.

Но самый большой сюрприз ждал в самом конце 1991-го. 7 декабря российский президент встретился в Беловежской пуще с только что избранным президентом Украины и председателем Верховного Совета Республики Беларусь. И они приняли соглашение, где записали, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность

прекращает своё существование»... Вместо одного большого СССР стало полтора десятка новых стран – Содружество Независимых Государств. Так поставили точку на истории СССР и решили дальнейшую судьбу трёхсот миллионов его жителей.

Наконец, накануне новогоднего праздника, 25 декабря, российский президент отправил в отставку союзного президента Михаила Горбачёва, переехав в его резиденцию в Кремле.

Впрочем, Олега эти события мало интересовали. Бывших партфункционеров на работу брали неохотно, чтобы выжить приходилось крутиться, как ужу на сковородке. Он, казалось бы, удачно придумал прибыльное дело: организовал на одном из остановившихся в эти месяцы крупных заводов небольшой участок по выпуску полиэтиленовых пакетов – сумок с «вырубной ручкой» для любых покупок. Они в то время тоже были дефицитом.

Нашёл художника, который на начинающем входить в жизнь страны компьютере рисовал для этих пакетов разноцветную рекламу разных фирм. На заводе из этих рисунков отливали металлическую печатную форму, запускали импортный станок, который в минуту выдавал десятки ярких полиэтиленовых изделий.

Олег мотался на стареньких «жигулях» по городским магазинам, пристраивая на продажу результат труда его новой команды. И по началу дело пошло. Вырученных денег хватало, чтобы свести концы с концами: заплатить за производство и кое-что принести в семью. Однако этот «концерн» вскоре лопнул в два счета, когда в один прекрасный день какой-то умник под самую завязку наполнил все магазины копеечными китайскими пакетами из полиэтилена.

«А что ты хотел?! - раздосадовано успокаивал себя Иванов. - Свободный рынок на дворе».

Сомову повезло больше. Во главе региона появилась новая исполнительная власть – вместо советского облисполкома создали областную администрацию. И Николай, рассказали Иванову, с помощью старых партийных связей пристроился в эту структуру, ей ведь не меньше, чем старой власти, нужны были специалисты по public relations...

Как-то они случайно встретились – Иванов и Сомов. Николай радостно смеялся, тиская Олега в крепких объятиях.

- Где ты? Как? А я занимаюсь ихними связями с общественностью, ха-ха-ха, - частил он.

- А я – так, - отвел глаза Олег. - Почти нигде...

- Давай к нам, - Сомов принял шутливую боксёрскую стойку. - Тебя возьмут! Ты же профессионал. А «им» профессионалы очень нужны. Народ «их» не очень-то любит...

- Нет, - сказал Олег. - Я их тоже не очень-то... Спасибо, Николай.

- Эх, жалко, - Сомов ударил кулаком об кулак. - Ну, ты знай, я всегда за тебя готов!

В следующий раз их пути пересеклись почти через полтора года. К этому времени Иванова уволили из отдела рекламы: фирма «купи-продай», где он работал в последние месяцы, окончательно «сдулась» – торговля находилась в глубоком кризисе, и безработица в стране, перешедшей на рыночные рельсы, нарастала, как снежный ком.

Безработный Иванов вставал по утрам вместе со всей семьёй. Отводил дочь в детсад. Сын отправлялся в школу, а жена – на работу в свой институт. Потом, когда оставался один, он садился за телефон и обзванивал старых знакомых и незнакомых людей, умоляя взять хоть на какой-нибудь труд. Кто-то отказывал сразу, кто-то вообще не хотел говорить с ним, некоторые обещали подумать, но ничего конкретного не предлагали.

Олег был чернее тучи, худел, плохо спал и мало ел.

Однажды, когда стало совсем невмоготу, неожиданно позвонил Сомов.

- Привет! - раздался в трубке знакомый голос. - Тут есть для тебя хорошее предложение, - привычной скороговоркой начал Николай без лишних расспросов. - Ты же знаешь, какой месяц на дворе?

- Ну, апрель 94-го, - даже не поздоровавшись с Сомовым, угрюмо ответил Олег.

- Ха-ха-ха, - не обращая внимания на его тон, рассмеялся Николай. – Забыл? Только что прошли новые выборы в новое областное заксобранье?

- Да не хожу я на эти ваши выборы, - огрызнулся Иванов. - Дальше что?

- А то! В собрание прошли не те, кого наша администрация намечала. Слышь, Олег, за оппозицию народ проголосовал...

- Слава Богу, прозревают люди, - хмуро пошутил Иванов.

- А председателем они, знаешь, кого выбрали, - не обращая внимания на его тон, бодро докладывал Николай. - Помнишь, кто в последние годы облисполком возглавлял?

- Неужели, Антона? - присвистнул Олег. - Его же сам президент страны задвинул...

- Так, то – президент, а то – избиратели! Ха-ха-ха, - радостно хохотал Сомов.

- Оглушительная победа! Без вариантов, понимаешь... Сам победил и целую команду депутатов за собой притащил. Мне он, кстати, тоже нравится. А тебе-то и подавно, помню, как ты его нахваливал!

Олег хорошо помнил Антона Туева по совместной работе в обкоме, где тот был заведомо транспорта. До этого работал начальником региональной железной дороги. Высокий, стройный, молодой красавчик-брюнет, он не мог не нравиться. С людьми говорил доходчиво, убедительно, простым

«сочным» языком. Носа, казалось, не задирали, умел вникать в проблемы человека и, если уж обещал кому-то помочь, слово держал. Открыто критиковал заскорузлость партийной верхушки, предлагая, как надо вести дело.

Олег не раз приглашал его на теле- или радиодиспуты, которые в последние месяцы агонии компартии устраивал на областных каналах обкомовский пресс-центр. И эти острые передачи собирали немалую аудиторию. Авторитет Антона так вырос, что в начале 1990-х его избрали в облсовет – председателем. А потом он стал руководителем облисполкома – вторым главным, если считать первого секретаря обкома, лицом области.

Но карьера его закатилась на удивление быстро. 19 августа 1991-го – в первый день печального трёхдневного правления ГКЧП – Антон сел в самолёт и махнул в Москву к главному «путчисту» – вице-президенту СССР, секретарю ЦК партии. Казалось бы, с кем же ещё посоветоваться, как не с ним, что будет дальше со страной?

Ведь российская глубинка в эти шальные годы была так далека от столичных разборок, что порой не только простым гражданам, но и региональной номенклатуре трудно было понять, что творится в первопрестольной, и кто за кого. Осторожные соратники отговаривали Антона от этого шага, предлагали пересидеть, переждать. Однако привыкший действовать, он не внял советам. О чём они говорили с главным «путчистом» за закрытыми дверями, неизвестно до сих пор. Однако, как известно, ГКЧП быстро арестовали, а Антона за эту встречу российский президент отправил в отставку.

И Антон исчез из политической тусовки. А, может, Олег просто не следил за его движениями? По телеку он смотрел только «развлекуху», как называли тогда десятки развлекательных передач, которые буквально заполнили телеэфир. Конечно, и видел, и слышал о танковой атаке на Белый дом в Москве, обстреле из орудий его защитников – депутатов российского парламента, - во имя приведения страны к демократии. «Уж если он по «этим» из танков стреляет, что ему до нас, обычных?» - вяло размышлял Иванов.

После «успешной танковой атаки» в тот солнечный день начала октября 1993 года парламент страны распустили, а вместе с ним – и все местные советы.

И вот – в их сибирском регионе избрали новую законодательную власть во главе с Антоном.

- Им руководитель пресс-службы срочно нужен! - прокричал в трубку Колька, возвращая Олега к действительности. - Я тебя нахвалил! Да кроме тебя и некому... Они уж кого только из журналистов не приглашали! - Сомов перевёл дыхание. - Побаивается народ с Антоном связываться. А ты, знаю, сможешь, - Колька опять засмеялся. - Так что приходи завтра в обед к Антонову заму. Её Нинкой зовут, симпатичная баба! - причмокнул Николай. -

Сидит на третьем этаже в облсовете. Не заблудишься. Пропуск я тебе заказал, - и он повесил трубку.

Олега, действительно, взяли сразу. Нинка, а, вернее, высокая, стройная Нина Александровна вышла из-за стола, протянула для рукопожатия узкую ладонь с длинными тонкими пальцами.

- Садитесь, - пригласила и сразу перешла к делу. - Мы вас помним по партийной работе. Предлагаем возглавить пресс-центр... или пресс-службу... Да вы лучше моего знаете, как это точно называется. И ещё. Туеву нужен пресс-секретарь. Будете и эти обязанности выполнять. Не возражаете?

- Согласен, - сдавленным голосом пробурчал Иванов, уши у него горели, и он боялся поднять глаза от полированной столешницы, чтобы не спугнуть удачу.

Олег приступил к работе тот же день. Ему приказали отсидеть на совещании, которое вёл Антон, а потом сделать информацию для прессы. Он раздобыл блокнот, авторучку, скромно присел в уголке большого начальственного кабинета, слушая монолог председателя собрания и делая пометки в блокноте.

Иванов с интересом рассматривал Туева, отмечая про себя произошедшие в нём изменения. Тот стал солиднее на вид, голос - ещё твёрже, формулировки – жёстче. Раз два в ходе совещания он сердито стучал ребром ладони по столу, жестко одёргивал тех, кто не соглашался с его предложениями...

После совещания Антон попросил Олега задержаться.

- Садись к столу, - позвал, пожал руку. - Рад, что будем работать вместе, - искренне произнёс он. - Но работы будет много... Не боишься? - и, не дожидаясь ответа, сказал, глядя ему прямо в глаза:

- Я же в оппозиции к этой власти. Они меня не жалуют, я ведь правду говорю про кровь парламента, про распад Союза, развал экономики, про нищету народа. Только по другому – не могу! Не могу самому себе и людям врать! Поэтому они нас – мою команду – будут «прессовать», депутатам собрания наобещают золотые горы. Может, и на тебя давить будут... Ты как?

- Да я... - Олег привстал.

- Верю, сиди. Знаю, школа у тебя хорошая. Но в информации по мне... без обид, тут акценты должны быть чёткие... Вот что собираешься написать о сегодняшнем совещании?

Олег, заглядывая в блокнот, рассказал схему будущей заметки.

- В принципе верно, - сказал Антон. – Только, давай так... бери бумагу, записывай...

С этого дня началась у Олега новая жизнь и нелёгкая работа. По два-три раза в неделю мотался с председателем по городам и весям немаленького

региона. Ветераны, начинающие бизнесмены, руководители разных мастей и уровней встречали Туева с радостью, замирали, слушая его зажигательные речи о том, какой должна быть настоящая жизнь у тех, кто добросовестно работает...

Иванов снова готовил интервью, брифинги и пресс-конференции, писал ответы на бесконечные вопросы журналистов, строчил информацию для редакций, статьи для газет. А когда законодательное собрание приобрело видеокамеру, Олег взял её в руки и начал снимать репортажи для местных теленовостей.

Насидевшись без дела, он «пахал» с удовольствием, дополнительный адреналин получал ещё и от того, что практически в каждом городе или районном центре, куда бросал этот рабочий «вихрь», встречал знакомых местных журналистов, редакторов, с которыми сошёлся ещё за годы в секторе печати. Кстати, многие из них тоже симпатизировали Антону, и это облегчало Иванову публикацию статей и заметок.

А когда поднакопился видеоархив, Сомов подсказал ему поехать к директору местной государственной телерадиокомпании. «У нас же в новой Конституции есть принцип разделения властей или как? Пусть для депутатов время в эфире выделит».

Олег так и сделал: хитро и осторожно, после третьей стопочки популярного в то время молдавского «Белого аиста», закинул «удочку» прямо в душу старого знакомого, прожженного телевизионного руководителя-долгожителя, много чего повидавшего и пережившего за последние годы. И умевшего, по общему признанию коллег, лавировать в мутном политическом потоке.

- Ты это к чему? - прищурился телевизионный волчара. - Что вы там с Антоном задумали? Опять народ хотите баламутить?

- Ни Боже мой! - замотал головой Олег. - Во-первых, Антон пока ничего не знает. Во-вторых, предлагаю поднять рейтинг вашего канала. Обещаю, будет интересно и не больно!

- Ох, знаю я этих депутатов... - вздохнул собеседник, кивнул, закуривая. - Выкладывай.

- Предлагаю раз в неделю получасовую информационную передачу о парламенте области. Никакой аналитики, без завиральных комментариев, только: что, где, когда... Делать буду сам. Могу каждый раз сценарий показывать перед монтажом. Да ты мою позицию знаешь: истина всегда лежит посередине.

- А если твои депутаты на областную администрацию или, не дай Бог, на президента бочку покатыт? Где гарантии? Что будем делать?

- Ну, ты же знаешь наш старый демократический принцип гласности: закроешь передачу – и всё! Никаких обид...

- Ладно, - после долгой-долгой паузы согласился телевизионный начальник.

- Считай, договорились. Кто его знает, - хитро прищурившись, добавил он. -

Вдруг твой Антон опять в силу войдёт, регион возглавит. Вы уж меня не забудьте... Когда начнёшь вещать?

- А то! - Олег пожал ему руку. - А начну со следующей недели, если позволишь.

Передачу он назвал «Форум». И начал вкладывать в неё весь свой опыт. Еженедельно делать «получасовку» одному было непросто. Основными были «Новости от председателя собрания». Тут он подробно, с «видеокартинками» рассказывал зрителям, какие решения приняла депутатская власть в интересах своих земляков.

Антон новость о том, что у депутатов будет своя телепередача, очень обрадовала. Он объявил Иванову благодарность за инициативу, приказал подчинённым помогать ему. Подготовку первых выпусков контролировал сам, при этом Олег недовольно хмурился и фыркал на его замечания.

- Что ты фыркаешь?! - горячился в ответ Антон. - Дело-то государственной важности!

- Ну, да. А я – маленький, не понимаю.

- Ладно, - наконец, согласился Туев. - Доверяю. Делай сам. Только, одно условие: председателю в передаче – зелёный свет.

- Без проблем, - кивнул Иванов.

В каждом выпуске он думал над каждой фразой, подбирал каждое слово. Понимал, прикрыть передачу могут в любой момент, придравшись к какой-нибудь мелочи. Ведь в администрации региона за деятельностью Антона и его команды следили ревниво и тщательно. Как говорили, о любом его шаге «влево» или «вправо» сразу же докладывали в Москву, на самый верх, надеясь, что, если однажды президент уже отправлял его в отставку, почему бы не сделать это ещё раз.

Только сделать с высоким рейтингом Туева ничего не могли. Его бесконечные встречи с населением проходили в забитых под завязку дворцах культуры, актовых залах предприятий, на сельских сходах.

«...Мы депутаты нового созыва, будем работать так, чтобы создать в области такие законы, такую налоговую систему, чтобы выгодно было производить продукцию, чтобы люди могли больше заработать, - распаляясь перед притихшей аудиторией, рубил Туев рукой воздух. - Тем, кто работает, если создать им условия, они себя прокормят, дадут продукцию, товары. А раз появится продукция, то и деньги в казну «закапают». Вот тогда можно и деньги делить, и защищать наших ветеранов, которым мы обязаны всем, студентов, наших детей и внуков, профинансировать науку, поднять на должный уровень жизнь врача, учителя, работника культуры...»

Ветераны и рабочие внимали каждому его слову, старушки торопились прикоснуться нему, как к мессии, даже крестили вслед и просили Бога дать сил и здоровья защитнику людей...

Потом в жизни Олега наметился ещё один интересный период, связанный с этой работой.

Новая власть формировалась не только в регионах. Вместо расстрелянного парламента страны создали Федеральное Собрание. Две его палаты: верхняя – Совет Федерации и нижняя – Государственная Дума выбрали в один из декабрьских дней 1993 года. Туев тоже участвовал в выборах в верхнюю палату российского парламента от региона и ожидаемо выиграл. Так что стал он одновременно и председателем областного собрания, и членом федерального парламента от своего региона. Любил называть себя «Российским сенатором».

Совет Федерации самого первого созыва был необычным. Сенаторы заседали три дня, потом следовал двухнедельный перерыв, и – снова три дня на принятие федеральных законов.

А каким «пёстрым» был его состав! Здесь были простые рабочие и юристы, общественные лидеры и новые губернаторы. А сколько тут было руководителей национальных республик, враз объявивших себя президентами. На лицах тех сенаторов не было чванливости. И спорили они на заседаниях порой до хрипоты. Часто смело, задиристо сенаторы преодолевали «вето», которое накладывал президент страны на законы, которые ему не нравились!

Всё это Олег узнал вскоре после того, как начал делать свой «Форум». Ему опять понадобилась помощь Сомова.

- Мы должны добиться, чтобы нашу передачу смотрели как можно больше зрителей, - сказал Иванову Антон, неожиданно вызвав к себе в кабинет. Особо председатель нажимал на слова «мы» и «нашу».

- Так я стараюсь... - пытался возразить он.

Антон поморщился:

- Ты не ершишь, дослушай до конца. Я же тебе дело предлагаю. Интересное дело, понимаешь?

Олег молча кивнул. Он уже начал привыкать, что с Туевым лучше не спорить, всё равно будет по его.

- Будешь ездить со мной на заседания Совета Федерации. Снимать мою работу в Москве, брать интервью у известных политиков. Вопросы им задавай самые разные. Повторяю, задача одна – наша передача должна быть интересной! Между прочим, спрашивай у них, как они к нашему региону относятся и лично ко мне... Понимаешь? Я потом тебе подробнее объясню, зачем это надо... Согласен?

- В первопрестольную, да на халяву! - Олег дурашливо потёр руки. - Хоть завтра поеду, шеф!

- Не завтра, а на следующей неделе. А пока готовься, - Антон похлопал его по спине.

...И каждые две недели они вместе стали летать в столицу. На улице Большая Дмитровка Олег познакомился с пресс-центром Совета Федерации. Привечали здесь хорошо: не было вопросов, на которые не дали бы ответа. С высоты балкона для прессы он своей не очень-то внушительной, по меркам профессионалов, любительской камерой наловчился снимать зал заседаний. Особые кадры всегда получались с Антоном. Отсюда, с балкона, Антон выглядел, как все сенаторы. Но, с другой стороны, обыватель потом в телепередаче видел, как народный любимец был «на ты» с известными в стране людьми.

Но особенно любил Олег перерывы в заседаниях. В эти минуты в кулуарах бесчисленные журналисты наседали на разные «знаменитости», задавали им всякие вопросы. Иванов пристраивался рядом, записывал умные комментарии сенаторов, гостей парламента, которые становились затем украшением его «Форума».

За короткое время он умудрился взять интервью у председателя Совета Федерации Владимира Шумейко, председателя Конституционного суда России Валерия Зорькина, его коллеги - председателя Верховного суда Вячеслава Лебедева, знаменитых на всю страну губернаторов – орловского Егора Строева, белгородского Евгения Савченко, свердловского Эдуарда Росселя, президента Татарстана Минтимера Шаймиева и десятков других. И каждому он всегда задавал один и тот же вопрос: как они относятся к молодому сибирскому политику Туеву? Ответы в большинстве были благожелательные.

В командировочные дни они жили в гостинице «Россия» - самой большой гостинице страны с тысячами номеров. Она стояла прямо в центре столицы: на углу Красной площади, у Васильевского спуска, рядом с симпатичной улицей Варваркой. В Москву они летали маленькой командой из трёх человек. Само собой, народный сенатор, его помощник, широкоплечий Толик и Олег. Сенатор занимал полулюкс со спальней и кабинетом, Иванов с Толиком обитали в небольшом двухместном номере.

Часто, после вечернего заседания в парламенте, часов в восемь вечера, они втроём возвращались пешком с Большой Дмитровки в гостиницу. В коридоре. Антон говорил: «До завтра», - что означало: в семь тридцать утра в его номере. Парни шли к себе, переодевались и быстренько «выскакивали» в большой «Гастроном» на Варварке, заговаривались продуктами. Потом устраивали неторопливый холостяцкий ужин, вели бесконечные разговоры за жизнь, вспоминали спокойную жизнь в СССР, который исчез буквально на глазах, вздыхали и не могли представить, что ждёт их, и их детей впереди.

Москву в этих коротких поездках они почти не видели. Как говорится, дом – работа... Через три дня возвращались в свою Сибирь, где каждый из них трудился на Антона сам по себе.

Но однажды Антон вместо «До завтра», сказал: «Через пятнадцать минут жду у себя в номере», - и исчез за дверью.

Олег с Толиком удивлённо переглянулись. Торопливо переоделись, умылись и явились к шефу, осторожно постучавшись, перешагнули порог начальственных апартаментов и скромно замялись в узком «предбаннике». «Проходите, я – сейчас!» - крикнул хозяин из спальни. Они прошли в комнату, присели на небольшой диванчик. Вскоре Антон появился из спальни. В спортивном тёмно-синем костюме он выглядел необычно, домашнему.

- Давайте ужин соорудим, - предложил Антон.

Они вскочили, суетливо принялись передвигать мебель. Туев поставил к столу небольшое кресло – для себя. Открыл холодильник, выложил на стол батон сервелата, тарелку с тонко нарезанными ломтиками разного сыра, французскую булку, овощи, фрукты, банку красной икры, ещё какие-то банки и баночки. Во главу трапезы выставил бутылку армянского коньяка.

- Давай, Анатолий, режь и открывай всё это. А ты, Олег, помой овощи и фрукты, - Антон начал доставать из буфета посуду. - Сегодня можно расслабиться, завтра заседания нет, - объяснил он.

Они уселись вокруг стола, Анатолий разлил золотистый напиток по изящным бокалам.

- Предлагаю выпить за вас, - Антон поднял бокал. Они чокнулись. Олег почувствовал, как спиртное мягко и приятно обожгло гортань.

- Закусывайте, парни. А то едите, наверное, как попало?

Иванов знал хлебосольный характер Антона: тот любил угощать гостей. Впрочем, уговаривать их дважды не пришлось. С утра кроме булки с маком да чашки чая в гостиничном буфете они ничего не ели. Поэтому навалились на закуски.

- Наливай, - кивнул хозяин номера Толику. Тот снова плеснул по бокалам.

- Предлагаю за ваше здоровье, шеф,.. - осмелел Олег. Туев раскраснелся от удовольствия.

- А что, парни, - он поставил на стол выпитый бокал. - Сейчас поедим, и я предлагаю прогуляться по Красной площади, воздухом подышать.

- Да вы ешьте-ешьте, успеем ещё, - видя, что они начали подниматься, остановил он.

...Через полчаса они шагали рядом по булыжной мостовой ярко освещённой площади.

Олег впервые был здесь в такой поздний час. Подсвеченные башни Кремля величаво возвышались под тёмным куполом неба. Собор Василия Блаженного выглядел в искусственном свете гораздо красивее, чем хмурым осенним днём. Ансамбль площади ладно обрамляли здания Исторического музея, больше похожего на вычурный старинный терем, и ГУМа с его

замысловатой архитектурой в стиле ампира, напоминающего дворцы римской империи. Любоваться этой красотой не мешал даже снег, валивший сверху большими хлопьями, а площадной сквозняк причудливо закручивал снежинки там и тут в белые круговороты.

Со стороны их троица выглядела, наверное, провинциально. Особенно выделялся Антон и не только высоким ростом: из-под дорогой дублёнки выступали спортивные брюки с белыми «адидасовскими» полосками, заправленные в зимние сапоги с высокими голенищами. На голове красовалась папаха.

Гуляющие по площади люди оглядывались на них, особенно на Туева. Одна пожилая пара осведомилась: «Вы же – Туев?» «Да!», - с явным удовольствием ответил он. «А мы из Краснодара», - сказала женщина. - Видели вас по телевизору. Спасибо вам!» - она поклонилась ему. «За что же?» - спросил Антон. «А вы нас, простых людей, защищаете», - она снова поклонилась ему. «Идём, - потянул её за рукав супруг. - Неудобно, отвлекаем людей...» - и они двинулись дальше.

- Мы рады за вас, шеф, - хихикнул Олег. - Такие слова дорогого стоят...

- Не ёрничай, - перебил Антон. - Я давно хотел с тобой поговорить, - он взял его под локоть, и они приотстали от Анатолия.

- Мне надо, чтобы ты вышел на федеральную прессу. Ищи связи... Пусть их корреспонденты берут у меня интервью по любым вопросам.

- А как... - начал было Олег.

- Не знаю, - вдруг жёстко оборвал Антон. - Думай, ищи. Ты же пресс-секретарь. Надо, чтобы уже в нашу следующую командировку был результат. Повторяю, думай!

Задача была непростая. И Олег вновь вспомнил о Сомове.

Он встретился с Николаем в своём кабинете уже на следующий день после командировки. На просьбу помочь с контактами знакомых по московской учёбе федеральных журналистов, Сомов почесал затылок, достал из внутреннего кармана потрепанный блокнотик с алфавитом, начал задумчиво листать его. Лицо его осветилось воспоминаниями, и он хлопнул по блокнотику ладонью:

- Вот оно, Олег! Оляка поможет... Ха-ха-ха, - хохотнул он игриво. - Оляка Белая – это голова!

- Не томи, скажи, кто это? - потянул его за рукав Олег.

- Ну, всего я тебе рассказать не могу, - широко улыбался Сомов. - Да и зачем тебе? Она – заведомо еженедельника «Собеседники». Пишет, как песню поёт!

- Неужели, та самая Белая из тех самых «Собеседников»? - восхищённо посмотрел на него Олег. - Откуда её знаешь?

- В академии вместе учились... - Колька ухмыльнулся. - Так и быть, я ей звонок сделаю. Попрошу за твоего Антона. Только сразу скажу, от радости, что встретится с твоим шефом, она не умрёт... Олька - великая! Она журналистка от Бога. Так что он её обаять должен, а лучше – денег ей дать... Москва всегда деньги любила больше, чем людей...

Олег хорошо знал, что у газеты «Собеседники» популярность была сумасшедшая: в киосках «Союзпечати» за свежим номером выстраивались очереди. И это, несмотря на тираж в сотни тысяч. По многим темам она была первой в стране. «Собеседники» первыми получили право на интервью бывшего полковника из «верхушки» госбезопасности, а ныне – заочно приговоренного к расстрелу за измену Родине шпиона, улизнувшего на Запад. Первыми напечатали исповедь известного российского диссидента. Кстати, этот материал, помнил Олег, написала именно та самая Ольга Белая.

Опубликоваться в этой газете было мечтой многих политиков. Туев, узнав, что известное издание готово напечатать его интервью, крепко пожал Иванову руку, потом достал откуда-то «из-за кулис» своего кабинета бутылку хорошего коньяка, протянул Иванову: «Держи. Если всё пройдет нормально – с меня премия».

- Там ещё насчёт оплаты... - напомнил Олег.

- А это – моя забота. Всё, иди! - Антон уткнулся в бумаги, которыми был завален его рабочий стол.

В очередной поездке в первопрестольную Иванов, вместо Совета Федерации, отправился устанавливать контакт с «Собеседниками». И уже вечером того дня, слегка смущенный, Туев ступил на порог редакции. Ольга встретила его, как и обещала Олегу, радушно.

- Я нужен? - на всякий случай спросил у них Олег.

- Нет, - ответил Туев.

- Нет, - покачала головой и Белая.

- Пойду, съем мороженное, - кивнул Олег шефу. - Я вас в машине подожду.

...Материал вышел ровно через две недели. Во всю первую полосу номера красовался цветной портрет Туева, а на пятой странице было напечатано его объемное интервью под заголовком «Я мог бы сделать больше»...

«Я считаю, что добывающие отрасли, военно-промышленный комплекс, село, энергетика – в обязательном порядке должны быть в руках правительства. Это – государственная собственность. Остальное – даже при желании не заберёшь, дай Бог с этим управиться, потому что речь идет о восстановлении разрушенного народного хозяйства. Причём сейчас это будет намного тяжелее, чем было после Великой Отечественной войны. Тогда дух был – народа-победителя, а сейчас дух упаднический, никто ни во что не верит», - прочитал Олег ответ шефа на один из вопросов журналистки.

Туев был доволен:

- Молодец, - отложив газету, похвалил он Олега. - Давай, думай дальше...

Как быть дальше, опять подсказал Колька, когда они пили подаренный Туевым коньяк.

- Газеты – серьёзные СМИ, - размышлял Сомов. - Но кто их читает? В лучшем случае, сотни тысяч. А телик смотрят миллионы! Телик для «раскрутки» политиков намного эффективнее, понимаешь?!

- Да знаю я, - согласно кивал Иванов, закусывая хороший коньяк килькой в томате. - Надо что-нибудь с центральными каналами придумать...

- А что тут думать! - привычно затарахтел Колька. - В Совете Федераций столько «теликов» в коридорах слоняются, все перерыва ждут: вдруг кто из сенаторов сенсацию выдаст. Тут они, как мухи на мёд, облепят его и давай жужжать, «раздувать» тему, вопросыки подкидывать, чтобы редактор материал в эфир поставил. А пацанов можно настроить на нужного нам человека...

- Например? - уточнил Олег.

- Ну, вот чем ты в часы заседаний там занимаешься?

- Всяко бывает, сижу, газеты читаю, перерыва жду. Прикидываю, кого для записать. Ведь Антон то и дело твердит: наша передача должна быть самой интересной...

- А ты не сиди, - Николай снова налил в стаканы. - Ты меж пацанами ходи, покури с ними...

- Так не курю, - развёл руками Олег.

- Правильно, для здоровья полезнее. Сам не кури, а их сигареткой угощай. И как бы между прочим бурчи, вроде сам себе: сегодня Туев хочет охренительное заявление сделать...

- Ага, так они и поверили! Расспрашивать станут, что да как?

- А ты не задерживайся, - смешком отреагировал Сомов. - Бросил сквозь зубы пару слов и шагай себе к другим пацанам, им тоже пару слов скажи... Посмотришь, в перерыве они побегут к Антону... А его предупреди, пусть заготовит несколько хлёстких фраз. Да его учить не надо – оратор... Его фразочки как горячие пирожки разлетаются... Вот посмотришь, они сами за ним бегать будут! - Колька растянул рот до ушей, вспоминая Антоново красноречие. - Говорит – заслушаешься... Не то, что наш нынешний губернатор! Как ляпнет чего: хоть стой, хоть падай!

Колька замолчал, видно устал от своих скороговорок. Олег тоже молча обдумывал его предложение, мысленно прикидывал, как поведёт себя в журналистской тусовке парламента.

Выпили ещё по одной.

- А он у тебя в каком комитете Совфеда числится? - морщась и занюхивая рукавом, спросил Николай.

- Комитета по делам Севера и малочисленных народов, - ответил Олег. - Сам понимаешь, с этой темой в прессе не разбежишься...

- Да уж... Надо что-нибудь про налоги... Про борьбу с коррупцией пресса тоже хорошо «хавает», про Уголовный кодекс, опять же, - «набрасывал» темы Сомов.

...- Туев выходит! - громко объявил кто-то из дежуривших в коридоре в ожидании перерыва в заседании. Показавшегося из зала Антона тут же окружили журналисты, протягивая к нему диктофоны, микрофоны, микрофонные «удочки», нацелили объективы телекамер.

Антон, предупреждённый Олегом об «операции» покорения федерального телеолимпа, держался бодро и уверенно.

- Да, - отвечая на первый вопрос, тряхнул он гривой густых чёрных волос. - Мы начали рассматривать проект нового Уголовного Кодекса России. А теперь я хочу спросить всех вас, - выражение его лица, отметил приникший к видеоискателю своей камеры Олег, мгновенно изменилось, на нём появилась озабоченность и даже ярость политика, не перестающего думать об интересах людей. - Мы для чего этот важнейший документ хотим принимать: для защиты страны от преступности или в интересах этих самых преступников, запугавших уже всех и вся?!

Первые ряды интервьюеров оторопело начали пожимать плечами...

- Этот же вопрос, если бы мог, я хотел бы задать и нашему президенту. Считаю, что принимать Кодекс в этом виде нельзя! - и Туев начал убедительно и образно доказывать свою точку зрения...

Вечером в номере «России» Иванов с Анатолием, щёлкая пультом телевизора, пересмотрели все вечерние выпуски новостей. Туева показали почти по всем каналам. Конечно, каждый выдал этот сюжет по-своему. В парламентском репортаже на первом федеральном Антон лишь мелькнул в кадре, при этом репортёр отметил, что мнения сенаторов на законопроект разошлись. Зато так называемое «Независимое телевидение», которое народ образно прозвал «некрофил-тв» за бесконечные передачи об убийствах, криминальных разборках «братков», постоянные боевики и бандитские сериалы, дал большой «кусок» интервью Туева, подробно изложив его точку зрения.

- Ну, ты сегодня отличился! - не успел похвалить Олега Анатолий, как вдруг громко и противно в номере зазвонил телефон. Толик округлил испуганные глаза и схватил трубку:

- Слушаю! Да... Да... Хорошо! - он осторожно положил трубку на аппарат. - Шеф тебя срочно вызывает, беги.

Когда Олег осторожно переступил порог соседнего номера, Туев сидел в кресле у телевизора. Не вставая, он протянул Иванову руку: «Спасибо, Олег! - сказал искренне, широко улыбаясь, и тут же добавил. - Но останавливаться нельзя... Поэтому, думай дальше...»

В регионе авторитет Туева среди народа был высоким. Рос его рейтинг и на федеральном уровне. Это нравилось не всем.

Об этом и говорили при встречах Олег с Николаем. Колька «выдал» Иванову ещё несколько своих проверенных контактов из центральных газет и информационных агентств. Благодаря ему, удалось тесно сработаться с редакцией газеты «За труд», агентством «Междуфакс», которые не упускали случая процитировать «очередное» от Туева. Сообщения для прессы готовил Иванов. Туев всегда внимательно вычитывал его заготовки и поправлял на свой лад.

В перерывах в парламенте журналисты сами тянулись к Антону, зная, что не откажет, смело и оригинально ответит на любой острый вопрос. Часто пресса искала контакт с Туевым через Иванова. Так завязалась дружба с российским радио, популярной «левой» газетой «Советская страна», зарубежным радиоканалом «За свободу».

Об Антоне и в Москве заговорили всерьёз. «Левые» считали его коммунистом, люди говорили, что он «народный», структуры со Старой Площади «поставили» на нём клеймо оппозиции.

А в родном регионе начались серьёзные проблемы между законодательным собранием и областной администрацией. Депутатские сессии срывали любым способом: кого-то из народных избранников удалось подкупить должностями, кого-то материальными подачками. Кворума не было. Из всех принятых законами губернатор подписал едва ли одну треть. Пошли разговоры, что депутатов могут вообще распустить...

Давление на Туева стало огромным. У другого бы глаза на лоб вылезли от такого, рассуждали между собой Сомов с Ивановым, а он чувствовал себя среди этих трудностей, как рыба в воде. За словом в карман не лез, мотался по региону, не гнушался выступать перед любой аудиторией, где рубил правду матку об исполнительной власти. Особо апеллировал к ветеранам: «Пенсионерам надо не потому платить достойно, что нужны их голоса на выборах, а по идеологическим причинам: всё, что построено на сегодняшний день в нашем государстве, построено их руками. Они воевали, после восстанавливали народное хозяйство, после этого вздохнули – надо бы пожить для себя, а тут снова реформы, и снова отбросили именно эту категорию населения. Прикрыть их нужно очень мощно социально, потому что у них дети, внуки. Они говорят: ну, что ж ты, дед?! – ты воевал, у тебя ордена, а что толку-то, ты – нищий. Ты честно трудился, мне твоим путем нет смысла идти».

И авторитет Туева в народе только рос. Его комментарии и критику власти удавалось доносить до людей, в основном, через негосударственные газеты

и телеканалы, которые начали появляться в Сибирском регионе как грибы после дождя. В своей же телепередаче Олег даже самые горячие события комментировал ровно и спокойно. По рекомендации Туева всячески берёт программу от закрытия, для лучших времён.

Осенью 1995 года Антон стал кандидатом в депутаты Государственной Думы России от партии «левых». Олег хорошо знал: сам Туев в Думу не собирается, задачу ему поставили серьёзную – привлечь к «левым» кандидатам как можно больше голосов избирателей. С поручением Туев справился на «отлично»: в родном регионе «левые», а вернее, их кандидат Антон Туев обошёл всех остальных, как говорится, «на два корпуса». И... отказался от депутатского кресла в столице в пользу следующего по списку кандидата...

- Спасибо! - поблагодарил он Олега один на один. - Но это была разминка. Впереди президентские выборы...

- Будете участвовать!? - Олег влюблёнными глазами смотрел на шефа. - Но вы же уже были...

- Да, был, - одёрнул его Антон. - И буду снова... Это пока секрет, смотри, сейчас никому об этом! А перед тобой поставлю одну важную задачу. Потом расскажу. Ты обязан с ней справиться...

Олег снова позвал Николая «посидеть» в своём небольшом кабинете за «рюмкой» чая. Они, не торопясь, распивали «белого» и размышляли о жизни. Впрочем, импульсивный Колька не мог сидеть спокойно, после каждого глотка, он вскакивал со стула, «рубил» кулаками невидимого противника, изображая бой с тенью. Потом снова подсаживался к столу и подливал себе в стакан.

- А ты знаешь, что впереди президентские выборы? - быстро спросил он у Олега.

- Ты о чём? - севшим вдруг голосом переспросил тот.

- Так у нас все говорят, что твой Антон снова будет участвовать...

- Мало ли что говорят, - уже спокойно ответил Иванов. - Он раз уже пробовал, что толку.

...Накануне в областной библиотеке Олег внимательно перелистал все публикации о первых выборах президента России, которые проходили пять лет назад. Тогда Туев тоже был одним из шести кандидатов. Участвовал в теледебатах, ездил по стране. И сумел занять четвёртое место: за него проголосовали почти пять с половиной миллионов. Для малоизвестного на российском уровне политика это был серьёзный результат.

...- Не скажи. Это какой же пиар! На целую страну! - в голосе Николая опять сквозили весёлые нотки. - Ты ему так и посоветуй: пусть идёт, на всю ивановскую прогремит.

- Да ему мои советы...

- Не скажи, - снова перебил Сомов. - Он к тебе прислушивается.

Когда зимой 1996-го начался сбор подписей в поддержку будущих кандидатов на президентское кресло, скрыть уже ничего было нельзя. Чтобы стать кандидатом, надо собрать миллион подписей избирателей в свою поддержку. Причём, подписи собирать надо не в одном регионе – вести сбор по всей стране. Много сторонников Туева разъехались по городам и весям. Люди охотно подписывались в пользу настырного, популярного к этому времени политика.

Подписные листы живым ручейком «стекались» в штаб. Наконец, когда собрали вдвое больше подписей, чем необходимо, коробки с ними переправили в Москву. Это была целая операция, за которой следили и переживали все члены команды Антона.

Скоро в штаб Туева пришла радостная весть: избирком зарегистрировал его кандидатом в президенты. Все ликовали, поздравляли друг друга, как будто выборы уже выиграны. Но Антон не дал расслабиться, ведь кампания только начиналась. Он сам составлял план действий, расставлял людей, давал распоряжения. Часть активистов задействовали для организации встреч его с избирателями в областях и республиках.

А перед Олегом Туев поставил конкретную задачу. В каждом регионе кандидату в президенты на теле- и радиоканалах выделяли время для выступления: хочешь, сам приезжай в определённый день на телестудию. Или твой представитель выступит за тебя. А можно прислать готовый ролик, который и поставят в эфир.

- Запишем моё обращение к избирателям, - сказал Олегу Туев. - А дальше – думай, как его доставить в регионы.

- Да, задача, - Олег почесал затылок.

- Собери специалистов, обмозгуйте. Позови тех, кто захочет помочь: друзей, знакомых. Потом сочтёмся...

Когда снимали на камеру предвыборную речь Туева, он был «в ударе»: говорил эмоционально, доходчиво, с юмором и напором изложил свою предвыборную программу. Уложились в положенные полчаса.

Центризбирком дал в российской газете общий график выступлений по местным телерадиоканалам восьми десятков регионов каждого из кандидатов в президенты. Теперь стало понятно, когда и в каком городе страны должны оказаться их видео и аудиокассеты, ведь тут и адреса были, и телефоны. Олег нашёл себе пару помощников. Они склеили несколько листов ватмана, расчертили их на квадраты – по числу регионов. В каждый квадрат вписали адреса и телефоны телерадиокомпаний, и даты выступлений своего кандидата.

С видеозаписи Антона Иванов наделал сотню копий на обычные «бытовые», как их называли профессионалы, видеокассеты. Олег прикинул,

что качество картинки, конечно, будет не самое лучшее, но зато приемлемое для любого оборудования любой телекомпании. Со звуковым вариантом для радио оказалось ещё проще.

Оставалось решить, как эти записи в установленный срок доставлять в регионы. Олег несколько дней ломал над этим голову. В ближние области их можно было отвести на авто или поезда. А как быть с Тамбовом, Москвой или Питером, Дальним Востоком или Кавказом, например? Тут на поезда или на почту надежды мало.

Решил поговорить с Сомовым. Николай примчался к нему в кабинет, как всегда, радостно хохоча, долго тряс Олегу руку, дурашливо целил кулаком товарищу в плечо. Всем видом показывал, что рад встрече.

- Редко видимся, - Олег уклонился от Колькиного кулака.

- Да! - согласился Сомов. - У вас тут жизнь бьет ключом, а у нас – рутина. Похоже, наш губернатор только вашим Антоном и занимается. И нас заставляет справки против вашего Собрания писать «наверх», дескать, надо его распустить по причине недееспособности. А ведь сам сессии срывает. - Ты-то как? - он, хитровато прищурившись, посмотрел на Олега. - Знаю, к большим выборам готовитесь. Всё правильно! Как у нас говорят, большому кораблю... Может, чем помочь? - он понял, что Олег позвал не зря. Поэтому предлагал обойтись без лишнего политеса.

- Давай, если можешь, - Иванов вкратце обрисовал ему проблему.

Тот хмурился, слушая товарища, нервно тёр переносицу, переваривая информацию. Потом выставил перед собой правую ладонь, останавливая словесный поток Олега, принял боксёрскую стойку и несколько минут вёл интенсивный бой с тенью, с шипением, привычным олегову уху, впуская и выпуская воздух сквозь сжатые зубы.

- Давай, возьмём маленькую, посидим и всё обсудим, - предложил он наконец. - Есть предложение...

...Нет возражений, - в тон ему отреагировал Олег.

Они долго изучали расчерченные на квадратики склеенные листы ватмана, которые Иванов держал взаперти от посторонних глаз в одном из пустых помещений.

- Да! - восхитился Николай масштабом грядущего дела. - Вся Россия-матушка здесь!

...После первой рюмки горячительного Сомов своей малопонятной непосвящённым скороговоркой изложил простой, как и всё гениальное, план.

В области есть подразделение федеральной фельдъегерской связи: «Да ты их начальника, Журова, помнишь, - похлопал он Олега по спине. - Мы пакуем кассеты с письмом кандидата в специальный пакет, пишем адрес телерадиокомпании. Сдаём в его контору, как важный документ.

Фельдьегер самолётом везёт пакет в Москву и передаёт коллеге из нужного региона. Тот на следующий день, тоже самолётом, доставит наш пакет до нужного места. Более того, вручит адресату прямо в руки, под распись...»

- На каждый случай клади по три, а лучше – по четыре дня до начала эфира. Ну, как тебе план? - Николай разлил по очередной и, глядя на озадаченного Олега, рассмеялся. - Соглашайся, какой у тебя выбор?!

- А кто будет эти пакеты оформлять, сдавать? От нас они ведь не возьмут...

- Олег знал, что говорил, фельдсвязь подчинялась региональной администрации.

- Я буду, - Николай развёл руки. - Навру что-нибудь. Вот увидишь, прокатит, как по маслу.

- А если разберутся, тебе же не просто по шее накостыляют, с работы попрут...

- Если болтать не будем, не разберутся, - подмигнул Николай. - А потом, у нас тоже немало народа Антону симпатизирует. Им давно наш губер надоел.

- Как же вы на него работаете?! - Олег потряс захмелевшей головой. - Давай начнём операцию «Доставка» прямо завтра?

...Антон вызвал к Олега к себе с самого утра. Иванов думал, что шеф ещё находится в одной из поездок: выборная кампания вышла на финишную прямую, Туев мотался по регионам, выступал перед избирателями, неизменно срывая аплодисменты и симпатии. А оказалось, что он прилетел домой накануне поздно вечером и с утра появился на рабочем месте.

Олег отметил, что вид у него довольный, хотя смотрелся устало.

- Садись, - кивнул Туев и сам уселся в председательское кресло. - Рассказывай, как дела идут?

Иванов коротко сообщил о выполнении своей задачи в выборной кампании. На этот день ролики Туева «прокрутили» уже в семидесяти регионах. Оставалось охватить самую малость территорий. И, главное, трансляции нигде ни разу не сорвались, всё шло по графику, выстроенному Центризбиркомом.

- А как ты проверяешь, что их действительно показывают, как положено? - Туев подозрительно посмотрел на Олега.

- Так я туда перезваниваю, и до эфира, и после, - твердо глядя в глаза начальнику, ответил Олег. - С руководством компаний говорю. Срывов ещё не было. Больше того, - решил он порадовать Антона, - народ очень хвалит ваши ролики. Все отмечают, что наш кандидат выступает лучше всех!

- Может, врут? - усомнился Антон. Но по всему было видно, что он доволен.

- Кто, говоришь, тебе с доставкой кассет помогает?

- Да, так, товарищ один... люди... - замялся Иванов.
- Ладно, ладно... Не хочешь, не говори, - усмехнулся Туев. - Меньше заешь, лучше спишь. Просто надо всех потом поблагодарить. Не забудь... - Антон потер открытой ладонью подбородок. - Вот ещё что... Я на днях объявлю о том, что снимаю свою кандидатуру накануне первого тура и призову своих избирателей отдать голоса в поддержку кандидата от патриотического блока.
- По-другому нельзя? - оторопело переспросил его Олег. - Значит, вся наша работа впустую?!
- Почему, впустую? Сам же говоришь, что лучше всех выступаю, что народу нравится... Или врешь?!
- Неа, какой мне смысл? Просто думаю, а вдруг ваши избиратели не поймут этого шага, решат, что вы испугались...
- Согласен, об этом надо помозговать, - Туев помолчал, глядя в стол. Потом тряхнул чёрной шевелюрой. - Это не моё решение. В Москве штаб «левых» решил, что надо сложить все наши голоса в пользу их главного кандидата. В мой успех они не верят... Наверное, правильно. А вот в том, что «отберу» у нашего кандидата часть голосов – не сомневаются. Надо подчиниться, иначе у него победы не будет. А он к ней очень близок: люди устали от нынешней власти, нищеты, безработицы. Перемен хотят, не возврата к старому, а перемен в пользу простого народа. Я-то знаю, я ведь с ними общался напрямую...
- Решено, - громко хлопнул он ладонью по столу и встал, давая понять, что аудиенция закончена. - А ты молодец! - он крепко пожал Олегу руку. - Честно говоря, не думал, что справишься.

Лето 1996 года выдалось жарким в прямом и переносном смысле. С первого захода избрать президента страны не удалось: в первом туре победа не далась никому. Во второй тур ожидаемо вышли действующий президент и лидер «левых», разрыв между ними был минимальный. Даже по официальным данным у кремлёвского кандидата были низкие результаты, но и эти результаты «левые» подвергали сомнению...

После первого тура ситуация предельно обострилась. Второй тур назначили на июль.

В Кремле понимали, что на исход выборов может повлиять и Антон: слишком уж выросла его популярность.

- А что, обратится он напрямую к избирателям, порвёт на себе рубаху, призовет: голосуйте, дескать, за «левых»! Вот тебе и недостающие проценты, - горячился Николай, когда они с Олегом в очередной раз «обсасывали» ситуацию.

- Но он из игры уже вышел, - не соглашался Олег. - Кто его теперь к телеку подпустит.
- В политике так просто из игры выйти невозможно. Например, Туева может вместо себя в эфир вывести кандидат...
- Ты ведь тоже кандидат, - поддел его Иванов. - Как думаешь, кандидат наук, что теперь будет?
- Если рассуждать логично, - усмехнулся Сомов, - Кремль должен вступить с Антоном в переговоры, предложить ему что-то взамен на лояльность.
- Думаешь?
- Поживём-увидим,- улыбался Николай. – Только, что они предложат? Вот бы его губернатором вместо нашего дятла поставили... Наш-то уже всем надоел!

...Кремль послал на переговоры с Туевым не кого попало – премьер-министра – опытейшего хозяйственника и политика. Переговоры проходили прямо в городском аэропорту, куда правительственный лайнер приземлился, якобы, для дозаправки. «Переговоры шли около часа, - доложил Олегу по телефону всезнающий Николай. – Наши сообщили, премьер только что улетел... »

- А до чего договорились-то? - спросил его Олег.
- Не знаю, - хохотнул в ответ Сомов. - Надеюсь, скоро всё узнаем. Если сам сказать не успеет, то по телику на всю страну объявят. Им важно сказать это до второго тура...

У Олега после звонка испортилось настроение. Он вдруг со злостью подумал: вот уйдет Туев, скорее всего, уедет в Москву, а мы тут как же? Губернатор распустит законодательное собрание, проведут новые выборы, придут новые депутаты, председателя нового изберут... И ещё не факт, что его, Иванова, оставят работе... Он вспомнил, как месяцами сидел без дела, и по спине пополз предательский холодок.

Однако Антон вызвал его к себе в этот же день.

- У меня сегодня прошли переговоры с Виктором Степановичем... Знаешь премьер-министра? - спросил Туев. - Садись, пиши пресс-релиз. Опубликуешь его везде, где только можно. Ты должен это сделать раньше, чем Москва расчихается. Пусть люди узнают вначале мою точку зрения на предложение Москвы.
- А вы уже дали согласие? - спросил Олег шефа.
- А ты как думаешь? - внимательно посмотрел на него Туев. - Здесь отказываться нельзя... Да, нельзя, - добавил он, подумав. - Но, всё ещё впереди...

Потом он диктовал Иванову текст пресс-релиза: они подвели итоги двухлетней работы областного парламента. «Несмотря на отчаянное противодействие, бесконечные «палки в колёса» депутатам, срывы сессий со стороны администрации региона и лично действующего губернатора, - писал Олег, - законодательное собрание первого созыва рассмотрело 197 вопросов. Они касались трудовой занятости жителей, их социальной защиты, охраны здоровья, финансовых, бюджетных и хозяйственных проблем региона...»

Однако из 60 законов, принятых депутатами во главе с Туевым, губернатор подписал только одну треть. Он фактически распустил областной парламент и всячески препятствует организации новых выборов... В этих условиях Туев принял решение принять предложение Кремля и войти в правительство страны в качестве министра по делам Союза Независимых Государств или СНГ. «Многие из вас хорошо помнят нашу дружную общую жизнь в СССР, - диктовал Антон. - Я постараюсь на новом уровне делать всё, чтобы из той жизни можно было взять в сегодняшнюю безрадостную для большинства населения жизнь всё самое лучшее. Чтобы восстановить былое доверие и дружбу между нашими народами. Чтобы защитить интересы российских соотечественников, волею судьбы оказавшихся за рубежом».

- Записал? Ну-ка, прочитай... - потребовал он от Олега.

Тот, с трудом разбирая свои каракули, запинаясь, прочитал написанное.

- В целом - верно! - одобрил Туев. - Закончить надо тем, что и в Москве я буду делать для родного региона всё, что смогу. Всегда буду помнить земляков, которым полностью обязан. И буду рад снова вернуться сюда... В общем, как закончишь, покажи.

Потом хитро прищурился:

- И не вздыхай так! - сказал хмурому Олегу. - Всё будет нормально, я тебе потом расскажу...

«О чём?», - подумал Олег уныло и пошёл редактировать релиз...

Несколько следующих дней пролетели в какой-то нескончаемой суете, телефон в кабинете Иванова не умолкал, ему казалось, что он всему свету даёт бесконечные комментарии о принятом Туевым решении.

О переменах в судьбе Антона сообщили все – и «левые», и «правые» СМИ. Кто-то выступал с резкой критикой, не выбирая выражений, кто-то – с ехидной иронией, мол, «перешёл от критики к сотрудничеству с президентом». «Кто знает? – написала одна из новомодных популярных газет. - Может быть, Туева ждёт блистательная административная карьера». И это, пожалуй, было самое сдержанное мнение.

В конце недели Антон назначил прощальные «посиделки». На отдалённую турбазу, скрытую в густой тени листвы берёзовой рощи, отразившейся в

спокойной глади воды небольшого уютного озера, он собрал десятка три тех, с кем тесно работал все эти два года.

Веселья за щедро накрытым столом было не много. Поднимали тосты за Туева, за его успехи на новой работе, за регион. В речах то и дело сквозили грустные ноты.

День стоял солнечный, в помещении было душно, несмотря на раскрытые настежь окна. И Олег решил незаметно покинуть торжество. Вышел на воздух, прошагал по тропинке в сторону воды и оказался на заросшем кустарником берегу. Однообразие пейзажа здесь нарушала одинокая огромная сосна, её широко раскинувшиеся крепкие узловатые корни с одной стороны скрывались под водой, с другой создали на земле причудливого осьминога.

Иванов присел на тугое сплетение корней, засмотрелся на спокойную гладь озера. Он не заметил, как сзади неслышно подошёл Антон, поднялся уже в последнюю секунду, когда тот оказался совсем близко.

- Сиди, - сказал Туев и сам примостился рядом на сосновых корнях. - Хороший день. Люблю гулять по лесу. Только редко удаётся...

- Да, - откликнулся Олег, стараясь не выдавать своего невесёлого настроения.

Но Туев и так всё видел.

- У тебя какие планы на ближайшие месяцы? - спросил он.

- Да, какие там планы, - начал Олег. - Схожу в отпуск, а там видно будет...

- А если я тебя в Москву позову, приедешь? - Туев так хлопнул его по спине, что Олег от неожиданности чуть в воду не свалился. - Кого я в министерстве знаю!? - загорячился Антон. - Мне там свои люди нужны, чтобы можно и опереться, и доверить при случае.

- Так поедешь? - теперь он повернулся к Олегу и смотрел на него в упор.

- Поеду... Конечно, поеду! - Олег схватил правую ладонь Туева и начал трясти изо всех сил. - Конечно, поеду! Что мне здесь теперь...

- Только я тебя позову не сразу, - Антон освободил свою руку от олеговой хватки. - Не завтра. Мне надо осмотреться.

- Да, между прочим, можешь какого-нибудь товарища с собой позвать, - добавил он. - Вдвоём легче будет. Про должность не знаю, но пресс-служба там мне будет очень нужна. И ещё по секрету тебе говорю: я в Москве буду считать себя в длительной командировке. Вынужден. При первом же случае сюда вернусь. Пока об этом никому! - только успел произнести Антон, как из-за кустов кучей вывалили на берег шумные гости.

- Мы их уже потеряли, а они вот где рассиживаются! - шутливо крикнул кто-то...

Потом у Олега начался отпуск. И незаметно подкатила осень.

Однажды в дождливый сентябрьский день в его кабинете раздался междугородний звонок: «Это Москва, приёмная министра, - услышал он приятный женский голос. - Можно попросить Иванова Олега?»

- Это я! - громко закричал он в трубку.

- Тогда соединяю вас с министром...

- Привет, - услышал он деловой голос Антона. - Извини, нет времени долго говорить. В общем, на следующей неделе жду в столице. Тебе приёмная сейчас телефон даст. Приедешь, сразу звони, встретимся. Давай...

Сомов сразу согласился на предложение Олега вместе поработать в Москве. Он схватил Иванова за плечи, смеясь, встряхнуть его. «А Антон против меня возражать не будет?» - задал он всего один вопрос. И когда услышал от Олега, что тот легко уговорит министра, добавил: «Надоело мне здесь. Едем, Олег!»

Вот так в начале октября они с Николаем и оказались в столице.

...Когда Олег впервые вошёл в кабинет министра по делам СНГ, помещение показалось ему прямо-таки необъятным. Туев сидел в дальнем углу за большим письменным столом и разбирал какие-то документы, перекладывая их из одной папки в другую. «Проходи, садись - кивнул он Олегу. - Я сейчас», - и снова уткнулся в бумаги.

Иванов пристроился на стуле за приставным столиком и с любопытством огляделся. Одну стену кабинета состояла из окон, выходящих на небольшую улицу с непривычным советскому уху названием Варварка, которая ещё недавно была улицей Разина и одним концом упиралась в Красную площадь. На противоположной стороне Варварки высилась громада до боли знакомой Олегу гостиницы «Россия». Почти всю другую стену кабинета занимала карта страны с регионами. Стены были отделаны панелями светлого дерева. Из него же был сделан большой стол для совещаний. Над головой министра висел портрет президента в деревянной раме.

- Ну что, нравится? - Антон поднялся из-за стола, пожал Олегу руку. - С приездом! Давай пересядем за стол совещаний. Не люблю это министерское кресло! Я понял, ты не один... А ты за этого парня ручаешься? Ведь он работал против нас в областной администрации!

- Все бы так «против» работали, - пошутил Олег и поведал о том, как помогал им Сомов.

- Ладно, под твою ответственность, - неожиданно просто согласился Туев. - Я тут отделу кадров сказал, чтобы они тебе должность для руководства пресс-службой подобрали. А напарнику твоему выше министерского консультанта ничего предложить не могу...

- Да мы согласны, - обрадовался Олег. Он опасался, что позвал с собой Николая, не посоветовавшись с начальником... «Прямо камень с души упал», - подумал он, с облегчением выдохнув.

- Вот с жильём пока не знаю, чем помочь, - продолжал между тем Антон. - Тут вам самим надо что-то придумать. Я готов позвонить, куда скажете, письмо рекомендательное написать.

- Вы не парьтесь, мы разберёмся, - улыбался Олег.

- Дня вам хватит на обустройство? Мне надо, чтобы ты как можно скорее приступил к делу. От прессы отбоя нет. А я не хочу давать комментарии направо и налево, кому попало. Мне надо знать, с кем можно иметь дело... Я тут пресс-секретаря из министерства выгнал! Два раза в месяц на работу ходил: в аванс и в получку! Я, говорит, доктор наук. А нахрен мне этот доктор, мне работа с прессой нужна! - раскипятился Антон. - Ну, ты же всё это знаешь. Поэтому, давай, приступай. Кстати, бери-ка ручку и бумагу, я тебе прямо сейчас информацию продиктую.

Олег только и успел почесать затылок...

На следующий день сообщение вышло в газете «За труд», куда вчера по старой дружбе Иванов «скинул» заметку. Она была о том, что министр по делам СНГ провёл встречу с известным актёром и режиссёром Роланом Быковым. Тот просил поддержки международному Фонду развития кино и телевидения для детей, который создал, чтобы и в это непростое время снимать добрые детские фильмы. И они договорились, что Антон поможет благому делу, найдёт спонсоров.

У Туева сразу поднялось настроение, когда увидел газету: «Вижу, можешь!», - похвалил. Так начались для Олега с Николаем министерские будни...

Им выделили просторный кабинет на четвёртом, министерском, как его называли, этаже, недалеко от кабинета «самого». «Чтобы бегать было недалече», - подтрунивал Сомов, когда они расставляли столы, стулья, компьютеры на новом месте работы. А её было столько, что только держись! Министр вызывал Олега к себе и утром, и днём, и вечером. Тот сидел на многих его совещаниях, успевая строчить пресс-релизы.

Они с Сомовым составили список газет и телеканалов и радио, где новый министр с его непривычными для официальной Москвы «открытыми» методами работы пользовался спросом. Николай рассылал по факсу релизы на специальном бланке министерства, над которым специально поколдовал Олег, указав для обратной связи номера телефонов, адреса электронной почты пресс-службы. Список СМИ, желающих получать информацию из министерства, рос с каждым днём...

На работе всё шло нормально, а вот холостяцкий быт был неустроен. Особенно трудно им дались первые московские дни. Снимать жильё в столице оказалось накладно. Николай предложил первое время пожить в знакомой ему по аспирантуре гостинице Академии госслужбы, на юго-западе города. «У меня там куча знакомых, денег за ночлег не потребуют», -

заверил он. Туда они и отправились со своими чемоданами. Но за последнее время порядки здесь сильно изменились по сравнению с безалаберными советскими временами.

Им с трудом удавалось вечером после работы проходить в гостиницу через тройной кордон бдительной охраны. Знакомые Сомова каждый день меняли им гостиничные номера, «шифровались», как они выражались. И друзьям приходилось то и дело перетаскивать так и нераспакованные чемоданы. «Какой тут отдых, - ворчал Олег. - Думай, Николай, как нам свой быт обустроить. Ты Москву лучше знаешь».

Так прошли первые две недели. А потом у Сомова родилась идея. «В Москве институт есть, железнодорожного транспорта – МИИЖТ, - сказал он Олегу, когда они в обед прогуливались по одной из улочек при Старой площади.

- Так и что? - не понял Олег.

- Это потому, что ты не хочешь думать логически, - привычно хохотнул Николай. - У каждого вуза есть общага для иногородних студентов, соображаешь? Туев – железнодорожник, так? Начальником дороги работал. Теперь дошло?

- Нет ещё, - огрызнулся Олег. - Мы же не студенты...

- Представь себе, что в общаге могут быть пустые комнаты. Ректорский фонд – для гостей, преподавателей. Вот что нам нужно!

Иванов, кажется, начал соображать, что предлагает Сомов.

- Но как нам это узнать?

- Надо использовать телефонное право. Мы в администрации с помощью телефона все вопросы решали. АТС номер один или по народному «вертушка», с её помощью любого начальника найти можно, - Николай знал, что говорил.

Утром в министерской приёмной они нашли справочник абонентов «АТС № 1». В нём фамилия ректора МИИЖТа Владимира Григорьевича Инокентьева сыскалась быстро.

Олег решил провести переговоры сам. По «вертушке» ректор разговаривал приветливо, сказал, что лично с Туевым не знаком, но много о нём слышал, и согласился после обеда встретиться с помощником министра для решения жизненно важного вопроса.

Потом Иванов с Сомовым долго сочиняли ходатайство ректору от имени министра, подбирали такие слова, чтобы «бумага», как выразился Николай, «сработала». Уж больно надоело каждый вечер решать проблемы ночлега «границы флага». Пора уже и чемоданы распаковать. Они напечатали выверенный текст на министерском бланке, поставили фамилию Туева.

- Иди, подписывай, - благословил Сомов. - Авось, не откажет...

- Авось, - эхом повторил Иванов. – Обещал, - и направился в главный кабинет, благо, в случае необходимости ему разрешалось входить к министру без очереди.

- Не слишком слезливо получилось? - спросил Антон, прочитав послание ректору. - Хотя, москвичей на испуг не возмёшь, а на эмоции, глядишь, и получится. Может, ещё звонок ему сделать?

- Нет, - замотал головой Олег. - Думаю, письма хватит. - Сейчас и отвезу. Я с ним договорился.

...До улицы Образцова они добрались на метро, вышли на станции «Менделеевская», прошли пешком по улицам знаменитой Марьиной рощи. В приёмной ожидали совсем недолго. Ректор, высокий стройный мужчина средних лет с седыми висками, в ладно сидящей чёрной форме железнодорожного начальника, мерил широкими шагами свой кабинет.

Он пожал посетителям руки, представился, пригласил присесть к столу, через переговорное устройство полушёпотом приказал секретарю подать кофе. Выдерживал паузу, во время которой с интересом рассматривал Олега с Николаем, чем вызвал их смущение. Олег всё старался незаметно спрятать в рукава пиджака не совсем свежие манжеты своей рубашки. Потом ректор отхлебнул из чашки и только и произнёс хорошо поставленным голосом:

- Рад, что у министра такие молодые, интересные помощники, - Олег не уловил в его голосе и тени иронии. - С Туевым лично не знаком, но много слышан. Как о железнодорожнике, я о нём высокого мнения. Он руководил самой крупной дорогой в СССР. И неплохо...

Он снова выдержал паузу, попивая кофе, потом перешёл к делу:

- Так, чем могу, как говорится?

Олег молча протянул ему фирменную министерскую папку. Хозяин кабинета раскрыл её, долго читал послание Туева. Ещё раз внимательно посмотрел на посетителей и сказал: «Надо помочь коллеге». Потом наклонился к переговорнику:

- Комендант общежития ещё не ушла? Пусть зайдёт ко мне прямо сейчас.

А пока ждали коменданта, начал рассказывать:

- У нас общежитие – одно из лучших в Москве. Мы же – элитный вуз, поэтому наши студенты должны жить в хороших условиях. У меня там есть ректорский фонд, вернее, даже ректорский этаж, - Николай толкнул Олега ногой под столом. - Я вам комнату выделяю...

В это время в кабинет бочком вошла невысокая, невзрачного вида женщина. О таких говорят: «без возраста»:

- Вызывали?

- Да, - сразу перешёл к делу Инокентьев. - Это сотрудники министерства по делам СНГ, сегодня же поселишь их на мой этаж...

- На сколько дней? – подняла подбородок комендантша. Видно было, что новость её не очень обрадовала. - И по каким расценкам?

- Поселишь... - он взглянул на Олега, но тот быстро отвёл глаза. - Поселишь на год. А платить будут, как наши аспиранты. У тебя бланки на расселение с собой? Давай!

Он сам вписал в бланк их имена, расписался, достал из стола печать и приложил её к документу.

...16-этажная «свечка» общежития возвышалась на той же улице, что и сам институт. Вход на ректорский – второй – этаж располагался отдельно от общестуденческого. Поэтому здесь было тихо. Комендантша выдала им заветный ключ. И они вошли, наконец, в своё жилище.

Комната превзошла все ожидания. Небольшая, но оборудованная всем, что нужно для двух временных холостяков, – стояли кровати, письменный стол с самым большим по тем временам ламповым телевизором на пол столешницы, объёмный шкаф для одежды, тумбочки, стулья. Из прихожей одна дверь вела в ванную, другая – в новенький санузел. Чего ещё желать после скитаний в поисках ночлега?!

Они в тот же вечер сгоняли на другой конец Москвы за чемоданами. Олег до полуночи гладил рубашки и бережно развешивал их на плечиках в шкафу. В ванной под шум льющейся воды что-то громко распевал Николай.

Перекусили «всухомятку», договорившись завтра отметить новоселье. Олег успел осмотреть на этаже бытовую комнату-кухню, с посудой, кастрюлями, электропечью. «Я тебя, Сомов, в выходной приглашаю на домашний борщ», - официальным голосом громко объявил он.

- Принимаю приглашение! - так же громко ответил Николай, залившись смехом, обхватил Олега за плечи, потом, как обычно, провёл стремительный короткий «бой с тенью».

Наконец, они улеглись в непривычные узкие кровати, но заснуть в эту ночь долго не могли...

На работу стали теперь ездить так: несколько остановок – на трамвае, потом ещё две – на метро от «Проспекта Мира» до «Китай-города». Были и другие варианты, но по любому выходило минут сорок, что для Москвы считалось очень быстро.

С непривычки часы пик в метрополитене казались Олегу ужасным столпотворением народов, он чувствовал себя муравьём, которого на входе или выходе из его туннелей просто несло по инерции в заданном муравейником направлении, только успевай переставлять ноги, чтобы не затоптали. Зато Николаю нравилась эта московская суeta: «Я в метро мышцы разминаю», - посмеивался он над страдающим от бесконечного людского потока Ивановым.

Впрочем, и к дискомфорту привыкаешь, если он изо дня в день повторяется. Олег удивлялся, что в вагонах многие умудряются читать – газеты, книги, тетради с конспектами. Попробовал и сам: стал на ходу покупать одну-две «свежих» газеты и за пару перегонов просматривать в них новости. Через несколько дней у него стало неплохо получаться: «пробежал» глазами заголовки, первые предложения публикаций и уже был в курсе главных событий. Затем в кабинете дочитывал подробности и «аналитику» и шёл докладывать министру о главных событиях дня. Туев придавал этим ежедневным обзорам особое значение, они помогали ориентироваться в нескончаемой московской суеде.

Часто попадалась информация об их министерстве и самом министре. Тут уж Антон требовал подробностей или сам прочитывал поданную Олегом заметку. Часто это были «перелицованные» газетчиками на свой лад тексты их пресс-релизов. Туев довольно хмыкал: «Молодец, но не расслабляйся...»

- Мы должны быть в тренде, - повторял. - Ищи контакты с прессой, - слышал Иванов, когда оставался с министром один на один.

Только особых усилий и не требовалось, Туев был, как говорится, нарасхват.

Если предыдущий российский министр по делам СНГ вёл себя, как рассказывали его бывшие подчинённые, «ниже травы, тише воды», и после нескольких месяцев его отставки мало кто мог вспомнить его имя, то о Туеве и о работе его министерства в прессе проходило столько всего, что хоть отбавляй. Он часто комментировал ситуацию с соотечественниками, которые в результате Беловежского соглашения в одночасье оказались за рубежом, в бывших республиках СССР. Армения и Азербайджан в своём затянувшемся военном конфликте обвиняли Россию, ссылаясь при этом на Антона, заявившего, что некие силы внутри нашей страны продают оружие обеим сторонам, и требовавшем тщательного расследования этих фактов. Туев предлагал простой вариант, как России можно выгодно вернуть «советские» долги Казахстана и других новых независимых государств, - забрать у должников нужную нашей стране собственность в виде предприятий или санаториев.

Словом, темы были одна другой острее. И журналистам хотелось получить комментарии из первых рук. С «печатными» коллегами Олегу ещё как-то удавалось справляться: от имени Туева он сам излагал им точку зрения министра по телефону или излагал мысли министра на бумаге и рассылал в редакции. Центральные газеты тех дней редко обходили вниманием проблемы СНГ.

Сложнее оказалось с разросшейся за последние годы, как грибы после дождя, московской «электронной» журналистикой. Ей Туев нужен был «живьём»: в кадре или у микрофона. А назначать время для интервью с министром бывало непросто – его рабочий график был плотным, состоял из бесконечных совещаний как у самого Туева, так и в «высоких» правительственных кабинетах. Назначенные интервью срывались,

откладывались, переносились, журналисты высказывали неудовольствие не только Олегу, пару раз даже открыто покритиковали Туева за «уход от острого разговора».

Систему общения с прессой помог построить Николай.

- Давай «теликов» звать в субботу, - предложил. - Антон же ходит на работу по субботам. Сидит с бумагами...

- Пресса по выходным не работает, - возразил Олег. - Хотя, может ты и прав: хотя «экслюзив», пусть жертвуют баней.

И они начали приглашать тележурналистов и «радийщиков» на субботу. Туев не возражал. Единственное, требовал, чтобы вопросы, по крайней мере, основные вопросы интервью, поступали заранее. В выходные удавалось записывать по две-три беседы с министром. И «телеочередь» начала продвигаться.

Но при этом, у Олега с Николаем сократилась число выходных. За неделю работы в министерстве они порядком выматывались. Поэтому в воскресенье предпочитали отлёживаться в своём номере: спали, ели, читали, смотрели телевизор.

Когда ехали в Москву, фантазировали, что обойдут все музеи и театры столицы. На самом деле всё оказалось гораздо прозаичнее. И когда стало казаться, что уже не выберутся из формулы «дом – работа», Сомов предложил для разнообразия нанести визит теще.

...Они поехали в Ворсму под праздник Октябрьской революции, увеличивший число обычных выходных. Новые власти России его уже не отмечали, как в советские времена, но дни отдыха ещё не отменили.

От московского автовокзала до этого небольшого городка на реке Кишме, что в Павловском районе Нижегородской области, автобус шёл всю ночь и привёз пассажиров на место ранним утром.

Они вышли на пустынной центральной площади, окружённой двухэтажными зданиями с облупившимися фасадами. В первые минуты знакомства с Ворсмой Олега сильнее всего поразили две вещи: большой грубо отесанный серый камень, надпись на котором сообщала, что город основан в 1588 году, и огромная лужа рядом с ним. Края лужи были подёрнуты ледком – ночью слегка подморозило, а ясный рассвет обещал, что наступающий день будет солнечным. Дальше за лужей тянулись пустынные в этот ранний час ряды деревянных прилавков городского рынка. На другом краю площади широкие ворота вели на завод медико-инструментального оборудования имени Ленина. Тут же неподалёку, под раскидистыми ветвями высоких елей, прятался и монумент самому Ильичу, выкрашенный в серо-золотистый цвет и заляпанный птичьим помётом.

- Да тут Гоголя не надо! - присвистнул Иванов. - Куда это мы прибыли?!

- Не переживай, - отмахнулся Николай. – Вот увидишь, тебе понравится!

Они подхватили сумки и направились в сторону микрорайона из белых панельных и красных кирпичных пятиэтажек, который возвышался над частными одноэтажными деревянными домами.

Пока шли в гости, Николай не умолкал.

- Здесь настоящая российская глубинка, - размахивал он свободной рукой. - Тысяч 13-15 живёт, не больше.

Олег узнал, что через городок за века прокатилось немало войн, что здесь при Советах стабильно работали два завода: на одном выпускали ножи, на другом – мединструменты. «Их на весь СССР поставляли, не успевали производить, - торопливо, как обычно, горячась, рассказывал Сомов. - А теперь всё встало. Говорят, импортное завозить дешевле, понимаешь? Как так! Веками здесь ножи и скальпели для России делали. Весь город на этих заводах работал. А теперь народ болтается без дела или в сараях да подвалах кустарно мастерит что-нибудь, лишь бы выжить... Куда катимся?! Уж каких только инструментов ни делали в Ворсме – и для хирургов, и для стоматологов, и даже для ветеринаров. Случалось делать и особенные...»

Так, за разговорами они дошли до тёщиной кирпичной пятиэтажки. Через дверь, держащуюся на одной петле, вошли в ободранный подъезд. Пока поднимались на третий этаж, Олег не без ехидства спросил:

- Как же ты жену в такой глубинке нашёл?

- Мы в университете познакомились, - засмеялся Николай. - Я же тогда про Ворсму представления не имел. Но тёща моя Марья Ивановна тебе понравится, вот увидишь! А тесть Михаил Васильевич – настоящий мужик...

Не успел он договорить, как одна из дверей на этаже распахнулась и на площадку буквально «выкатилась» маленькая, пухленькая женщина лет шестидесяти, с коротко стриженными седыми волосами.

- Коленька! - раскинув руки, воскликнула она и кинулась Сомову на шею. - А я смотрю с балкона: ты или не ты? Ты, зятьёк! Сердце матери не обманешь, - немного театрально запричитала она. - А это товарищ твой? - повернулась к Олегу. - Ты уж нас представь...

- Это – Олег, - Сомов указал рукой на Иванова, - мой коллега и начальник. Его надо любить и жаловать.

- Да, ладно тебе! - засмутился Олег. - Не усложняй...

- А это моя тёща Марья Ивановна, - Николай приобнял её за плечи. - Всю жизнь учила детей математике, а сейчас на заслуженном отдыхе, домохозяйничает.

- Да что же мы? Заходите в дом, - хозяйка отступила в сторону, пропуская гостей, и Олег оказался в тесном, заставленном полками и завешенном одеждой коридорчике «хрущёвской» квартиры.

- Проходите, проходите... прямо в комнату, - радушно напевала Марья Ивановна.

После коридора квартира казалась довольно большой, из трёх светлых комнат. Но в каждой из них не было свободного угла: в каждом стояла какая-нибудь мебель или высились книжные полки.

Откуда-то «вынырнул» высокий сухопарый мужчина с заспанным лицом, но довольным лицом, в чёрном, вытянутом на коленях трико, темной футболке и в толстом сиреновом джемпере ручной вязки.

- Это Михаил Васильевич, - продолжал представлять хозяев Николай.

- Здорово! - протянул тот руку сначала Сомову.

- Михаил Васильевич, - поздоровался он и с Олегом неожиданно крепким рукопожатием. - В прошлом я учитель труда, а сейчас – садовод-огородник. Проходите, будьте, как дома... Маша быстренько стол соберёт.

Стол организовали посреди большой комнаты. Несмотря на раннее время, на столе появилась глубокая тарелка с дымящейся ароматной горкой домашних котлет, блюдо, наполненное с одной стороны толчёной картошкой, с другой – солёными огурчиками и маленькими помидорками. В хрустальной посудинке угнездились маринованные грузди, в селёдочнице – селёдка, украшенная луковыми колечками. А ещё – колбасная и мясная нарезка, куда же без неё?! В плетёной корзинке примостились толсто нарезанные куски белого и чёрного хлеба. При этом Марья Ивановна вроде бы особо и не суежилась.

У Олега началось такое обильное слюноотделение, что он то и дело сглатывал, стараясь не смотреть в сторону еды.

- А чего, Маша, не хватает? - хитро прищурился Михаил Васильевич.

- Знаю, что ты имеешь ввиду, - строго ответила та. - Но ребята молодые, с утра, может, не пьют?

- Так за встречу, по единой, - тесть незаметно подмигнул зятю.

- А что? По одной можно! - поддержал Николай.

- Ох, мужики, не можете вы просто так позавтракать! - и хозяйка принесла из холодильника тут же запотевшую бутылку водки, поставила изящные хрустальные рюмки.

Когда выпили за встречу, Олег быстро преодолел стеснение и «навалился» на закуски, не отставал и Николай.

- Ещё по одной? - взялся за бутылку хозяин.

- Ну-ка, оставь бутылку в покое! - не на шутку взъярилась вдруг Марья Ивановна. - И ребят спаиваешь, и сам потом с сердцем будешь маяться. Что я потом с тобой делать буду?!

- Ладно, товарищ педагог, - Михаил Васильевич перевернул свою рюмку кверху дном. - Привыкала в классе командовать, парни-то пусть сами решат.

- Я предлагаю ещё по одной, - скороговоркой откликнулся Николай. – Ты как? - спросил Олега. Тот неопределённо пожал плечами, не переставая жевать.

- Ну и вот, - удовлетворённо крикнул хозяин и налил гостям. Супруга нахмурено промолчала.

Ничего не произнесла она и после того, как они выпили по третьей. Потом ещё по одной. Олег наелся до отвала и сразу начал клевать носом. Ускользящим сознанием отметил, что тёща смотрит на Сомова влюблёнными глазами. А тот, не переставая, рассказывает о прелестях их московской жизни, о том, как ежедневно названивает в Сибирь жене и детям, контролирует все их дела и регулярно высылаёт им деньги.

Марья Ивановна перехватила взгляд Иванова:

- Давай, Олег, я тебе в детской постелю... Поспи с дороги. Да и Коля тоже.

Олег был бесконечно благодарен этой чудесной женщине.

Треть детской занимала широкая панцирная кровать с железными витыми спинками, застеленная высокой периной, в «головах» высилась горка цветных подушек. Пока Олег, не стесняясь, стягивал с себя одежду, Марья Ивановна приготовила постель. Он буквально упал в мягкое, пахнущее душистым мылом, ложе и тут же провалился в глубокий сон без сновидений...

Проснулся Иванов часа через два, так же внезапно, как и уснул. Он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Олег лежал у стены, а соседняя подушка была примята, значит, его напарник тоже ложился. Но сейчас комната была пуста. Олег встал, быстро оделся и вышел в гостиную.

Хозяева с Николаем сидели за столом и вполголоса беседовали. На столе поблескивал серебром электрический самовар, из эмалированной тарелки аппетитно выглядывали пирожки.

Родственники прихлёбывали чай из ярко раскрашенных фарфоровых чашек. Олег увидел, что стоявшая с краю бутылка опустела, а глаза Сомова пьяненько щурились. Он первым заметил Иванова, позвал:

- Садись, Олег, чай пить!

Марья Ивановна и Михаил Васильевич до смешного одновременно вскочили с мест, всплеснули руками и пропели на два голоса: «Чай, чай...».

- Присаживайтесь, Олег Иванович, - Михаил Васильевич почтительно придвинул ему стул. А хозяйка бегом кинулась в кухню за чистой чашкой:

- Сейчас налью свежего, ароматного. Вам покрепче? Угощайтесь, Олег Иванович, пирожки с картошкой, только напекла...

Олег слегка растерялся, он хорошо помнил, что с утра с ним были на «ты». Бросил взгляд на Сомова, у того улыбка была от уха до уха.

- Я сейчас, - буркнул Иванов, - только руки помою. - Он направился к туалету, позвал, - Николай, выдь на минуту.

- Ты чего им наговорил? - прижал он Сомова в коридоре. - Чего наплёл про меня родне? Чего они вдруг загоношились!? - зашептал ему в ухо.

Сомов ловко вывернулся, смеясь:

- Да я ничего... Сказал только, что ты – главный советник министра, что он всегда с тобой советуется. А они нашего Туева уважают.

- Язык у тебя... - покачал головой Олег. - Зачем мне это?

- А можно, вы меня снова на «ты» называть будете и без отчества? - громко предложил он, усаживаясь за стол. - А пирожки у вас, Марья Ивановна, просто объедение! - Николаева тёща зарделась от похвалы.

Между тем время подошло к полудню. За окнами ярко светило солнце.

- Предлагаю сейчас сходить в баню к Петровичу, куму моему. А вечером нас ждут у Машиной сестры Даши, у неё день рождения, - потирая руки в предвкушении предстоящего праздника, предложил Михаил Васильевич.

- Тебе бы всё пить, - замахала на него руками жена. - Только попробуй у меня!

- Что ты, Маша... – скромно уверял её он. Но когда начали собираться в баню, Олег услышал, что он торжествующе мурлычет себе под нос какую-то знакомую мелодию.

Кум жил в частном секторе, в небольшом бревенчатом доме с тёмными стенами, который мало чем отличался от соседних строений. Огромный огород с пустыми осыпавшимися грядками, голыми ветками ягодных кустов и плодовых деревьев был огорожен косоватым забором. Деревянная баня стояла в дальнем углу огорода и глядела на мир единственным квадратным окном. В предбаннике царил беспорядок: на полу по углам был рассыпан репчатый лук, вёдра и тазы были полны свежей свеклы и моркови. Слышно, как гудело в печи, и булькала в баке горячая вода. Проводивший их до бани краснолицый кум, в домашней майке и накинутом на плечи потёртом полушубке, пахнувший дрожжами или домашним пивом, долго извинялся за беспорядок: «Надо бы урожай в погреб спустить. Всё не соберусь».

- Вы уж извиняйте, парни. Раздевайтесь осторожно... А баню я натопил, как надо! Ты же, Колька, там всё знаешь, где каменка, где полук. Поддавайте осторожно. Я вам пива принесу, пока моетесь. Холодненького!

Дверь в парилку оказалась такой низкой, что Олег втиснулся внутрь чуть ли не на четвереньках. Тут было жарко, как в преисподней.

- Ах, хорошо! - заверещал вползший следом Николай. - Сейчас ещё парку поддадим!

- Не увлекайся, а то расплавишься, - Олег старался дышать через раз...

Потом они, красные после парной, как варёные раки, сидели у Петровича на кухне и пили его домашнее пиво. Здесь был и Михаил Васильевич, весёлый и говорливый.

- Закусить, правда, не предлагаю. Но, если чего найдёте, пожалуйста, - махнул рукой Петрович на царивший и здесь холостяцкий бардак.

- Нам ещё на день рождения, - напомнил Николаю тесть. - Марья Ивановна велела не опаздывать. Так что, давай Петрович, ещё по одной, и мы пойдём.

...На улице уже стемнело, когда они вышли от Петровича. Дорога оказалась неблизкой – именинница жила на другом конце городка. Пока шли, Михаил Васильевич по очереди перечислял Николаю всех, кто приглашён. Олег слушал их вполуха, отметив только, что Сомов породнился с едва ли не с половиной Ворсмы.

Большой одноэтажный кирпичный дом, в который они прибыли, скрывался за высоким глухим забором и светился всеми своими окнами. Он был полон людей, гости чинно переходили из комнаты в комнату, полы в которых застелили чистенькими самоткаными половиками. Вокруг взрослых бегали дети. Дарья Ивановна, хозяйка дома, с помощницами заканчивала накрывать длинное сооружение из нескольких, составленных вместе, столов. Она, как две капли воды, была похожа на Марью Ивановну, только повыше ростом и помоложе лицом. Сразу подошла к вновь прибывшим, коротко кивнула Михаилу Васильевичу, зато с «москвичами» церемонно раскланялась, подставив Николаю щеку для поцелуя.

- А это ведь Олег Иванович? Тот самый? Мне Маша про вас рассказала, про вашу работу у нашего министра. - Олег незаметно погрозил улыбающемуся Сомову кулаком. - Если можете, передайте, что мы его любим!

- А это мои племянницы Анна и Лариса, - представила она гостю подошедших к ним девушек с тарелками в руках. «Очень приятно», - кивнули обе: тёмная и светлая, – мельком глянув на Иванова.

- Тётъ Даша, куда мясное ставить? - деловито спросила темноволосая Лариса.

Олег знакомился с гостями и тут же забывал их имена и степень родства.

За обильным столом расселись, кто где захочет. Олег хотел сесть рядом с Сомовым, но оказался на другой стороне от товарища, рядом с которым он заметил Ларису. Зато рядом с ним села светленькая Анна: «Можно Анютой звать», - не глядя на Иванова, низким хрипловатым голосом предложила она. «А я просто Олег», - в тон ей сообщил Иванов.

Торжественный ужин проходил в лучших традициях русского застолья: непрерывно звучали тосты в честь именинницы. Как оказалось, она заведовала какой-то городской базой. Много пили и обильно закусывали. Горячее подали почти сразу после начала обеда. Традиционные котлеты,

голубцы, куриные бёдрышки и крылышки и много чего ещё. Анюта то и дело вскакивала, шёпотом сообщая Олегу: «Надо тёте помочь...».

Олег пил водку, но особенно не «налегал», зато закусывал от души. С интересом рассматривал гостей. Всё они были обычные люди, выросшие в российской глубинке, поэтому их речи о Марье Ивановне были просты и незамысловаты. Дали слово и Олегу и он, не выпендриваясь в словах, пожелал виновнице торжества здоровья, похвалил и стол, и её кулинарные способности.

Часа через полтора молодёжь предложила устроить танцы. Все повставали со своих мест, мужчины пошли на двор курить, женщины наконец-то могли уединиться, чтобы поболтать о своём. В углу комнаты медленную мелодию завёл магнитофон. Николай со своей соседкой и ещё несколько пар топтались на свободном пятачке у стола.

Олег в нерешительности стоял в стороне: танцевать не любил. Но Анна пригласила, и отказать он не смог. И они «потоптались», как отметил про себя Олег, рядом с другими. «Пойдём, покурим», - предложила Анюта. И они вышли в сени, через которые то и дело из дома или в дом сновали люди. Он не курил, но за компанию мусолил предложенную Анной сигаретку, стараясь не затягиваться и не глотать горький дым. Соседка же курила от души, бросая на Олега короткие безразличные взгляды...

Тишина явно затянулась. «Вы с Николаем проводите нас домой?», - нарушила молчание Анюта.

- Ага, - кивнул он.

Она вдруг чмокнула его в щёку:

- Пойдём в дом, скромный ты наш, что-то я замёрзла...

Тёща Сомова с мужем уже давно ушли. А молодёжь засиделась в гостях допоздна. Потом они пошли по домам вчетвером – с Анютой и Ларисой – в сторону пятиэтажного микрорайона.

Казалось, рот Николая не закрывался ни на секунду, он так и «строчил» шутками в своей привычной «скорострельной» манере. Девчонки от души хохотали. Олег же всё больше помалкивал.

Сначала медленно брели рядом по бесконечно длинной и узкой, изредка освещаемой редкими фонарями, аллее, которая соединяла частный сектор города с многоквартирным кварталом. Потом Анна с Ларисой вырвались вперёд, громко болтая о своём, а Сомов с Ивановым следовали за ними шагах в двадцати, лениво перебрасывались ничего не значащими репликами.

Встреча с троицей местных парней произошла примерно на середине пути. Те, видно, поджидали редких прохожих, и глотали что-то прямо из горлышка бутылки, передавая её по кругу. Девушки оказались перед незнакомцами нежданно-негаданно, едва не налетев на них в темноте. «Извините», -

только и успела сказать Анна, как её крепко схватил за руку один из парней и рванул к себе. Та не упала лишь потому, что в неё вцепилась Лариса.

Девчонки испуганно загомонили. Николай первым оценил опасность и рванул прямо на парней. Олег – за ним:

- Вы зачем, шалуны, народ в темноте пугаете?! - со злым смешком крикнул Сомов.

- Ты чё, пацан, совсем обнаглел?! - громко раздалось в ответ.

Послышался пьяный смех, завизжали девчонки. Олег растерялся, почувствовав внизу живота неприятный холодок, лихорадочно заработала мысль: «Что делать?». Он глянул на товарища, на лице у того играла ласково-добродушная улыбка, а левая рука уже прикрывала подбородок.

Олег приотстал, озираясь в поисках подмоги, поэтому подробностей короткой, жестокой стычки почти не видел.

Его мозг будто отключился. Он очнулся от того, что Николай сильно хлопнул его по плечу, что-то говоря о своих боксёрских навыках.

- Всё нормально, всё нормально, - тараторил и смеялся Сомов. - Домой, домой, домой... - и буквально потащил перепуганных спутниц в сторону микрорайона. Они по-быстрому проводили сестёр до дверей их квартиры и пошли на ночёвку к Марье Ивановне.

Олег был так возбуждён, что думал, не сможет уснуть в эту ночь. Ворсма представлялась ему скопищем бандитов. Николай предупредил: о случившемся тёще – ни слова, но у Иванова и так не было желания обсуждать случившееся. А заснул он уже через несколько минут после того, как оказался в мягкой постели...

На следующий день Николай потащил Олега на главную городскую площадь, на рынок. День снова выдался яркий, солнечный, по ноябрьски холодный.

- Что мы на том рынке забыли? - заартачился Олег.

- Пойдём, пойдём... Посмотришь, что такое настоящие ножи. Такого нигде больше не увидишь.

Пустынные вчерашним утром, сегодня ряды деревянных прилавков городского рынка были полны товарами. В основном здесь предлагали овощи, соленья, варенья, мясо, сало. Но парни на всё это глянули мельком. Николай тянул товарища к ножевому ряду. Тут за прилавками стояли одни мужики, в основном, хмурого вида. Они молча разглядывали покупателей, не нахваливали свою работу, терпеливо ожидая спроса.

Каких ножей только не было! Николай был прав, такого разнообразия самодельных острых, режущих и колющих изделий неожиданно высокого качества Олег, действительно, никогда не встречал. Ножички размером с напёрсток, чередовались с теми, у которых имелись хитро спрятанные

выкидные лезвия, их, в свою очередь, «перебивали» внушительных размеров тесаки и топоры. На прилавках лежали треугольные, квадратные, пятиугольные «складни». Один был выполнен в форме звёздочки с несколькими лучами.

- У меня в детстве был складной ножик с одним лезвием, так я его так любил, так берёг, потому что другого просто нигде было купить, - говорил Олег Сомову, с восхищением разглядывая эти красивые развалы «острейшего» товара.

- А ведь всё руками делаем, - вмешался в разговор невысокий мужичок в брезентовой куртке болотного цвета, из-под ворота которой выглядывал чёрный свитер, и на голове красовалась такого же цвета спортивная шапочка.

- Григорий я, - представился он. - На заводе, на станке почитай, двадцать лет ножи ладил. Меня мастером считался. Орден имею, грамот без счёта. А теперь вот в своём гараже тружусь. До сих пор любой нож сделать могу. Только, что толку, их почти никто не берёт. Что за жизнь, тьфу! - в сердцах бросил он.

Они разговорились. Перебирая и рассматривая один диковинный нож за другим, Олег узнал от мастера, что к тому моменту, когда Советский Союз приказал долго жить, в Ворсме, на заводе «Октябрь» производили девяносто процентов всех советских ножей. Особо ценились подарочные ножи для руководителей СССР, начиная со Сталина. «Только мы советскую армию снабжали большим набором спецножей. Для различных родов войск и флота: боцманский, строповый, сапёрный, нож взрывника, шлюпочный, командирский, - мужик загибал один за другим пальцы. - Делали и охотничьи, кухонные, туристические, рыбацкие, филейные, кортики, с выкидными лезвиями... Эх!»

- Ну, купи хоть что-нибудь! - буквально взмолился он, видя, что парни собрались уходить.

Олег ещё раз окинул взглядом полный прилавок:

- А есть попроще, складной, чтобы и колбасу нарезать, и карандаш починить? - спросил он нового знакомого.

- С выкидными лезвиями? - сразу оживился тот. - На три лезвия, на пять, на семь?

- Да нет, простой «складишок», - почему-то смутился Олег. - Допустим, два лезвия.

- Пусть ещё штопор будет, - вставил Николай.

- Да у меня таких простеньких и нету... - растерялся Григорий. - Матвей! - позвал он соседнего продавца. - У тебя простые «складники» есть? Предложи мужикам.

Сосед покопался в своём товаре, подошёл и высыпал на угол гришиного прилавка десятка полтора складных ножей с разноцветными ручками. Наши покупатели долго перебирали красивые, ладные изделия. «В магазине таких не найдёте. Куда там Швейцария! У наших метал прочнее, остроту дольше держит», - негромко нахваливал Матвей.

Олег, наконец, выбрал один, длиной с ладонь, с двумя лезвиями, штопором и отвёрткой. Сторговались быстро. Мужики сразу повеселели, достали из-под прилавков большие сумки, сгребли в них свои ножи и, оживлённо болтая, потопали с рынка.

- В магазин пошли, за выпивкой, - определил Николай. - Мы им сегодня устроили небольшой праздник.

- А завтра? - усмехнулся Олег.

- Завтра в Москву поедет, на работу, - серьёзно ответил Сомов.

Правда, впереди были ещё два выходных, в которые они пили и ели, ходили по родственникам, снова ели и пили так, что эти дни в сознании Иванова переплелись в клубок бесконечных застолий.

Ворсминцы часто, к удивлению и удовольствию Олега, спрашивали его о министре. И это был, по его ощущениям, не дежурный интерес, а искреннее желание узнать от него о Туеве что-нибудь необычное, интересное, чтобы лучше представлять себе политика. Он рассказывал подробности его жизни и работы в Сибири и в Москве. И нередко слышал в ответ: «Зря он снял свою кандидатуру с выборов в президенты, я бы проголосовал за него...»

Однако праздники имеют обыкновение заканчиваться. И рано утром в понедельник Олег с Николаем вышли из автобуса на московском вокзале. Им предстояло совершить пару небольших, но сложных марш-бросков, ведь тёща Сомова под завязку нагрузила продуктами наших московских «холостяков».

«Что я тебе обещал?!», - отдуваясь и смеясь, говорил Колька Олегу, сгибаясь под тяжестью мешка с картофелем на левом плече и громадной сумкой, набитой банками с соленьями-вареньями и кулками с едой в правой руке. Иванов едва тащился за ним, тоже нагруженный, как верблюд.

Они с трудом спустились в метро, сели в вагон. Буквально «переползая» по переходам на нужную ветку «подземки», кое-как добрались до станции «Китай-город». Решили сразу идти на работу, добираться до общежития уже не было времени.

Так с мешками и сумками, под удивлёнными взглядами прохожих прошли по Варварке и заявили в министерство. Знавший сибиряков в лицо, военный охранник сначала не хотел пропускать их с поклажей внутрь здания. Однако Николай «уболтал» старшего лейтенанта. Договорились, что тот досматривает все вещи, и они всё оставляют до вечера на первом этаже, в небольшой каптёрке.

А после работы, выпросив у министерского завхоза машину, парни увезли тёщины дары домой, нажарили картошки и, наевшись до отвала, развалились на кроватях, долго лениво перебрасывались воспоминаниями о поездке, о Марье Ивановне и жизни людей в маленьком городке российской глубинки...

На работе, между тем, было «жарко». Туев ставил перед сотрудниками очень конкретные задачи и требовал неукоснительного, а главное, быстрого их исполнения. С этим-то как раз были проблемы у многих работников.

Всего в министерстве трудились ни много, ни мало человек около четырёхсот. Привыкшие месяцами жить в «полудрёме» при бывшем руководителе ведомства, они в своём большинстве и не могли действовать иначе... Антон поменял нескольких своих замов, начальников ведущих департаментов. Взамен приглашал «умы» из числа отставников МИДа, из бывшего ЦК бывшей правящей партии. Новые спецы и эксперты старательно подхватывали идеи министра, предлагали реальные действия министерства, разрабатывали под них необходимые документы, которые не стыдно было представить правительству.

Туев любил конкретные дела, факты, результаты. Если до него министерство считалось довольно символической структурой, то он был намерен наполнить его деятельность «живыми» делами и инициативами, выгодными для страны. «Раз нам доверили работу с ближним зарубежьем, будем делать всё, что сумеем», - сказал он как-то Олегу. Туев решил не деле доказать, что его уверенность в возможности усилить экономическую интеграцию стран СНГ – не просто бравада.

Хотя, Олег с Николаем, раз за разом разбирая в общезитии за вечерним ужином очередной прошедший день, откровенно считали, что новые руководители бывших республик Союза не очень-то стремятся сблизить бывшие «братские» народы. Каждый из них, скорее, очень боится потерять «обретённую свободу»...

Особенно много усилий министр вкладывал в сближение России с Белоруссией. В то время многие были уверены, что единое государство россиян и белорусов буквально вот-вот появится, что это вопрос нескольких месяцев, ну, может, ближайшего года. По распоряжению Антона, над решением этой задачи начали работать лучшие спецы их ведомства. Туев проводил одно совещание за другим, ездил в Минск, пробивал свои предложения в правительстве. Появлялись и первые реальные результаты.

Олег сообщал в очередном пресс-релизе: «Россия и Белоруссия подписали вчера в Минске межправительственное соглашение о поставках природных алмазов в Белоруссию. Согласно документу, в Белоруссию в 1996 году будет поставлено 150 тыс. карат ювелирных и 350 тыс. карат технических алмазов для огранки...», далее следовали комментарии его шефа, который был инициатором этого документа. Туев заявлял, что подписание

соглашения приостановит деградацию производства бриллиантов в Республике Беларусь. В результате на белорусском заводе «Кристалл» сохраняются рабочие места, работники получают зарплату. Деньги от продажи придут в бюджеты наших стран: выгода очевидная.

- Собери пресс-конференцию, - приказал Туев Олегу.

Они только что выпроводили из кабинета министра очередную телегруппу. - Чего я буду им по очереди комментировать эту тему? Только время терять.

- Давай, соберём прессу не у нас, а в информагентстве, договоримся с приличным помещением, - предложил Николай. - Народу придёт больше. Да и нам с аккредитацией не заморачиваться.

...На пресс-конференции Туева зал был полон. Олег чувствовал: Антон с явным удовольствием общался с аудиторией, а отвечая на самые «ершистые» вопросы, блистал красноречием. «Итоги моей встречи с премьером Белоруссии демонстрируют, что именно российско-белорусский тандем определяет интеграционные процессы в СНГ», - этой фразой он закончил часовой разговор с журналистами, встал и стремительно вышел из зала, уже не обращая внимания на звучащие вслед вопросы.

- Не беги за мной, заверши сам. Извинись, сажи, что у меня важная встреча, - бросил он на ходу едва поспевающему за ним Иванову...

Но далеко не всё было так, как хотел министр. Критика министерства шла с разных сторон. Критически были настроены некоторые коллеги в правительстве, лидеры стран СНГ «цеплялись» за его острые словечки, писали на него жалобы российским президенту и премьеру, дескать, нарушает наш суверенитет. Даже в самом министерстве не все разделяли его взгляды, ведь каждому в душу не заглянешь. Да и когда ему этим заниматься?

...Однажды в кабинет Иванова с Сомовым решительно вошли двое высоких, крепких мужчин. Олег не раз сталкивался с ними в министерских коридорах, знал, что они трудятся в одном из департаментов, всегда кивал им в знак приветствия и не обращал внимания на колющие взгляды в ответ. А сейчас они вошли так, что дверь едва не слетела с петель. Тёмные пиджаки расстёгнуты, галстуки сдвинуты на сторону, лица покраснелись. Олег с Николаем от неожиданности вскочили со своих мест.

- Привет, - успел пробормотать Иванов непрошеным гостям.

- Ты ещё спроси: чего изволите?! - подступивший вплотную тот, что повыше ростом, дыхнул на него перегаром. - Понаехали тут валенки из Сибири! - сжимая кулаки, напирал он на пресс-секретаря.

- Погоди, Михаил, пока не бей! Дай я им скажу, - второй посетитель крепко ухватил товарища за рукав.

Но тот резко вырвался и замахнулся на Иванова. И тут вмешался Николай. Он оттолкнул Олега, подскочил к Михаилу и молча ткнул его кулаком ниже пояса. Высокий выпучил глаза, коротко охнул и, хватая воздух перекошенным от боли ртом, начал медленно складываться пополам.

Всё произошло быстро, и его спутник не понял, что случилось. Он боком обошёл Михаила и, увидев его побелевшее от боли лицо, растерянно просипел:

- Мы поговорить пришли, а вы сразу драться?! - буром попёр он на Сомова.

Николай засмеялся и поднял руки, будто сдаваясь:

- Если поговорить, проходите, милости просим. А я подумал, мужики бить нас заявили... Прошу прощения у Михаила. Больше не буду. У нас, сибиряков, характер жёсткий.

- Да чего ты с мужиком сделал-то? - нарочито заворчал на Сомова и Олег. - Дай ему стул, сейчас мы ему водички нальём...

Они втроем усадили бледного Михаила в угол, всунули ему в руки стакан с водой.

- Может, я в буфет сгоняю, - зашептал Николай Иванову. - Разговор лучше пойдёт...

- Давай, - Олег протянул ему несколько мятых купюр.

Пока Сомов отсутствовал, в кабинете произошла перестановка. На середину Олег выдвинул небольшой журнальный столик, вокруг расставил стулья. Достал из шкафа пластиковую посуду, заначку тещино сала и кусок домашней колбасы, хлеб. Михаил из своего угла с хмурым видом наблюдал за этими приготовлениями. А Денис, так представился второй посетитель, помогал «собирать» на стол.

Потом они сидели все вместе, выпивали и беседовали.

- Ваш шеф многих здесь раздражает, - заедая салом, объяснял Денис. Михаил согласно кивал головой. - Приехал из «глубинки», а устанавливает в министерстве свои законы: всё ему быстрее, чуть что – увольняйтесь без лишних разговоров. Своих кругом расставляет. Мы, москвичи, так не привыкли. Многие тут работают с первого дня, как контору организовали, специалисты в международных делах! Десять раз отмерят, прежде чем отрезать... Пресса сроду не знала наперёд о наших шагах. А теперь – сплошные заявления, пресс-конференции. Всех торопят: быстрее документы пишите. А если ошибка? Кто будет виноват? Многие поговаривают об уходе. Мы тоже увольняться настроились. Да вот решили отношения выяснить...

Хозяева кабинета молча слушали гостей. Николай время от времени бросал на Олега вопросительный взгляд, тот подавал незаметный знак указательным пальцем, и Сомов вновь наполнял водкой пластиковые стаканы.

Теперь покраснелись уже все четверо. Разговор веселее пошёл, напряжение спало, мужики расслабились, от жалоб и злости перешли к расспросам. Олег рассказывал незваным посетителям о Туеве, о его работе в Сибири. Те, в свою очередь, не стесняясь, рассуждали о наводнивших Москву «варягах», разрушающих московский образ жизни, о сплетнях в правительстве и подковерной борьбе, которая идёт там ежедневно.

Кстати, перестановки в правительстве в тот год были настолько частыми, что телефонные справочники в приёмной министра были все исчерканы секретарями: их не успевали переиздавать. И Иванов свои утренние доклады министру о новостях нередко начинал со свежеиспечённых назначений.

Первая бутылка быстро подошла к концу. Николай откупорил вторую, но прежде чем снова разлить, внимательно посмотрел на Михаила с Денисом, потом, ехидно спросил:

- А вы сами-то, только по-честному, давно стали москвичами? Голову на отсечение даю, не коренные вы...

Те смутились от такой «прямоты», пьяно переглянулись. Но, как говорится, кривить душой не стали. Денис признался, что приехал в столицу из Тулы, восемь лет назад закончил здесь вуз, с тех работал в разных ведомствах, пока не попал в министерство. А Михаила родители привезли в Москву из Перми. Когда он был старшеклассником, его отца перевели сюда на работу, и он стал москвичом.

- Предлагаю тост за коренных москвичей, - смеясь, предложил Сомов. Гости покраснели ещё гуще, но не отказались чокнуться с хозяевами кабинета...

Слякотная московская зима между тем вступила в свои законные права. Москвичи, по крайней мере, знали, как обуваться в этот сезон, когда в метро и подземных переходах хлюпала вода вперемешку с раскисшим снегом и песком с ядовитым химреагентом, именуемым в народе «смерть башмакам». А наши сибиряки не знали или Николай попросту забыл, что их обычные зимние ботинки «Made in China», легко выдерживающие сибирские морозы, здесь запросто развалятся уже через три недели.

Пришлось срочно переходить на «прорезиненную» обувь. Но сырой московский холод доставал парней и в общежитии. От большого – во всю стену – окна из двойных деревянных рам сквозило так, что по комнате гулял холодный ветер. Не спасала и чугунная батарея. Когда Иванов с Сомовым, придя с работы, пытались согреться, это удавалось сделать только, если лечь в постель одетыми и поверх одеяла накинуть ещё и покрывало.

Сибирякам надо было как-то выживать в этих непривычно «суровых» условиях. Выросшие в обычных частных домах, они помнили, как с осени родители «конопатили» оконные рамы, вставляли «вторые» окна и заклеивали в них щели полосками старых газет, обмазав клейстером, сваренным из обычной муки.

В очередной выходной Олег, с явным нежеланием вылезая из постельного тепла в холод комнаты, простуженно просипел:

- Кто, наконец, пойдёт на переговоры с комендантом? - как будто у Николая был выбор. - Пусть она даст нам какую-нибудь ветошь, вату там, ненужную старую простыню. Ножницы не забудь. А я – в булочную.

Когда через час они сошлись снова, в комнате на столе лежала куча тряпья. Больше того, Николай выпросил у коменданта ещё по одному одеялу.

- Теперь уж точно перезимуем! - смеялся он, вручая Олегу новенькое верблюжье одеяло.

Они отодвинули стол от оконной стены, открыли внутреннюю раму окна. Вначале Олег как следует подогнал шпингалеты всех форточек и створок на наружной раме. Потом с помощью столового ножа принялся тщательно затыкать ветошью щели между деревянными деталями оконного сооружения. Николай заботливо подавал ему куски ткани. Потом они разрезали газет на тонкие полосы. Олег насыпал в кастрюлю купленную в булочной муку, осторожно залил кипятком, помешивая, пока не получилась жидкая клейкая масса. Николай намазывал её на бумажные полосы и передавал Олегу. Тот аккуратно заклеивал законопаченные щели рамы, форточек и оконных створок.

- Тщательней, тщательней, - шутиливо приговаривал Сомов, делая ударение на последнем слог.

- Без сопливых скользко, - в тон ему отвечал Иванов.

Они проделали тоже самое и с внутренней рамой окна. Работа разогрела парней, и они снимали куртки. А вскоре температура в комнате поднялась настолько, что сняли и свитера, остались в одних футболках. Раскалённая батарея теперь отапливала не московскую улицу – их скромное жилище.

Победу над холодом они отметили сытным домашним обедом...

Зимние перемены коснулись и министерства. Короткие новогодние каникулы промелькнули незаметно. А в январе наступившего 1997 года Туев усилил свои позиции в правительстве: его назначили заместителем председателя правительственной комиссии по вопросам СНГ. В феврале – утвердили российским представителем в исполкоме Сообщества России и Белоруссии. После этого в министерстве, пожалуй, не осталось подразделения, которое по распоряжению министра не участвовало бы в усилении двухсторонних связей, разработке документов для создания Союза России и Белоруссии.

«Мы стоим у истоков образования Союзного государства. Он выгоден нашим странам, нашим народам и политически, и экономически – для объединения материальных и интеллектуальных возможностей двух наших государств», - излагал Туев свою точку зрения в вечерних теленовостях.

Олег с Николаем не пропускали эти выпуски. Ведь они сами сегодня днём собирали журналистов в кабинет министра на брифинг. Олег отмечал, что шеф в кадре держался уверенно, стильно выглядел в новом светлом клетчатом пиджаке. А главное, Туев давал интервью, не сидя в кресле за столом, а стоя, что придавало комментариям особую убедительность.

- Мы с тобой тоже молодцы, - Николай локтем тронул Иванова. - Так ему утром и доложи...

В отличие от своего предшественника, Туев не засиживался в кабинете, часто бывал в МИДе, министерстве обороны, других ведомствах, нередко выезжал в республики СНГ – Молдавию, Украину, Закавказье, конечно же, в Минск. Причём, в поездки брал с собой всего одного-двух помощников – не любил «длинных шлейфов» из прессы, секретарей и советников, как иные руководители правительственных ведомств. Многие в этих командировках любил делать сам.

Поэтому о результатах переговоров, о договорённостях и решениях он сам сообщал потом Олегу, а тот «переводил» эти отчёты на язык информационных сообщений, которые они с Сомовым рассылали по редакциям.

Но однажды решили отступить от устоявшейся схемы...

Ближе к весне начали готовиться к традиционной встрече делегаций приграничных областей России, Беларуси и Украины.

Обычно она проходила на границе трех стран, в одной из областей: Харьковской, Гомельской или Белгородской. В этот раз была очередь российского Белгорода, сюда в гости должны были приехать белорусские и украинские соседи во главе с главами областей. Нашу сторону Антон Туев вызвался возглавить сам.

В министерстве к встрече готовились серьёзно, министр собрался произнести речь о сближении славянских народов на новых принципах независимости государств. Тезисы готовили лучшие министерские мозги.

Получил задание и Олег. «Надо как можно шире осветить в прессе эту встречу, - сказал министр во время их очередной утренней встречи. - Она очень важна для нас. Думай, как...»

Иванов с Николаем понимали, что лучше всего – взять с собой группу журналистов, включив их в список российской делегации, оплатить им командировки.

- На это они «клюнут», - как всегда горячился Сомов. - А за свой счёт не поедут! И публиковать наши пресс-релизы будут из-под палки, хоть ты им гениальный текст напиши.

- Да, я понимаю, - соглашался Олег. - Но ты же знаешь, министерство денег на это не даст...

- Значит, спонсоров искать, - гнул своё Николай.

- Ага, - саркастически басил Олег. - Они сидят и ждят, как бы на наши дела потратиться...

В конце концов, ничего толком не решили. Однако Олег пошёл к Туеву доложить соображения о том, как сформировать журналистский пул из ведущих московских редакций. «С его-то возможностями да не решить финансовый вопрос!», - уверял вдогонку Сомов.

«Правильно, собирай группу человек в двадцать, - без лишних разговоров поддержал их министр. - Кого попало не бери. По деньгам я решу...»

...Через несколько дней пёстрая толпа журналистов и министерских чиновников толпилась тёплым мартовским вечером на Курском вокзале. Перрон был заставлен видеокамерами, штативами, сумками и портфелями. Поезд «Москва-Белгород» отходил через полчаса, а к месту назначения прибывал рано утром.

Николай крутился среди собратьев «по перу», похохатывал, кого-то панибратски хлопал по спине, с кем-то смешливо раскланивался, кивая каждому на стоявшего в стороне Олега и делая при этом испуганные глаза. Иванов нарочито хмурился, склоняя голову в ответ. - Всё, - вскоре подошёл к нему Сомов. - Всех проинструктировал... Думаю, напишут, и покажут как надо. Представляешь? - развёл он руками. - Я им говорю: ваша поездка оплачена за счёт спонсоров. А некоторые хитрецы умудряются и с редакции командировочные содрать. По двойному тарифу, так сказать, работают!

- А как ты посмотришь на то, что мы с тобой в разных купе поедем? – помолчав, переменял тему Николай.

- Как хочешь, - пожал плечами Олег.

-Я тут такую фифу присмотрел, - засмеялся Сомов. - Думаю познакомиться поближе... Не возражаешь?

- Валяй, - буркнул Иванов. - Учти только – завтра тяжёлый рабочий день.

- Не подведу, командир, - Сомов не скрывал довольную улыбку.

Они прошли в вагон. Купе были двухместными. Олег в таких никогда не ездил и с интересом осматривался. В попутчики попался обозреватель из центральной газеты – невысокого роста, солидный, хмурый, лет пятидесяти. Он, отдуваясь, вошёл в купе следом за Ивановым, кинул на нижнюю полку свою спортивную сумку и выразительно проворчал, не глядя на Олега:

- На верхнюю не полезу! Староват уже...

- Не возражаю! – в тон ему ответил Иванов и осторожно положил на верхнее место свой дипломат.

Сосед оценил его уступку, заулыбался, протянул руку: «Василий Петрович». Они познакомились, присели к столику. Василий Петрович нервно потёр руки, не очень свежим платком вытер лысеющую макушку головы, вспотевший лоб и лицо, бросил хитрый взгляд на Олега и громко прошептал:

- Может, по коньячку?

- Я не возражаю, - пожал плечами Олег. – Только вот я им не располагаю...

- Не беда, молодой человек, угощаю, - сосед неторопливо раскрыл сумку, достал и расстелил на столе газету, потом извлек большой бумажный кулёк с масляными пятнами по бокам, в нём оказались домашние пирожки, выставил на стол небольшую металлическую фляжку, которая призывно булькнула, два железных стаканчика.

Между тем, поезд дал короткий гудок и начал плавно набирать ход. За окном замелькали огни ночной Москвы.

- Здесь ровно шесть порций – по три на брата, - Василий Петрович разлил по первой. – Будем здоровы! – И они осторожно чокнулись, стараясь попасть в такт покачивающемуся вагону.

Коньяк был хорош: ароматный, мягкий на вкус, приятно обжёт горло. Иванов пил мелкими глотками, смакуя напиток во рту.

- Закусывай, - «хозяин» стола пододвинул ему пирожок. – С капустой «моя» напекла...

Пироги были прожарены именно так, как любил Олег, и он с удовольствием отхватил приличный кусок. Капуста была с лёгкой кислинкой и такой смачной, что пирожок исчез в считанные секунды.

- Вкуснятина, - оправдываясь, развёл руки Иванов.

- Так бери ещё, - Василий Петрович вытряхнул пирожки из кулёка на газету. – Ты же пресс-секретарь министра? Расскажи-ка про него: кто, откуда, как в министры попал? - без всяких церемоний начал интересоваться он, наливая по второй.

Олег – куда денешься от хлебосольства соседа? – начал скупно излагать факты из жизни Туева. Василий Петрович с интересом слушал, перебивал, задавал вопросы, уточнял даты. Они снова выпили, Олег доел уже пятый пирожок и сыто икнул. На что его попутчик отреагировал довольным голосом: «Ешь на здоровье, «моя» всегда рада хорошему едоку».

Вагон мерно покачивался. Фляжка была пуста. Сосед уже не слушал Олега, начал клевать носом. Освещение купе переключилось на тусклый ночной режим.

- Может, ляжем? – тронул Иванов за плечо Василия Петровича. Тот встрепенулся, согласно кивнул головой:

- Значит, из сибирской глубинки и сразу – в министры... Сильно! – подвёл он итог их полуночного разговора, - вздохнул он, тяжело поднимаясь с насиженного места. Пошарил в карманах, извлёк бумажную купюру и, протянув Олегу, попросил:

- Будь добр, сходи за постельным бельём.

Олег тоже достал деньги и направился к проводникам.

Простыни и наволочки, которые им выдали, были влажными, застиранными до серого цвета, пахли сыростью. Но заснул Иванов в этой непривычной обстановке, на удивление, быстро...

А проснулся только когда поезд подходил к Белгороду. Сбросив ход, состав медленно приближался к конечной станции, вагон резко дёргалось на стрелках. За окном было уже светло, мимо проплывали пейзажи незнакомого города.

Нижняя полка была пуста. Олег поспешно спустился вниз, в это время дверь купе открылась, вошёл Василий Петрович, вытирая на ходу лицо «казённым» полотенцем.

- Помывку, ты, парень, проспал. Проводница туалет на замок закрыла. Потерпеть придётся до вокзала. Да уж... - сосед торопливо складывал вещи в сумку.

Олег протёр кулаками глаза, как мог, пятернёй пригладил разлохмаченную шевелюру, достал свой дипломат. В это время вагон дёрнулся и застыл, не доехав до железнодорожного вокзала с большой вывеской «Белгород». Московский состав прибыл на вторую платформу, первую занимал поезд с надписью «Донбасс. Донецк–Москва».

Их вагон, один из последних, оказался за пределами платформы – рядом с какими-то с гаражами и складами. Им пришлось, чертыхаясь, спрыгивать в мартовский снег, перемешанный с грязью, и тащиться по этому месиву метров сто до перрона. И подземного перехода между платформами не было. Многочисленные пассажиры с багажом потянулись по крутой лестнице вверх – на переходной мост: полсотни ступенек – вверх, а потом столько же – вниз. Олег преодолел их легко, а семенящий рядом Василий Петрович шумно отдувался и ворчал, что в этом городе всё не как у людей.

Первое знакомое лицо, которое Олег увидел в толпе на вокзале, стало радостно улыбающейся физиономией Николая. В каждой руке у него было по бутылке пива. Из одной он со вкусом отхлёбывал, вторую протянул Иванову:

- Вот купил свежайшего, холодного пивасика от местного производителя, - доложил он привычной олеговому уху скороговоркой. – Употребляю с удовольствием! И тебе советую...

- Так открой и мою бутылку, - отвёл в сторону его руку Олег.

Сомов, не раздумывая, с ходу чиркнул бутылочным горлышком по какой-то подвернувшейся железке, пробка отскочила, и Олег тоже с удовольствием припал к живительному напитку. Потом сломя голову помчался в туалет – приводить себя в порядок.

На привокзальной площади делегацию ждали два автобуса.

- Как спалось? – как бы между делом спросил Иванов, усаживаясь рядом с товарищем на переднее сиденье одного из них.

- Вообще-то, это – секрет, но тебе скажу: поспали на «отлично», - еле слышно пробормотал в ответ Николай. Олег глянул на него и с удивлением обнаружил, что тот прикорнул, сложив на груди руки. «Спи пока, - подумал Иванов. – А побегать тебе сегодня всё равно придётся».

Их привезли во дворец культуры. Большой зал здесь освободили от стульев, и по периметру – вдоль стен – расставили ряды столов в виде буквы «П». Места в середине этой буквы предназначались для российской делегации, справа сидели гости из Украины, слева – из Белоруссии. Четыре места в центре, предназначенные для Туева и руководителей делегаций, пока пустовали.

В зале стоял непрерывный гул, изредка перекрываемый оживленными возгласами: гости громко представлялись друг другу, радостно обнимались со старыми знакомыми. Хозяева встречи торопили всех занимать свои места. Олег с вполне бодрым на вид Николаем, рассадили журналистов на галёрке, на места для прессы, расставили в зале телеоператоров так, чтобы не мешали в работе собрания.

На миг всё стихло: в зал стремительно вошёл Туев в сопровождении белгородского губернатора Савченко, за ними поспевали руководители Харьковского и Гомельского регионов. Туев быстро шагал вдоль стены, высокий, стройный, в тёмном костюме, на тщательно отутюженных стрелках брюк нет ни складки. Иванов вообще стал замечать, что в Москве он стал одеваться с иголочки, и уже вряд ли бы вышел вечером гулять по Красной площади в «адидасе».

Первому дали слово министру. Теперь Туев, не торопясь, встал за широкую трибуну, на фасаде которой красовался герб Советского Союза, вынул из кармана пиджака небольшие листки бумаги.

«Уважаемые гости наших братских независимых республик, от всего сердца приветствую вас на белгородской земле России!», - громко начал он.

Олег отметил, как министр незаметным движением чуть ослабил галстук, этот жест всегда говорил о том, что к нему пришло вдохновение.

«Есть старая народная мудрость, - продолжал Антон, - дружба и братство лучше богатства. Однако предки наши хорошо помнили, что дружба как стекло, разобьёшь – не сложишь!»

Зал притих и с нескрываемым интересом слушал российского министра. Туев лишь изредка заглядывал в текст, зато с напором говорил о братстве, дружбе славянских республик, о том, что надо не сворачивать, а развивать на новой – независимой – основе культурные и экономические связи. При этом он заверил, что российское государство всегда серьёзно будет заниматься проблемами русскоязычного населения, оказавшегося в ближнем зарубежье, где сегодня проживают 25 миллионов наших соотечественников, вопросами беженцев, которые миллионами едут в

Россию со всех концов бывшего СССР, возвратом в нашу страну долгов республик СНГ, в том числе объектами собственности.

- Но мы уверены, что старый друг лучше новых двух! – в завершение опять вернул он мысль, с которой начал. - Предлагаю всем нам всегда помнить этом», - и зал разразился аплодисментами.

... После нескольких часов обмена мнениями расторопные официанты накрыли обед прямо здесь же, в зале. Журналистов кормили в другом помещении. Но Олегу с Николаем повезло, им «припасли» местечко за главным столом. Они выслушали первый тост Туева, выпили водки и закусывали обильными яствами, каких не пожалели хлебосольные хозяева. На сцене начался концерт артистов, которых делегации привезли с собой.

- Вон, «моя» выступает, - толкнул Сомов Олега локтем, а сам во все глаза смотрел на стройную девушку, танцующую в русском национальном наряде.

- Красиво, - отозвался Иванов. - Молодец...- двусмысленно похвалил он.

- Не то слово! – по-своему понял его Николай.

...Ночевала делегация в неуютной гостинице где-то на краю города. Николай спал эту ночь в одном номере с Олегом, ответив на его немой вопрос:

- Не пустила, говорит, устала...

- Спи, неумолимый, - поддел его Иванов.

На следующий день всех повезли на экскурсию в посёлок Прохоровка, где в Великую Отечественную, в июне 1943 года, было крупнейшее танковое сражение. «В память об этом здесь основан большой музей-заповедник «Прохоровское поле», - рассказывала гостям в автобусе экскурсовод.

Высокую белую звонницу в этот солнечный, не по-мартовски тёплый весенний день было видно издалека. Они ехали вдоль того самого знаменитого поля, где проходила битва. И Олегу казалось, что этому необъятному, широкими волнами уходящему вдаль пространству, вместившему когда-то тысячи изрыгающих яростный огонь, железных машин, нет конца.

Возле звонницы все вышли из автобуса. На площадке у памятника уже стоял министерский «ауди». Министр с белгородским губернатором, задрав головы вверх, рассматривали это грандиозное сооружение. А тоненькая девушка торопливо рассказывала:

- В сражении участвовали 1500 единиц советской и немецкой бронетехники. Оно стало переломным, определило весь дальнейший ход войны... Прохоровское поле чтут наряду с Куликовым и Бородинским. Эту звонницу открыли в 1995-м, к 50-летию Победы. Её высота 59 метров. Стены – четыре мраморных пилон, символизируют четыре года войны. На вершине купола позолоченная фигура Богородицы. Видите, надпись на церковнославянском? Это из Библии: «Нет большей любви той, как

положить жизнь за друзей своих». Колокол звонит каждые двадцать минут... А теперь проедем в посёлок, к храму...

- Подождите пару минут, - перебил её Иванов. Он попросил Туева побыть здесь ещё немного, чтобы окружившие министра операторы могли снимать звонницу и Антона с делегацией на её фоне.

...В Прохоровке гостей поразил высокий белоснежный храм святых апостолов Петра и Павла. Грандиозное сооружение наверху завершалось единственным куполом с золочёной главой, ослепительно блестевшей в солнечных лучах на фоне голубого небосклона. Экскурсовод спешила поведать особенности. «Смотрите, - объясняла она с гордостью, - звонница установлена прямо на крестчатом основании храма, под ярусным барабаном, а переход от храма к звоннице оформили четырьмя ярусами кокошников...»

Туев слушал девушку молча, вопросов не задавал. Это, по мнению Олега, означало, что рассказ его не вдохновляет, не любит он таких сложных объяснений. Олег хотел сказать экскурсоводу об этом, но потом передумал. Да и Туев опередил его:

- Давайте пройдем внутрь, - мягко остановил он девушку. И, обойдя её, чуть растерявшуюся, направился к ступеням паперти. Вся делегация потянулись за ним. Иванов с Сомовым придержали гостей, давая возможность телеоператорам первыми войти в храм.

Внутреннее убранство церкви было под стать архитектуре. Было светло и просторно, глаз радовали яркие фрески повсюду. Иконы и росписи на иконостасе алтаря могли сделать честь любому кафедральному собору. Но, что отличало этот храм: вдоль его стен тянулись мраморные плиты с рядами имён и фамилий. От их количества рябило в глазах. «Здесь больше семи тысяч имён воинов, погибших в боях под Прохоровкой, - робко оповестила Туева экскурсовод. - И их число с каждым годом растёт». Тот кивнул, взял из рук подошедшего монаха свечу и направился к иконе апостолов. Белгородский губернатор в точности повторял его действия. Оба постояли в центре зала, склонив головы.

В это время Олег пробежался вдоль высеченных на мраморе рядов фамилий, отыскивая среди них свою. Увидев несколько десятков фамилий Ивановых, он кивнул на них Николаю:

- Вот на ком наша армия держалась!..

- Кто бы сомневался, - в тон ему ответил Сомов. – Давай-ка, организуем подход к прессе. Я камеры на улице расставляю...

Туев коротко, но с присущим напором, подвёл журналистам итоги визита. Снова и снова возвращался к тому, что бывшие страны СССР должны дружить, а славянские народы – в особенности. «Ведь в том сражении под Прохоровкой были и русские, и украинцы, и белорусы. Вы имена-то в храме посмотрите... Они же тогда родину не делили, бились с фашистами бок о бок. Вот о чём нам всегда надо помнить! Кстати, руку помощи в

строительстве этого храма протянули многие из ближнего и дальнего зарубежья. Поэтому, я уверен, мы вернёмся к объединению наших народов, только это будет на новых условиях...»

Утром следующего дня делегация вернулась в Москву. Иванов с Сомовым ехали в одном купе. «Не всё коту масленица?», - Олег пытался поднять настроение товарища. Тот лишь отмахнулся.

Была суббота, погода стояла отвратительная: с неба бесконечно сыпались мелкие капли дождя, ветер замысловатыми порывами то подгонял, то тормозил прохожих. Из-за этих весенних капризов парни все выходные проваливались на кроватях.

После Белгорода пресса целую неделю публиковала телерепортажи и статьи о встрече приграничных областей. Главным героем, конечно, был Туев. Олег каждое утро докладывал ему о новых материалах, а потом собрал их все в один довольно солидный по объёму обзор и положил его на стол министру. Туев внимательно перелистал его, подчёркивая некоторые строчки чёрными чернилами любимой толстой авторучки. При этом довольно хмыкал и удовлетворённо крутил головой.

- Молодец! – наконец выдал он притихшему Олегу.

Потом нажал кнопку селекторной связи, приказал секретарю в приёмной срочно вызвать начальника отдела кадров. Тот, как по мановению волшебной палочки, тут же возник в кабинете. Невысокий, по военному подтянутый, всегда улыбчивый немолодой, он неторопливо прошёл к столу министра и, пока министр продолжал просматривать бумаги, вопросительно глянул на Олега: в чём вопрос? Иванов в ответ пожал плечами: не знаю...

- Привет, - оторвался от чтения Туев, вышел из-за стола, поздоровался за руку. – Садись, Сергей Иванович, пиши приказ, – и начал вслух формулировать текст документа о поощрении организаторов белгородской поездки, диктовать фамилии подчинённых. – Иванова не забудь включить. Всем – благодарность и премия в размере месячного содержания...

- И Сомова тоже! – вставил Олег.

- И Сомова, - согласился министр.

...Между тем, весной 1997-го в правительстве кадровая чехарда усилилась. Президент упразднил несколько министерств. Вице-премьерами стали Чубайс, Немцов, Кох, Булгак, которые заменили зампредов правительства Илюшина, Потанина, Заверюху, Лобова. Вместо Ясина министром экономики был назначен Уринсон...

Эти замены-перемены происходили едва ли не ежедневно. Президент только успевал подписывать «кадровые» документы. Причём, журналисты узнавали о них раньше, чем с указами главы государства знакомили членов правительства. По Москве то и дело ползли разные слухи, среди чиновников ходила присказка: пришёл утром министр на работу, а

секретарша говорит: «Зачем пришли, Иван Иванович? Вас президент уволил, сама по телевизору слышала!»

У Туева в эти дни настроение было не очень. Едва ли не каждое утро он как бы в шутку спрашивал у Олега: «Телевизор смотрел? Меня ещё не уволили?» Олег отвечал: «Вечером передали, что освобожден от должности министр строительства Басин, а сегодня утром сообщили об отставке министра промышленности Беспалова...» «Ну и ну, - качал головой Антон. И добавлял. - Ладно, следи. Сразу сообщи, если что...»

По их министерству тоже ходили слухи. Олег видел, как при его появлении в каком-нибудь кабинете разговоры тут же стихали, а приветливые ещё вчера сотрудники молча утыкались в бумаги.

Однако к концу марта кадровая лихорадка начала стихать, утвердили новую структуру правительства, распределение обязанностей между его зампредами. Министерство по делам СНГ устояло...

Туев продолжал активно вкалывать. в начале апреля в Москве президенты Белоруссии и России подписали подготовленный министерством Договор о Российско-Белорусском Союзе. Антон на торжественной церемонии светился от гордости как новый «целковый». Впрочем, Олега тоже распирало от гордости, что на его глазах творится история двух народов.

Однако заметил Иванов, что после кадровых встрясок Туев стал каким-то другим, задумчивым что ли...

Однажды министр спросил:

- Ты решил в Москве постоянно прописаться?
- Вы это к чему? – уточнил Олег. – А вы сами? – он вопросительно посмотрел на Туева.
- А я, если помнишь, обещал вернуться в регион, если там объявят выборы губернатора!
- Так не объявили ещё...
- Не объявили, - согласился Антон. – Над этим надо работать, говорить с земляками, чтобы не забывали. В общем, подумай, как? Надо и тамошнюю прессу к делу привлечь.

...Вечером Олег обсуждал с Николаем поручение шефа. Сомов горячился, как всегда похихатывал, но вообще-то предлагал дело:

- Давай из крупных городов нашей области, где есть местные телекомпании, вызовем сюда съёмочные группы. Запишут беседу с министром, у себя покажут. Эффект представляешь?
- Представляю, - соглашался Олег. – Только на свои они не поедут.
- Это - к министру! Думаю, найдёт, - не сомневался Николай.

Туев идею поддержал. Сделал пару звонков: «Пусть до Москвы добираются. Им всё компенсируют».

Первыми решили вызвать телевизионщиков из так называемой «южной» столицы области – самого крупного города региона. Иванов вёл переговоры по телефону с тамошним телена начальством, растолковывал идею московской командировки:

- Отличный эксклюзив получите! – убеждал он собеседника на другом конце провода. – Представляешь? Сам земляк-министр даст интервью! И о работе в Москве расскажет, и о том, как по родине скучает, как помогает региону решать кое-какие проблемы через связи в правительстве... Зритель к телику прилипнет – не оторвёшь...

Вскоре в столицу прибыл известный в городе, да и в регионе журналист Стас Ростов с оператором. Иванов с Сомовым встретили их, как родных, из аэропорта привезли на машине, разместили в гостинице, Провели по всем закоулкам министерства, накормили обедом в министерской столовой. Потом, ожидая вызова к министру, долго обсуждали предстоящую беседу.

Посреди кабинета министра для Туева поставили небольшой стол, усадили его спиной к карте России так, чтобы над головой угадывались контуры родного региона.

Антон согласился отвечать на любые вопросы. Говорил без бумажки, как всегда, объясняя сложные политические проблемы простым, понятным языком, с удовольствием импровизировал, давая остроумные оценки тому, что происходит в жизни страны, известных политиков и простых людей. Подробно рассказал о своей министерской работе... Стас буквально засыпал его вопросами, изредка заглядывая в свой блокнот.

Наконец, перешли к региональной теме. Туев для начала похвалил мэра их города за то, что вникает во все городские проблемы, постоянно общается с жителями. Они так подробно обсуждали с Ростовым дела города, что любому понятно стало: Антон не порывал с регионом, знал, чем он живёт и дышит. Рассказал, как помогал выбить для города дополнительный транш из Москвы на дорожный ремонт. «Вот так да!» - искренне изумился Стас.

- Думаете вернуться к нам? – спросил Ростов напрямую.

- Обязательно! Как только объявят выборы главы, - Туев потирал подбородок, довольный разговором...

«Ребят проводите достойно, - наказал он Олегу, задержав его в кабинете после интервью. – И проследи, как выдадут в эфир».

- Конечно, шеф! – Олег тоже был доволен работой.

Был доволен и Ростов. Они посидели вчетвером в кафешке в одном из переулков Старой площади...

- Возвращайтесь, - сказал Стас после третьей рюмки препротивной водки. – Народ ждёт... - оператор согласно кивал головой.

- Да мы знаем... - улыбался Николай. – Связь с «большой землёй» держим.

- Ты уж постарайся, выдай как положено... - просил Олег.

- Не сомневайся, - обещал Ростов. – Конфету сделаем ...

За несколько недель в министерстве побывали шесть съемочных групп из городских телекомпаний региона. Николай шутил: «Стороны остались довольны встречей». Туев на каждом интервью выкладывался по полной, отвечал на вопросы сибирских журналистов подробно, образно, напористо. «Контрольные» звонки Олега говорили об одном: земляки слушают Антона с большим интересом, не забыли его, ждут на родину, где многие не получают не только зарплату, но уже и пенсию.

Однако выборы губернатора тут всячески тормозили. Обыватели объясняли это только одним: «действующий» хочет подольше удержаться в кресле, ведь люди за него не проголосуют...

Просчитывали ситуацию с регионом и в Кремле. Боялись социального взрыва, изучали возможных кандидатов на губернаторскую должность, высчитывали, кому народ симпатизирует, кто сможет изменить его настроение...

Майские праздники пролетели незаметно. В один из вечеров Иванова срочно вызвали к министру. Он по привычке подхватил дежурный блокнот, авторучку и помчался по коридору, благо, сидели на одном этаже.

Туев нервно прохаживался по кабинету, заложив руки в карманы брюк, молча кивнул Олегу: проходи, садись. Неожиданно спросил:

- Какие новости?

- Из срочного, вроде бы, ничего, - пожал плечами Олег. - Я же вам утром докладывал...

- Меня в Кремль вызывали, - перебил Антон и почесал переносицу. – Спрашивают, не передумал ли я возвращаться в регион?

- А вы? – Олег буквально впился взглядом в шефа.

- А ты не передумал? – ответил тот вопросом.

- Если честно, поднадоело в столице... Да и дома ждут, соскучились... - он кашлянул от волнения, понимая, что в жизни опять назревают перемены.

- В общем, возвращаемся, - Туев потёр ладони. – Вроде бы ставят меня на регион. Только это пока не для прессы. Об этом без нас, когда надо, объявят. Я о другом поговорить хочу. Если хочешь и дальше со мной... - Олег утвердительно затряс головой. – Тебе сейчас уже надо возвращаться...

- Что, прямо завтра? – опешил Иванов.

- Да нет, - поморщился Туев. – Я имею ввиду, через неделю-полторы.

Он подробно принялся объяснять: там, на месте, надо начинать вникать в проблемы, встречаться с людьми... Они просидели в кабинете около часа, Олег успел выпить две чашки любимого министром горячего чая с печеньками.

- Кадрам нашим сам скажу про тебя, чтобы записали в «трудовой»: уволен переводом, - подвёл черту Антон.

Николай не уходил с работы, ждал Олега. Пока шагали по улицам, толкались в переполненном вагоне метро, Олег молчал. Необычно молчалив был и Николай, всю дорогу лишь искоса поглядывал на товарища. Только раз Олег нарушил затянувшееся безмолвие, «притормозив» у витрины продовольственного магазина: «Может, возьмём чего-нибудь? Что-то выпить хочется...».

- Без вопросов. Я тут «перцовочку» знаю, не отравимся! - сразу отозвался Сомов.

Дома разогрели борщ, сварили магазинных пельменей, сели – всё чин по чину. Чокнулись по первой, на удивление синхронно произнесли: «Наше здоровье!», выпили.

- Домой возвращаемся, - как бы между прочим произнёс Олег, проглотив ложку супа. Потом дожевывал кусок хлеба. – Антона сегодня в Кремль вызывали, спрашивали, не передумал ли вернуться в регион.

- А он? – спросил Николай, наливая по второй.

- А он – спит и видит... - Олег поднял стакан.

- К этому всё и шло! – Николай широко улыбнулся. – Давай, как говорят, за «сбычу мечт».

Снова выпили, обильно «заели» разыгравшийся аппетит.

- Только пока об этом никому, - предупредил Олег. – Вот выйдет указ президента... А выйдет он скоро, и Антона назначат на регион. – Иванов задумчиво посмотрел на товарища. – Затянулась московская командировка. Если честно, домой хочется, соскучился я, устал от кочевой жизни.

Они ещё выпили и принялись за пельмени. Сдобренное сметаной, маслом и чёрным перцем, блюдо на холостяцкий вкус было очень даже ничего.

- Тут вот такая закавыка, - продолжал Олег. – Антон приказал мне указов не ждать, сейчас ехать домой, почву готовить. Так что завтра за билетом пойду. На той неделе и поеду...

- А я? – напрягся Николай. – Как тут без тебя?!

- Договорились, что будешь работать до конца. Утром будешь Антону делать обзоры. Постарайся попроще и внятно. Как только указ выйдет, напишешь заявление «на выход». Я вас дома буду ждать, там снова вместе поработаем. Ты как?

Николай пожал плечами, засмеялся:

- Давай за нас выпьем...

Они долго не спали в ту ночь, болтали о своей московской жизни, смеялись, вспоминая всякие случаи, вздыхали по незаметно пролетевшим месяцам в столице. Москву посмотреть по-настоящему так и не успели: ну, побывали

за это время раз в театре Российской армии с его самой большой в стране сценой, пару раз – в музее Вооружённых Сил, и то только лишь потому, что он находится недалеко от общаги. Ещё пару раз в кино сходили.

Правда, обследовали каждый уголок на Красной площади, изучили улицы и переулки Старой площади, Китай-города, заглянули во все расположенные тут храмы и часовни, часто гуляя в обеденное время после министерской столовой на Варварке.

Договорились завтра ещё пройтись по Ильинке, Варварке, Никольскому, Рыбному, Большому Черкасскому переулкам. С тем и уснули...

Утром Олег купил билет, благо авиакасса тоже рядом – на Солянке. Вылет был через два дня: «Чего тянуть резину», – решил Иванов. Потом с Николаем, как обычно, он занимался релизами, телефонными звонками, ходил на доклад к министру с обзором «свежей» прессы, показал ему купленный билет. Тот взял его в руки, повертел, вернул Олегу. По его жесту Иванов понял, что он это одобрил.

В столовую они прорвались раньше всех, быстро сжевали по котлете, накинули ветровки и через парадное вышли на воздух.

Московское небо хмурилось низкими облаками. Было тепло и сухо. Они свернули с Варварки направо. Сразу за углом министерства начинался Никольский переулок. Медленно двинулись вверх в сторону Ильинки.

Рядом возвышался пятиглавый храм святителя Николая Чудотворца «Красный Звон». Они уже заходили в это православное святилище с простыми серыми стенами, высокой колокольней. И местный церковный служака однажды объяснял им значение не совсем обычного названия. Оно шло от красивого звона колоколов храма. Среди них когда-то был колокол с изображением трех лилий, пометой 1573 года и латинской надписью. Считали, что колокол был взят царём Алексеем Михайловичем в трофеи во время Польской войны. А потом колокол вывезли Коломенское...

- Зайдем к тёзке твоему? – оставив воспоминания, предложил Олег.

- А давай, – согласился Сомов. – Свечки ему поставим...

Они вошли в пропахшую ладаном полутьму короткого притвора, купив по свечке, встали у алтаря. Со стен на них сурово взирали неясные лики святых, проступающих со старых, с трудом сохранившихся фресок. Посетителей почти не было, в полутьме виднелись лишь несколько фигур, в основном, женских.

Они уже знали, что святыней храма считается икона святого Николая – единственная, дошедшая с дореволюционных времен. Возле неё – в центре иконостаса – горели лампы, напротив иконы, возле амвона, стоял большой подсвечник, на нём неспешно колыхались огоньки трёх-четырёх догорающих свечей. Олег первым зажгёт и поставил свою свечу. Постояли, глядя на икону Чудотворца, но не перекрестились.

«Вот же дурацкое воспитание, не могу пересилить себя, - раздумывал Иванов. – Помоги мне, Николай Чудотворец, сделай так, чтобы всё было хорошо», - произнёс про себя Олег слова незамысловатой молитвы. Потом посмотрел на Сомова, тот, опустив голову, задумчиво разглядывал носки своих ботинок. «Может, тоже просит о своём святого тёзку», - усмехнулся Иванов.

- Пойдём, - потянул он Николая за рукав. – А то погулять не успеем.

Они прошли по Ильинке, миновали Биржевую площадь, по Богоявленскому переулку прошагали до Никольской улицы, потом – до ГУМа. Николай был непривычно молчалив и серьёзен. Поглядывал на Олега.

- Не тяни кота за... говори, - подбодрил товарища Иванов.

- Хочу мороженого, - засмеялся в ответ Николай. – Давай возьмём в ГУМе.

Они зашли под необъятные своды магазина, нашли на втором этаже кафе, взяли по два шарика пломбира без сиропа и уселись за столик. Николай быстро справился со своей порцией, Олег медленно смаковал свою.

- Ну, так что ты хотел мне сказать? – снова завёл Олег.

- Люблю мороженное, - хохотнул Сомов. – Ладно, – сказал он, наконец, серьёзно. – Олег, я решил, домой не поеду, остаюсь в Москве.

Иванов на миг растерялся:

- И что будешь здесь делать?

- В академию зовут...

- Шутишь! А как же наше общее дело? – Олег почувствовал, что новость выбила его из равновесия. Даже скорое возвращение домой уже не так радовало...

Вечером Олег с хмурым видом молча собирал в две большие сумки свои нехитрые пожитки, готовясь к завтрашнему отъезду. Зато Николай, сидя на кровати, говорил без умолку.

- Пойми, Олег, - в который раз повторял он. – Я уже работал на губернатора. Да, сейчас будет другой – лучше, опытнее, популярнее. Я его уважаю! Но пусть это будет без меня... Я уже не могу снова войти в эту реку...

Николай вскочил, подошёл к склонившемуся над сумкой Иванову, повернул его к себе, обхватил руками и оторвал от пола.

– Ну, раскумекай, Олег!

Тот начал вырываться: «Пусти». Сомов поставил его на пол, засмеялся:

- Не обижайся!

- Да я не обижаюсь. Ты только до конца тут доработай.

- Пока не уедет Антон, буду на посту... Не сомневайся.

Однако ужинали они в полном молчании, спать легли рано.

...Самолёт из Домодедова вылетал около десяти вечера. В этот день Олег с Николаем ушли из министерства сразу после обеда. Трудовую книжку Иванову не выдали: начальника отдела кадров не было на месте, а его подчинённые не взяли на себя ответственность...

- Прослежу, заберу и отправлю тебе, - заверил Николай.

- Проследи и отправь, - согласился Олег.

До аэропорта добрались на автобусе. Сомов сам нёс олеговы сумки. На регистрации он же уболтал девушку, что один лишний килограмм груза – это не перевес. И сумки «уплыли» по транспортёру куда-то вглубь здания.

Возле входа в зону досмотра они обнялись.

- Ещё увидимся, - смеясь, произнёс Николай. – Так что носа не вешай. Звони...

- Ты тоже звони. Спасибо тебе, - Олег, не оборачиваясь, пошёл на досмотр.

...Указ президента вышел 1 июля 1997 года. Туева назначили исполняющим обязанности главы администрации региона.

Олегу об этом сообщил Николай. Он позвонил Иванову раньше, чем новость прозвучала по телевизору, прокричал в трубку: «Решение принято! Принято!..»

«Да, - подумал Олег. – Начинается...»

Варшавские хроники или Столовый этикет

Олега Иванова вызвали к губернатору, как всегда, неожиданно. Он был у него в кабинете буквально пару минут назад, только вернулся к себе, не успев даже присесть за рабочий стол, как раздался звонок из «первой» приёмной: «Срочно к Туеву!».

Олег подхватил блокнот и авторучку и снова ринулся с пятого на третий этаж здания областной администрации. Впрочем, эта беготня для пресс-секретаря губернатора была, как он шутил Иванов, «серыми буднями». Из такой вот беготни – вот уже год со дня назначения Антона Туева губернатором региона – обычно и состоял его рабочий день.

Туев часто вызывал его к себе, наговаривал «фактуру» для пресс-релиза, который затем пресс-служба администрации Сибирского региона рассылала в редакции. Олег часто присутствовал на рабочих совещаниях шефа, а по итогам тоже писал информацию в пресс-релиз.

И сейчас Олег готовился «строчить информашку». Но Туев был в кабинете один и огорошил Иванова вопросом:

- Ты видеокамеру держать ещё не научился?

- Обижаете, шеф! - Олег сделал вид, что оскорбился. Уж ему-то, не один год порботавшему над авторской передачей в областной гостелекомпании, потом – главным редактором на независимом телеканале «Агентства информации «Копейка», наконец, пару лет производившему программу для

областного парламента, который в это время возглавлял Антон Туев, много раз приходилось собственноручно снимать кадры для своих телеэфиров. Такое забыть, как говорится, невозможно.

Но губернатору некогда было вникать в обиды подчинённых, он снова спросил:

- А с заграничным паспортом у тебя как?

- Есть паспорт, - кивнул Олег и сразу понял, что речь идёт о командировке, однако вида не подал.

- Тогда собирайся, поедешь со мной в Варшаву. У меня в Польшу рабочий визит намечен. Вылетаем через два дня.

Олег слышал, что в Республику Польша собирается большая делегация угольных генералов – директоров объединений, крупных шахт и разрезов их региона. И возглавить её должен был первый заместитель губернатора Вениамин Петрович, который ещё недавно сам руководил крупным угольным объединением.

В эти хмурые осенние дни сентября 1998 года поездка из Сибири в Европу представлялась Олегу настоящим подарком, неожиданным праздником в череде непрерывных рабочих будней...

Из Москвы в Варшаву они вылетели из Шереметьева-2 ближе к ужину. Олег уже пару лет не летал с Туевым, как говорится, один на один. В последний раз это было, пожалуй, в начале 1996-го, когда Антон был ещё председателем областного законодательного собрания и, одновременно, был сенатором от региона в верхней палате парламента страны – Совете Федерации, а Иванов также работал у него пресс-секретарём. В те времена Совфед заседал раз в две недели. И Туев всякий раз брал Олега с собой в столицу, где тот снимал заседания, комментарии известных политиков – членов парламента, организовывал общение Туева с журналистами центральных СМИ, потом использовал этот материал в своей авторской передаче «Форум», которая выходила в эфире областного государственного ТВ раз в неделю.

Сейчас Олег первый раз в жизни летел в настоящем, хоть и не новом на вид «Боинге-737». Если говорить честно, набитый под завязку пассажирами и багажом, самолёт не произвёл особого впечатления. Салон был такой же тесноватый, как и в привычном Ту-154. В лайнере не было бизнес-класса. А длинные ноги высокого губернатора могли нормально поместиться, только если сидеть в самом первом ряду. Именно это и предложила Туеву бортпроводница, а, заодно, и сопровождающему его Иванову. И этим хоть как-то скрасила им двухчасовой перелёт...

В варшавском аэропорту они первыми спустились с борта самолёта на землю. Вещи они в багаж не сдавали и первыми прошли пограничный контроль. Как только появились в зале прилёта, к ним подошёл крепкий парень лет тридцати пяти в строгом чёрном пиджаке и при галстуке:

- Алексей, - представился он Туеву. - Второй секретарь посольства. Прошу, проходите в машину.

Он подхватил саквояж и портплед с костюмами Туева. Свои кофр с видео и фототехникой и сумку с вещами Олег понёс к машине сам. Пока шли к стоянке, он выпросил себе место рядом с водителем, чтобы из окна автомобиля поснимать улицы польской столицы.

Седой, толстый, тоже «затянутый» в пиджак и галстук, шофер шикарного посольского авто встретил их громким приветствием:

- Здравствуйте, земляки! Как там, на Родине? – но Алексей перебил его:

- Поторопись, Степан Иванович, укладывай вещи и – поехали. Вечер уже, да и посол ждёт.

Степан Иванович вёл машину быстро, но плавно и аккуратно. За окном проносились кварталы новых жилых домов, изредка перемежавшиеся более старыми зданиями. Олег ловил в объектив вывески с названиями улиц: Marynfrska, Aleja Wilanowska, Putawska, Dolna... Олег, как мог, «выхватывал» объективом фасады домов, живописные витрины, красочные щиты реклам на полупонятном языке, людей на тротуарах и перекрёстках, одетых в более яркую, чем в России, тем более, в Сибири, одежду.

Необычная обстановка возбуждала и поднимала настроение. В голове навязчиво звучала знакомая бравадная мелодия, кажется, он незаметно для окружающих даже «нахрипывал» её себе под нос.

Здесь даже небо, в отличие от серого московского, было голубым, ярко подсвеченным лучами мельтешащего между коробками многоэтажек идущего на закат солнечного диска. Под колёса стремительно уходила серая лента гладкого шоссе. Но особенно нравились Олегу встречные авто: разноцветные и маленькие, они по виду напомнили ему первый советский «Запорожец», который в народе прозвали «горбатым».

- Что за машина? – спросил он у водителя, показав на очередную встречную машину.

- Эта? – переспросил Степан Иванович. – Какой это автомобиль!? Это польский «Фиат». Дешевле не бывает, поэтому «пшечки» его и любят. Все улицы ими забиты...

- А кто такие «пшечки»? - опять спросил его Олег, не отрываясь от видеоискателя.

- А это весь мир так поляков величает. За их язык: у них в каждом слове шипящие и свистящие, - со знанием дела отвечал водитель.

На заднем сиденье Алексей о чем-то негромко рассказывал губернатору. Тем временем они свернули на улицу Belwederska.

- Вот это наш посольский проезд, - весело буркнул Степан Петрович. – Скоро приедем!

На стене проплывающего справа здания на перекрёстке Олег успел прочесть название улицы Юрия Гагарина.

- А вот и наш «домишко», - кивнул водитель, осторожно поворачивая налево к железной решётке больших ворот.

С обеих сторон ворота «обрамляли» небольшие здания КПП, одно из них украшала позолоченная вывеска на двух языках «Посольство Российской Федерации», чуть выше неё синел адрес «Бельведерска, 49». Ворота тут же отъехали в сторону, и машина подкатила к подножию широкой гранитной лестницы, три пролета которой вели к входу в настоящий дворец, который величаво, фасадом к улице, возвышался на холме среди обступающих его деревьев.

Монументальное трёхэтажное здание с боковыми «крыльями», на первый взгляд, напоминало Иванову здание Большого театра в Москве, только без четвёрки коней. Его венчал купол, украшенный российским триколором. Классический портик над входом подпирали четыре колонны, отделанные, как и весь фасад, светло-коричневым мрамором.

Выскочив из машины, Олег снова начал снимать окрестные виды. «На века построено, - раздался над его ухом приятный баритон. – В стиле позднего сталинского ампира».

Он оторвался от видеоискателя. Перед ними стоял высокий стройный человек в светлом с иголки костюме, прекрасно гармонирующим с пепельным цветом его стрижки. На голубоглазом худощавом лице светилась добродушная улыбка.

Алексей представил ему главного гостя.

- А это наш чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Республике Польша Леонид Вадимович, - отрекомендовал своего шефа второй секретарь посольства.

Посол подал руку Туеву и Иванову. Олег отметил, что у «чрезвычайного и полномочного» хоть и узкая, но очень крепкая ладонь. И ещё, что он выше и стройнее черноволосого и более «крепкого» на вид губернатора, хотя Туев и был ростом под метр девяносто. Тем временем, посол осторожно взял Антона под локоть и повёл вверх по лестнице, показывая ему на ходу посольские владения. Олег подхватил свои вещи и двинулся следом, Алексей нёс вещи губернатора.

- Это самое большое российское посольство за рубежом, - явно гордился своим хозяйством Леонид Вадимович. – Посмотрите только, какой огромный у нас парк! Четыре гектара земли, восемь тысяч деревьев! Есть большой теннисный корт и плавательный бассейн... Рекомендую. Наши тут настоящие соревнования проводят...

- Здорово! – похвалил посла Антон. - Но только не сегодня. У Сибири с Варшавой разница во времени – шесть часов. У нас дома уже глубокая ночь. – Олег заметил, как Туев с трудом сдержался и не зевнул. Он знал,

что его губернатор из тех, кого называют «жаворонками»: ложится пораньше, зато встаёт с первыми петухами.

Но посол не обратил внимания на его слова. Они остановились на верхней площадке у входа в посольство. Олег и Алексей поставили вещи на землю. И Иванов снова взялся за висевшую на плече видеокамеру. Отсюда было видно, как дальше улица спускается вниз, и на повороте дороги открывается вид на посольский городок.

Дальше по этому кварталу, показывал рукой посол на Бельведерскую, расположено наше консульство, следом – внушительный стеклянно-бетонный куб – Российский центр науки и культуры. «Когда-то эти здания были центром активности, - вздыхал он. - Но после того, как Польша повернулась к Западу, оживленность в них снизилась. Тем не менее, у многих поляков интерес к России велик...»

- Вон там знаменитый Бельведерский дворец, - теперь он показывал в обратный конец улицы. - Здесь в тридцатые годы квартировал лично пан Пилсудский.

- А наше посольство внутри ещё интереснее, чем снаружи. Хотите, прямо сейчас экскурсию вам организую? - Леониду Вадимовичу не терпелось показать все свои владения.

Но Туев мягко отказался:

- Согласен, но лучше завтра с утра. Я бы сейчас чаю попил и – отдохнуть.

- Почему только чай? – удивился посол. – Мы для вас ужин приготовили. А жить будете в нашей гостинице, на третьем этаже. Алексей, проводи. Я буду ждать вас на ужин в каминном зале.

- Никуда не уходи, - бросил Алексей Олегу. – Я быстро... - и они зашли внутрь.

Иванов остался у входа. Задав голову, он начал рассматривать необычную композицию на фронтоне дворца: объёмный дубовый венок венчала пятиконечная звезда, внутри венка из середины необычного листа выглядывал краешек солнца, обрамлённый тонкими лучами, с обеих сторон венка причудливо извивались каменные ленты.

- Шею не сверни, - похлопал Олега по плечу незаметно подошедший Алексей. – Что ты там увидел?

Олег вздрогнул от неожиданности:

- Да вот, над колоннами венок. Кстати, что он символизирует? – смутившись, спросил он.

- Хрен его знает, - совсем не дипломатическим языком ответил второй секретарь. – Я про это здание много чего знаю, а вот об этом как-то не задумывался. Пошли, я тебе твой номер покажу.

Олег подхватил свои вещи, Алексей придержал для него массивную входную дверь.

Они оказались в холле, украшенном мраморными колоннами, ярко освещённом большими люстрами. На второй этаж вела широкая парадная лестница из белого мрамора, после первого пролёта она симметрично раздваивалась – налево и направо. Они повернули направо, поднялись на третий этаж, свернули в боковое крыло.

Комната в посольской гостинице была двухместной. «Выбирай любую», - кивнул хозяин на узкие деревянные кровати. Олег поставил сумки возле той, что была дальше от двери.

- Хочешь, я тебе экскурсию организую? – предложил Алексей.

- А то! – сразу согласился Иванов. – Я только аккумулятор в камере поменяю.

– У нас вся красота на втором этаже, – и они направились на второй.

- Здесь пять залов: Каминный, Зеркальный, Круглый, его ещё Купольным называют, Золотой и Мраморный, - перечислял по ходу экскурсовод. - Залы идут анфиладой, ну, то есть, один за другим, - пояснял он.

Вдоль залов шёл сквозной коридор, в который они сейчас и вышли.

- Погоди, загляну, посмотрю, может, тут наши шефы ужинают, - Алексей осторожно заглянул в первую из дверей, выходящих в коридор. - Никого, - он поманил рукой Олега. – Заходи, быстро они управились!

- Так губернатору отдыхать надо, – со знанием дела отозвался Иванов. - В Сибири уже глубокая ночь... Зато завтра поднимется спозаранку. Вот увидишь!

Первым был Каминный зал. «Бывший Охотничий, - пояснял Алексей. - Когда-то давно тут висели рога, разные «причиндалы» для охоты. Почему убрали, не знаю».

- Я снимать буду, подождёшь? – спросил Олег.

- Давай, - великодушно согласился второй секретарь. – Нам торопиться некуда, вся ночь впереди.

Камин, отметил про себя пресс-секретарь, даже с полешками, хоть сейчас растапливай. Над камином висело зеркало до потолка, которое придавало залу ещё больший объем. На каминной полке тикали вычурные настольные часы, с барометром и термометром и ещё с какими-то непонятными приборами. Тут же стояли расписные фарфоровые вазы на ножках с фруктами и конфетами.

Рядом с камином был обеденный застеленный белой скатертью стол. Возле – три стула: один спинкой к окнам и два – напротив. Стол тоже сервирован на троих: огромные фарфоровые тарелки, слева от каждой лежал набор из трёх серебряных вилок, справа – столько же ножей и по три разнокалиберных хрустальных фужера.

- Это уже на завтрак приготовили, - заметил Алексей. – Раз на троих, значит, и тебя позовут. Так что, готовься...

- Почему меня? – удивился Олег. – Может, тебя или кого из ваших...

- Нет, - был уверен второй секретарь. - С нами он не завтракает, только с гостями.

«Ладно, - подумал Олег. – Чего раньше времени беспокоиться? Утро вечера мудреней».

Вдоль стен расставили кожаные диваны. На стенах – картины. В дальнем углу – «мягкий уголок» для общения. Над ним висела узнаваемая картина: казаки пишут письмо турецкому султану. Иванов долго вглядывался в знакомый сюжет. «Картина «Запорожцы», - подсказал Алексей. - Только, конечно, не оригинал Ильи Ефимовича Репина, а список с его картины художника Светличного».

- Ты на потолок внимание обрати, - он ткнул пальцем вверх. - На люстру и потолочный плафон.

Олег направил объектив вверх. Высокий потолок украсили круглым голубым плафоном с оригинальным орнаментом. С него свисала трёхступенчатая люстра из больших металлических кругов, соединенных между собой цепями, с множеством ламп на каждом.

- Пошли дальше, - позвал Алексей.

Следующий Зеркальный зал предназначался для приёмов и выставок. Вход и выход из зала тоже украшали колонны и белые барельефы из склоненных знамен, опирающиеся на ветви дуба, в центре серп и молот с пятиконечной звездой. А на потолке – череда из вычурных желтовато-стеклянных люстр, свет которых отблескивал от красивого пола из наборного паркета. И, конечно, зеркала на стенах.

В третьем, центральном зале дворца, Круглом, стоял круглый стол для официальных встреч. Прямо над ним находится купол здания, продолжал экскурсию второй секретарь, а на всю высоту дверных порталов – мозаика с картинами природы. Птицы, растения, радуга, небо – все «нарисовано» цветными стёклышками. Отсюда можно выйти на балкон с видом на посольский сад.

- Выйдем? - предложил Алексей.

Они постояли на балконе, вглядываясь в вечерние сумерки, в кроны деревьев, за которыми угадывались уличные огни.

- Деревьев в городе много, - глубоко вздохнул Иванов. - Дышится легко!

- Варшава – самая красивая столица Европы, - поддакнул Алексей.

- Ты во многих столицах бывал?

- Да уж, поездил, - кивнул тот.

- А я всего второй раз в жизни. Один раз в Болгарии был, ещё в советские времена, по путёвке Союза журналистов...

Четвёртый зал назывался Золотым и был предназначен для переговоров. Он очень напоминал Зеркальный: такие же пол и люстры. Но в центре здесь разместился длинный стол для заседаний с тремя десятками стульев. По углам – диваны, на стенах – картины. У окна стоял белый рояль. «Главный посольский инструмент», - не без гордости показал на него Олег.

Мраморный зал, пятый по счёту, был симметричен Каминному. Стены его облицовали светлым розово-коричневым мрамором. Напольный рисунок паркета, собранный из деревянных двухцветных досочек, изображал большой круг с восьмиконечной звездой посередине. Люстра – такая же, как в Каминном. Только потолочный плафон был выполнен в коричневых тонах. У одной стены – овальный столик, окруженный четырьмя креслами и диваном – все из чёрной, очень гладкой на ощупь кожи, попробовал ладонью Олег. В другом углу зала чёрного цвета буфет с деревянными накладными узорами на дверцах и в верхней части фасада.

...- Хватит на сегодня экскурсий, - Олег выключил камеру. – Спать пора. Даже по варшавскому времени почти десять вечера.

- Как спать, а поговорить? – растерялся Алексей. – Я думал, посидим, выпьем, побеседуем... В конце концов, сожрём чего-нибудь. Наверняка, нам на кухне еду оставили! Не каждый день к нам гости из Сибири приезжают.

- Да, разве я против!? За весь день только булочку сжевал в самолёте, - признался Олег. И почувствовал, что как подвело пустой желудок.

- Ну, так иди, бросай свою технику, я тебя в коридоре подожду, - хлопнул Алексей его по спине.

Перешагивая через две ступени, Олег помчался к себе в комнату. Порылся в сумке и вытащил полулитровую бутылку водки «Медвежий угол», которую предусмотрительно прихватил из дома.

Они расположились в небольшой комнате рядом с кухней. Из кухни Алексей принёс горку бутербродов с ветчиной, сёмгой и сыром. Крупно покромсал палку сервелата, аромат которого перебил все остальные запахи, порезал и овощи, открыл пару банок с этикетками на польском. Потом снова сбегал на кухню и с довольным видом поставил на стол две тарелки с большими котлетинами: «Это нам по шницелю!» Потом повертел в руках олегову бутылку, прочитал:

- Мариинский ЛВЗ... Где это? Не отравимся?

- Водка из Сибири, проверенная, - заверил Олег. – Из лучшего спирта, на меду. Сам не раз дегустировал и, как видишь, жив. Разливай, давай!

Первую рюмку выпили за знакомство. Вторую – за Россию. За второй прошла и третья... Разговор потёк сам собой непрерывным потоком. Олег чувствовал себя непринуждённо, казалось, он давным-давно был знаком с Алексеем, просто долго не виделись, и потому у него накопилось много интересных новостей. Он рассказывал о регионе, о своей работе с

губернатором, да обо всём, что интересовало любопытного собеседника, умело направляющего этот словесный поток.

- У вашего Туева намечена встреча с президентом Польши. Как думаешь, о чём он хочет с ним говорить? – поинтересовался второй секретарь.

- Да? – переспросил Олег. – Наверное, о поставках нашего угля. Он постоянно новые рынки сбыта ищет...

Бутылка быстро опустела, а закуски оставалось ещё немало. «Погоди, я сейчас», - подхватился Алексей. И вскоре вернулся с большой бутылкой напитка бордового цвета.

- Виски, - прочитал Олег на этикетке. – Ух ты! Один литр, сорок градусов. Не пробовал!

- Напрасно. Вся Европа пьёт, - похвалился Алексей. Рядом с бутылкой он поставил красивые стаканы с толстым дном.

- Да и у нас продают, но я всё больше по водке, - Олег стал свинчивать пробку.

- А что это – всё я, да я?! Ты лучше расскажи, как вы тут живёте? – спросил Олег, заедая виски малосольной сёмгой. - Посол у вас интересный мужик. Давно работает?

- Х-м... - усмехнулся Алексей. Он на секунду задумался. – Ладно! – махнул рукой, будто решив что-то для себя. – Живём тут по-разному. Читал, наверное, Польша собирается в НАТО вступить? Для нас это проблемы... А посол у нас... – ничего. Работает здесь уже пару лет. До МИДа спортом занимался, был главным тренером сборных Союза по академической гребле, потом – в Госкомитете по спорту. Думаю, они с Туевым познакомились, когда наш в МИДе командовал департаментом по делам СНГ, а ваш был министром по делам СНГ...

- Так я же с ним в Москве тоже был! – обрадованно перебил его Олег. - Министерской пресс-службой занимался.

...Бутылка опустела почти наполовину. Иванов долго рассматривал циферблат часов на руке, не мог понять, сколько времени.

- Сколько на твоих? - спросил он у Алексея.

- Два часа ночи...

- Всё, я – спать! А то завтра не встану... - и они расстались.

...Олегу показалось, что прошло всего несколько секунд после того, как он кое-как разделся, раскидав одежду по номеру, сорвал с кровати покрывало и последние силы потратил на то, чтобы заползти под одеяло. Как только его голова коснулась подушки, потолок медленно и противно начал уплывать куда-то влево. Но стоило лишь зажмуриться, мозг в эту же секунду отключился.

И тут его резко встряхнули за плечо. Олег с трудом разлепил глаза, пытаясь сообразить, где находится. В комнате горела небольшая люстра, в свете которой Иванов отчётливо различил испуганное лицо Алексея со встрёпанной шевелюрой. «А? – удивился Олег. – Что случилось?»

- Ничего, - ответило лицо. – Просили передать, что твой шеф ждёт тебя через двадцать минут внизу, у входа здания. Хватит разлёживаться, вставай!

- Который час? – проворчал Олег.

Алексей посмотрел на часы:

- Начало седьмого, - он насмешливо фыркнул. – Наши ещё спят. А ваш поднялся ни свет ни заря. Прогуляться хочет... Как ты и говорил.

- А ты как об узнал? – Олег, кряхтя, начал подниматься с кровати.

- Так я ещё не ложился. Вот он на меня и вышел. Говорит, буди Иванова, жду его внизу...

В небольшом совмещённом санузле Олег подставил голову под холодную струю воды, кое-как почистил зубы, оделся. Достал фотоаппарат, перезарядил видеокамеру, водрузил всю технику себе на грудь и, тяжело вздыхая, спустился на первый этаж и вышел на улицу.

Занимался серый день, из низких серых облаков моросил нудный дождь. Туев с задумчивым видом стоял между колон портика. Он был в тёмном плаще, над головой держал огромный чёрный зонт. Не любит, когда на него капает с неба, сразу припомнил губернаторскую привычку Олег.

- Давай-ка, поснимай меня здесь, пока есть время, - сказал тот Иванову.

Олег сделал несколько снимков. Оценил их через маленький экран фотоаппарата.

- Встаньте под крышу, а зонт уберите за спину, - предложил он шефу. Следующие снимки Туева на фоне больших колон выглядели намного эффектнее.

Потом они неспешно двинулись по дорожке вдоль здания. Дождь прекратился, и это было Олегу на руку. Он забежал вперёд и снимал на видео, как Туев шагает возле посольства, снова прикладывался к фотоаппарату.

Перед ними постепенно открывался обширный сад. Вглубь него уводили окруженные деревьями асфальтовые дорожки. Всю огромную посольскую территорию окружала красивая кованая ограда.

Под ногами лежала мокрая осенняя листва. Вчера, когда они только приехали, дорожки были чистыми, вспомнил Олег. Наверное, местный дворник ещё спит...

Не торопясь, они забрели во внутренний двор здания. Осмотрели каменную беседку, фонтан. «Красиво! - оценил Туев. – Наверное, лучшего посольства у нас нет». Он ещё немного позировал Олегу в беседке. И они молча

двинулись дальше. Губернатор был задумчив и неразговорчив, и Олегу не хотелось нарушать его настроения.

- Кстати, - вспомнил вдруг Антон. – В девять утра завтракаем у посла. Ты тоже приглашён. Поэтому без четверти девять встречаемся в его рабочем кабинете...

Олег надел белую водолазку, тёмно-синий кардиган, на всякий случай захватил с собой технику. И не ошибся: Леонид Вадимович решил-таки устроить Туеву экскурсию по своему дворцу.

Но сначала, когда они только вошли в кабинет, посол сидел за письменным столом в дальнем от входа углу, как и вчера, в безупречном костюме, и разбирал стопку свежих варшавских газет. Он стремительно поднялся им навстречу, и Олег успел сделать снимок его, стоящего в полный рост за своим рабочим местом.

- А про ваш визит в Варшаву газеты уже пишут всюду, - сообщил он губернатору.

- Пишут-то хоть нормально? - уточнил Туев.

- Если честно, не очень. Говорят, Туев приехал лоббировать интересы своих угольщиков. А Польше поставки вашего угля невыгодны: она стала самой крупной угледобывающей страной в Европе. Им самим рынки нужны. Президента Квасьневского критикуют, что согласился встретиться с вами. Чуть ли не забастовками шахтёров грозят, если он что-то вам пообещает или, ещё хуже, подпишет какое-нибудь соглашение. Прошлые его вспоминают. Он же был коммунистом, а теперь социал-демократ... Особенно «Газета Выборча» усердствует! Да вот, сами посмотрите... - и он протянул Туеву раскрытую газету.

Антон взял её и начал рассматривать фотографии. Иванов тоже заглянул на полосы издания. В глаза бросался крупный заголовок, напечатанный вычурной латиницей, и два больших фото под ним: на одном – портрет Туева, на втором, по-видимому, был изображен польский президент.

- Вот журналюги! – буркнул Антон и подтянул рукава толстого, крупной вязки вишнёвого свитера. – Я ведь о своей поездке сюда никому ни слова...

- Но ведь с президентом кто-то договаривался, - утвердительно кивнул посол. – А у прессы в администрации свои информаторы, за деньги любую информацию «солят».

- Да Бог с ними! - махнул рукой Туев. – Лишь бы встречу не отменили.

- Сегодня прислали подтверждение, - успокоил Леонид Вадимович. – Не отменят.

...Потом они пошли осматривать посольство. Олег семенил за ними по знакомым уже залам, без конца делая кадр за кадром. На этот раз Каминный зал был последним в их экскурсии. Они неспешно исследовали и

его и направились к столу. Леонид Вадимович сел на стул спиной к окну. Напротив уселся Туев, Олег примостился по левую руку от него.

К вечерней сервировке уже добавилось несколько овальных блюд с высокими краями: одно – с горкой творога, в другом виднелось что-то сметанообразное, стояла тарелки с мяскоколбасной нарезкой, тонкими разноцветными ломтиками сыра разных сортов, варёными яйцами. На небольших изящных тарелочках возле каждого едока лежали по две небольшие булочки: белая и тёмная, - и свёрнутые в трубочки белые крахмаленные салфетки. А на другом конце стола рядом с горкой тарелок были живые цветы в высокой вазе из голубого стекла...

Туев сидел свободно – локти на столешнице и разглядывал кушанья. Олег же будто кол проглотил, руки держал на коленях и думал только о том, как бы не попасть впросак из-за тонкостей столового этикета. От напряжения у него даже спина заныла, но он боялся откинуться на спинку стула. От запаха еды началось обильное слюноотделение, и он постоянно незаметно сглатывал. Надо взять себя в руки, успокоиться, попытаться мысленно приказать себе Олег. Но в первые минуты завтрака это плохо получалось.

Он начал приглядываться к тому, что делает Леонид Вадимович, и повторять его движения. Посол сначала взялся за салфетку, развернул её, убрал на колени. Иванов также поступил со своей салфеткой, взял лежавшую поперёк ложку, следом за послом придвинул к себе творог, положил немного в свою тарелку, сверху добавил сметанообразной тягучей массы.

- А что это? – показывая на неё, спросил у посла Туев.

- Свежий йогурт. Очень вкусный, - ответила вместо посла вышедшая из-за их спин официантка, лет сорока, в светло-сером простом платье до колен с коротким рукавом, в белом переднике. Олег отметил на её коротко стриженной светловолосой голове небольшой белый кокошник в форме полумесяца. Она подошла к хозяину стола и, склонившись, стала нащёптывать ему на ухо. Тот кивнул и спросил у гостей:

- Может, вина? Есть хорошее белое, сухое...

- Я – пас, - отказался Туев.

- А вы, Олег? – обратился посол к Иванову.

Тот от неожиданности поперхнулся творогом и, едва сдерживая кашель, отрицательно помотал головой.

- Есть минеральная, свежавыжатый сок...

- Нет, - снова отказался губернатор.

- А вам? – внимательно посмотрел посол на красного, как рак, почти переставшего дышать Олега. – Попробуйте нашего сока.

Теперь Олег закивал утвердительно.

- А каша есть? – поинтересовался губернатор.

- Овсяная, рисовая, гречневая? Какую хотите? - спросила официантка.

- Гречневую, - выбрал Туев. – Только надо чуть переварить и чтобы была горячая.

Женщина вернулась через пару минут с небольшим графином и налила Олегу в один из фужеров апельсиновый сок. Он сделал большой глоток и только сейчас ощутил, как после вчерашнего его мучает жажда.

Антон, в ожидании каши, попробовал творог, колбасу. Причём, он делал это, запросто накалывая куски на вилку и сразу отправляя в рот. Посол же, заметил Олег, взял самые крайние серебряные приборы, положил кружок колбасы из общей тарелки к себе, потом принялся понемногу отрезать от него и отправлять в рот, медленно и тщательно пережевывая.

Иванов в точности повторил его действия и поймал внимательный взгляд Леонида Вадимовича. Олегу даже показалось, что тот слегка подмигнул ему.

- В начале пятидесятых власти выделили Союзу этот очень престижный для Варшавы участок возле своего Министерства обороны, - рассказывал между тем посол Туеву и без конца прикладывал к губам салфетку.

Занятый тонкостями этикета, Олег наконец-то уловил, что они ведут неторопливую беседу.

- Я слышал, что тут не обошлось без Рокоссовского? – налегая на любимую гречку, интересовался Туев.

- Скорее всего, вы правы, - кивал посол. - Ведь маршал Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский до 1956 года был министром обороны Польши.

Проектированием здания занималась мастерская московского архитектора Льва Владимировича Руднева, пояснял Леонид Вадимович. А открыли посольство СССР 12 ноября 1955 года. Его архитектура – это дань традициям Санкт-Петербургского дворцового зодчества восемнадцатого века.

- Высота потолков наших залов, сами видите, более шести метров, - после этих слов посла губернатор внимательно посмотрел вверх. - Что интересно, материалы привозили из разных областей Союза...

- Котлетки! – объявила официантка и поставила на стол накрытое крышкой фарфоровое блюдо. – А от рыбки отварной зря отказались. Может, подать? – она сняла с блюда крышку.

От горячих котлет поднимался парок. Женщина быстро убрала грязную посуду, поставила перед каждым чистые тарелки.

- Я, точно, не буду, - Туев положил себе на тарелку две котлеты, начал новой вилкой разламывать их и с аппетитом есть.

Леонид Вадимович взял средние вилку и нож, осторожно выбрал самую маленькую котлету, отщипнул и положил в рот кусочек тёмной булочки, не

торопясь, порезал котлетку. Олег снова в точности повторил все его действия. Он напряженно жевал вкусное, мелко нарубленное мясо и думал: можно уже глотать или надо ещё пожевать?

- Здесь, наверное, кто только не бывал из союзного руководства? – снова завёл разговор губернатор.

- Это точно, - охотно откликнулся посол. – Многие здесь побывали: Молотов, Хрущев, Брежнев. И министр культуры Фурцева. А из польских партийных руководителей Берут, Герек, Гомулка, премьер Циранкевич, первый президент Ярузельский. Уверен, что и Лех Валенса...

Леонид Вадимович «остановился» на половине котлеты, сложил на тарелку вилку и нож и выпрямился. Официантка тут же забрала его посуду и поставила перед ним чистую. Посол вооружился последними набором серебра и положил себе два разных по цвету ломтика сыра. Олег осторожно проделал то же самое. Принялся за сыр и губернатор. В это время женщина обносила гостей вазой с фруктами. Антон взял, не глядя, гроздь винограда и кусок яблока. Хозяин завтрака и, конечно, Иванов отказались от фруктовых предложений.

Олег ощутил, что устал от почти часового сидения за столом. Он чувствовал, как от напряжения по спине пробежала капля пота.

- Интересно, - задавал очередной вопрос Туев, - какая у поляков национальная кухня?

- Хм, - Леонид Вадимович притронулся салфеткой к губам. - Во многом она близка к русской. Любят телятину, говядину, свинину, птицу. – Он отрезал крохотный уголок сырного ломтика. – Но есть и свои любимые кушанья. Бигос, например. Знаете, наверное, мясо режут мелко и тушат с капустой в кислом соусе. Или вот, готовят из коровьего рубца рулетики в белом соусе. Их называют «фляки по-варшавски», - он немного подумал. - Ещё из гусиных потрохов готовят «черницу» с черносливом, яблоками, грушами и специями. Очень любят молочные продукты, мед...

Посол положил на тарелку рядом нож и вилку ручками в правую сторону и салфетку с колен переместил на стол.

- Есть мороженое, – предложила официантка.

К радости Олега, все дружно отказались. Но завтрак на этом не окончился. «Кофе, чай?» - спросил хозяин.

- Мне зеленого чая, - оживился Туев. – Но, чтобы был очень горячий...

- И мне, - тихо произнёс Иванов.

- Перейдем в мягкий уголок, - Леонид Вадимович поднялся из-за стола.

На небольшом столике уже стояли чашки с блюдцами, вазочки с конфетами, печеньем и фруктами, в розетках – повидло и джемы. Они пересели в кресла. Шефы, беседуя, присели напротив друг друга, Олег опустился на кресло слева от Туева. На этот раз они обсуждали посольскую зарплату.

«Самые высокие оклады у наших в Великобритании, США, Франции, ФРГ. Послы тут получают около трёх тысяч в месяц. Долларов, конечно... Другие – меньше. Так что зарплату наших «чрезвычайных и полномочных» шикарней не назовёшь, – развёл в стороны ладони посол. – Да вы и по министерству ещё помните, наверное?»

- Да уж, помню, – кивнул Туев. – Министр – ещё куда ни шло, а подчинённые... Вот Олег тоже со мной работал. Скажи?

Леонид Вадимович на этот раз посмотрел на Иванова с особым интересом. «Да, – подтвердил Олег. – Зарплата была такая, что не разбежишься...»

Посол пил кофе, держа блюдце в левой руке, а правой подносил ко рту чашку. Но Олег решил не рисковать и не заморачиваться, вместе с губернатором прихлёбывал чай и возвращал чашку в стоящее на столе блюдце...

Наконец, утомительный завтрак завершился.

В президентский дворец они выехали сразу после полудня. Погода наладилась, от утреннего дождя не осталось и следа, и из-за облаков то и дело выглядывало яркое солнце. «Долго ехать? – спросил Олег у знакомого уже водителя. Усевшись рядом с ним, он снова приготовился снимать улицы. Туев откинулся на заднем сиденье.

- Десять минут, – весело ответил Степан Иванович. – Домчим быстро!

Он вёл машину, ловко лавируя в суете варшавских автострад. Улица Бельведерска сменилась Уяздовскими аллеями. Справа – Олег не отрываясь от видоискателя – тянулся огромный лесной массив. «Парк Лазенки, – пояснил водитель. – Тут, у озера, памятник Шопену. Композитор у них, знаешь? – он коротко глянул на Олега.

- А то! – ухмыльнулся Иванов.

- Немцы в сороковом году этого Шопена взорвали на кусочки! А поляки его снова восстановили. Вот! – порадовался он за поляков.

Осталась позади широкая «развязка» с автострадой имени Армии Людовой.

- Не гони так, Степан Иванович! – взмолился Олег, оторвавшись от видоискателя. – Мелькает всё...

Водитель снизил скорость.

- Посольство Штатов, – кивнул он налево. Олег увидел большой бетонный куб с крупными квадратами окон. Зато впечатлил красивый дворец напротив.

- А здесь площадь Трёх Крестов... Её считают центральным перекрестком Варшавы, – машина медленно огибала храм в стиле классицизма с широким полукругом купола. – Этот костёл поставили в память нашего Александра Первого. Он тут побывал с визитом.

- А почему три креста? – поинтересовался Туев.

- Тут стоят две колонны с крестами и ещё памятник какому-то маршалу с крестом в руках, - ответил Степан Иванович Туеву. – А ещё здесь статуя Яна есть, они считают его покровителем дорог и мостов.

Улица, по которой они двигались, вроде бы была той же самой, но название её сменилось на Новый Свят.

- Сейчас по проспекту Краковское предместье поедem в сторону Старого Города, сплошь пойдут костёлы и замки, - снова подал голос водитель. – Вон дворец Замоиских, а справа памятник Копернику...

Бронзовый учёный сидел на камне в центре постамента на небольшой площади.

– Дальше, смотри, слева костёл Святого креста. А вон костёл Визитанок. Сюда на службу ходят профессора из Варшавского университета, - доверительно сообщил Иван Степанович. – Универ там за дворцами Уруских и Тышкевичей.

- Как, как? – не понял Олег. – Визитанок? Кто это?

- Ну, монашки, посещали больных, визиты им наносили, - водитель чуть притормозил у красивого трёхъярусного храма в стиле рококо со скульптурами на крыше второго яруса. У костела памятник. «Кардинал Вышинский», - снял Олег надпись на польском на постаменте.

- Прибыли, - пробурчал, наконец, Степан Иванович. – Вон, встречают нас.

К машине подскочил молодой человек в черном смокинге и с напomaженными волосами. Он открыл заднюю дверь, наклонился внутрь салона: «Господин Туев? Пройдёмте со мной», - произнёс он на чистом русском. «Ишь, какой лощёный!» – восхитился Олег, подхватил свою аппаратуру и устремился за ними.

Они вошли во двор президентского дворца. Его основное трёхэтажное здание дополняли с двух сторон двухэтажные пристройки, так что весь дворец казался большой буквой «П». В центре двора стоял памятник, надпись на его постаменте Олег не успел разобрать. Они едва поспевали за посыльным. По обеим сторонам парадных дверей, стояло по часовому в военной форме с карабинами и, казалось, они не обращали на гостей никакого внимания. Уже внутри у них лишь бегло проверили документы.

Вскоре гости оказались в длинном, узком проходном зале с голубыми стенами. «Присаживайтесь и ожидайте, - сопровождающий указал Туеву на два небольших высоких кресла, стоявших рядом вдоль стены возле небольшого круглого стола. - Президент сейчас выйдет». Пока губернатор поудобнее усаживался на кресло с округлой спинкой, на которой виднелся польский герб, обрамлённый «позолоченным» деревом, помощник цепко ухватил Иванова за локоть и отвёл на середину комнаты: «Снимать надо отсюда... Пять минут вам хватит?». Олег замялся с ответом. «Хорошо, плюс две минуты. Потом надо выйти. Я подам вам команду», - безапелляционно сказал он. И отошёл в угол помещения, сложив руки пониже живота.

Олег настроил и поставил перед собой на пол видеокамеру, запасной аккумулятор, приготовил фотоаппарат и осмотрелся. Антон сидел в напряжённой позе: спина прямая, руки на коленях. На столе перед ним стояли чашки для чая, накрытый махровой салфеткой чайник, фарфоровые вазочки с конфетами и печеньем, живыми цветами, пустые бокалы и стаканы с водой. Над головой висел огромный холст в богатой позолоченной раме с незнакомым Олегу историческим сюжетом. Картины были развешаны по обеим сторонам зала.

Молодой человек вдруг встрепенулся и громко объявил:

- Президент Польской Республики Александр Квасьневский!

Створки дальних дверей раскрылись, и в зал быстро вошёл коренастый мужчина среднего роста, лет сорока-сорока пяти, темно-русые волосы у висков тронуты сединой. На голубоглазom мужественного вида лице выделялся чуть крупноватый нос. Темно-синий костюм сидел на нём безукоризненно, светло-голубую рубашку выгодно оттенял синий, в узкую полосу галстук.

Президент и губернатор пожали друг другу руки и уселись за стол. Олег начал торопливо их фотографировать.

Они завели негромкую, и, судя по выражениям лиц, серьёзную беседу, разобрать смысл которой со своего места Олегу не удавалось. Но поскольку разговор шёл без переводчика, он догадался: президент русский язык знает. Тот налил Туеву чаю, губернатор только раз пригубил и отставил чашку...

Олег решил изменить ракурс: кадры, людей в креслах, сделанные с высоты его роста, ему не понравились. Под удивленным взглядом помощника он торопливо встал на колени, продолжая короткими «очередями» нажимать фотоспуск. Потом «переменил» технику: начал снимать на видео – общий план, крупный план, детали. Тут его похлопали по спине: помощник знаками показал на выход. Иванов поднял вверх указательный палец левой руки, прося дополнительную минуту, а сам не отрывался от видеоискателя. Он почувствовал, как цепкая рука потянула его к выходу, вскочил на ноги и, не отрываясь от продолжающей работать камеры, начал медленно пятиться к двери. «Я же предупреждал! – сердито прошипел ему на ухо лощёный. – Прощу, прекратите съёмку!» - и онемел, когда Олег развернул объектив ему в лицо.

- Шучу, - ухмыльнулся Иванов. – Можно на улицу выйти?

- Как пожелаешь... - пробормотал покрасневший помощник.

Олег вышел во двор. Часовые у парадного даже бровью не повели в его сторону, стояли, как вкопанные, крепко держа своё оружие. Олег крупно снял их застывшие лица, отошёл подальше и сделал ещё несколько общих кадров. Статуя, которую он сразу не успел рассмотреть, оказалась памятником князю Юзефу Понятовскому. Герой в доспехах древнеримского воина величаво восседал на бронзовом коне, указывая куда-то правой рукой с мечом. Над карнизом дворца расположилась цепочка скульптур, на

коньке крыши стоял высокий флагшток с государственным штандартом Польши.

Иванов всё это зафиксировал на свои камеры. Потом решил пройтись по улице. Движение по Краковскому предместью было не особенно интенсивным. Напротив президентского стоял двухэтажный дворец с ярко-красной кровлей. На него-то и указывал меч князя Юзефа.

Олег двинулся дальше по тротуару. Сразу за дворцом президента высился необычного вида собор в классицистическом стиле. На фасаде красовались колонны, второй ярус украшало большое венецианское окно. На крыше вместо купола стоял голубой шар со змеей и стоящим на ней сооружением в виде факела. Иванов обошёл вокруг объёмного храма, кое-как разобрал на мраморной доске слова, что сей костёл Вознесения Девы Марии и святого Иосифа.

Возле костёла на широкой каменной площадке, к которой со всех четырёх сторон вели ступени, помещался роскошный гранитный постамент. На нём – бронзовый человек, одетый в сюртук, со слегка поднятой длинноволосой головой, правая ладонь покоится на груди, у ног лежат ветви лавра и лира. На чугунной доске написано «Адаму Мицкевичу – Родаки 1898». Иванов несколько минут рассматривал польского поэта.

Потом решил вернуться назад, так как рандеву его шефа могло закончиться в любую минуту. Он снова продефилировал мимо дворца польского главы, на ходу снимая его на видео. Следующая за ним, судя по всему, была роскошная гостиница с башней в виде беседки на крыше. Он ускорил шаг, чтобы подойти поближе, но тут его слух резанул длинный гудок автомобиля. Олег увидел, как откуда-то вывернула их машина, из открытого окна ему махал Степан Иванович и показывал на президентский дворец. Оттуда к машине быстро шёл Туев, за ним семенил помощник с яркими пакетами в руках.

Степан Иванович выскочил из кабины и открыл перед губернатором заднюю дверцу. Подоспевший Олег по выражению лица Антона догадался, что тот недоволен прошедшей встречей.

Водитель с помощником укладывали пакеты в багажник. Иванов уселся на переднее место.

- Ни слово об угле! – с нескрываемой досадой сказал ему Туев.

- Да? – на всякий случай переспросил Олег. – Как же так!

- А вот так! И про НАТО поговорили, и про социализм. Испугался, видно, своей прессы... А ведь мы точно знаем, им нужен коксующийся уголь. Нужен! – с нажимом добавил губернатор. – А ему лишь бы лицо сохранить...

Тут олегова дверь распахнулась, и помощник положил ему на колени пакет, в котором лежала узкая длинная прямоугольная коробка белого цвета.

- Сувенир, - пробормотал лощёный. – От нашего президента.

Когда они отъехали, Олег заглянул в коробку. Там был изящный геодезический молоток с «головой» из белого металла на длинной деревянной ручке. «Что бы это значило?» - хмыкнул про себя Иванов.

А Туев тронул за плечо Степана Ивановича:

- Прокати нас, Иваныч, по Варшаве, покажи город...

- Запросто, - засветился тот от удовольствия. – Город – красавец!

И они поехали по красивым варшавским улицам. Водитель громко рассказывал о рыночной площади, ратуше с острым шпилем в Старом городе, о костёлах, памятниках и дворцах в стиле готики, Ренессанса, барокко, классицизма. Произносил особенные названия местных улиц и улочек, самым необычной, отметил занятый операторской работой Олег, была улица Козлов.

Из всех многочисленных мелькающих за окном интересных фасадов особенно запомнился грандиозный вид здорового здания Польской национальной оперы. Степан Иванович сообщил, что во время немецкой оккупации здание было разрушено, а после войны его восстановили и расширили до таких размеров, что сцена театра стала самой большой в мире.

- Представляете, Гитлер приказал полностью уничтожить Варшаву, всю эту красоту! – горячился шофёр. – Рассказывают, на четыре пятых город разрушили. Полностью стёрли и Старый город, и Королевский замок. Музеи вывезли в Германию, а что не смогли забрать, жгли. Представляете, сколько после войны пришлось восстанавливать?! Без помощи Союза никак не обошлось...

Вечер в посольстве прошёл спокойно. Алексей не появлялся, и Олег сразу после ужина завалился спать.

А утром следующего дня они выехали в Белхатов - город шахтёров на юго-запад Польши.

- В Лодзинское воеводство, - пояснил им Степан Иванович. – Ну, область, по-нашему. Полторы сотни километров.

Из Варшавы выбрались довольно быстро. На голубом небосводе не было ни облачка. Широкий ровный автобан действовал усыпляюще. Туев дремал на заднем сиденье. А Олег крутил головой, рассматривая мелькающие окрестности. За окном то и дело проплывали селения, границы убранных уже прямоугольников и квадратов полей, казалось, были расчерчены по линейке. Кое-где «тянул» за собой распаханную полосу трактор, напоминающий наш «белорус».

Аккуратные польские деревушки и городки часто подступали к самой дороге и даже «перебегали» на её противоположную сторону. Низенькие заборчики, полисадники у домов, возведённых на самый разный вкус и доход: есть на пару этажей с черепичной и даже железной кровлей, а часто видны совсем скромные домики, крытые едва ли не соломой, но все

обязательно с белыми стенами, всё это придавало поселениям впечатление чистоты и порядка. Олег поделился своими наблюдениями о польской провинции со Степаном Ивановичем.

- Так Европа же! – с гордостью ответил водитель. – Здесь одно правило: бедно, но чисто... Живут многие совсем небогато. Но чтобы жить достойно, много денег не нужно. Это только вопрос отношения к себе и своей земле. А они себя очень уважают, - философствовал Степан Иванович.

- Давно в посольстве работаете? – поддержал разговор Иванов.

- Давненько уже, - кивнул тот. – Леонид Вадимович у меня не первый. Польшу я вдоль и поперёк проехал.

...Вдалеке показались кварталы большого города.

- Подъезжаем, - сообщил водитель через плечо Туеву. – Вон там, в стороне, видите, трубы дымят? Тепловая станция.

Машина быстро проскочила по городским двух-трёх-четырёхэтажным улицам и «упёрлась» в огромные железные раздвижные ворота. Площадки слева и справа от ворот были плотно заставлены разноцветными «фиатами».

- Снова встречают, - кивнул Степан Иванович, когда из щели в воротах вышел человек в тёмно-синей униформе и склонился к водительскому окну. Они перекинулись непонятными Олегу словами, встречающий махнул рукой, и ворота плавно открылись.

Они въехали на территорию большого предприятия. Вдоль заасфальтированного проезда тянулись ангары цехов, в центре стояло административное здание из стекла и бетона, у входа в которое их поджидал... первый заместитель Туева Вениамин Петрович собственной персоной.

Из здания вышли ещё люди. Они здоровались и представлялись Туеву через переводчика.

- Кто это? – тихо спросил Олег Вениамина Петровича после того, как они обменялись крепким рукопожатием.

- Представители их Минэнерго и компании «Белхатув», - сообщил довольный встречей заместитель и повернулся к Туеву.

- А где наша делегация? – потянул его за рукав Иванов.

- В зале сидят, нас ждут...

В зале на втором этаже столы были выстроены квадратом, Олег узнавал лица сидящих за ними земляков: здесь были многие руководители-угольщики Сибирского региона. Они повскакивали с мест, радостно приветствуя губернатора...

Совещание длилось около часа, Олег снимал выступления хозяев, которые рассказывали об энергетической отрасли Польши, об угольной отрасли,

центр которой находится именно в Белхатуве. В нескольких километрах от города работает крупнейший в Европе буроугольный карьер, его продукцию сжигают здесь же, в котлах ТЭЦ «Белхатув». В Польше 90 процентов электроэнергии производятся на основе угля. А разведанные запасы каменного топлива в стране оценивают в десятки миллиардов тонн.

Но гостей больше интересовало польское горное машиностроение. Сначала они рассматривали буклеты и чертежи, слушали сообщения представителей машиностроительных компаний. Потом все гурьбой пошли в один из цехов, где хозяева организовали выставку техники.

Угольные генералы подолгу рассматривали современную технику для добычи угля, проходки горных выработок. Олегу особо запомнились огромные белоснежные секции добычных комплексов для разработки мощных, как в Сибири, подземных пластов. Каждая секция напоминала лежащую на боку букву «А» или большой утюг с гигантских размеров амортизатором внутри.

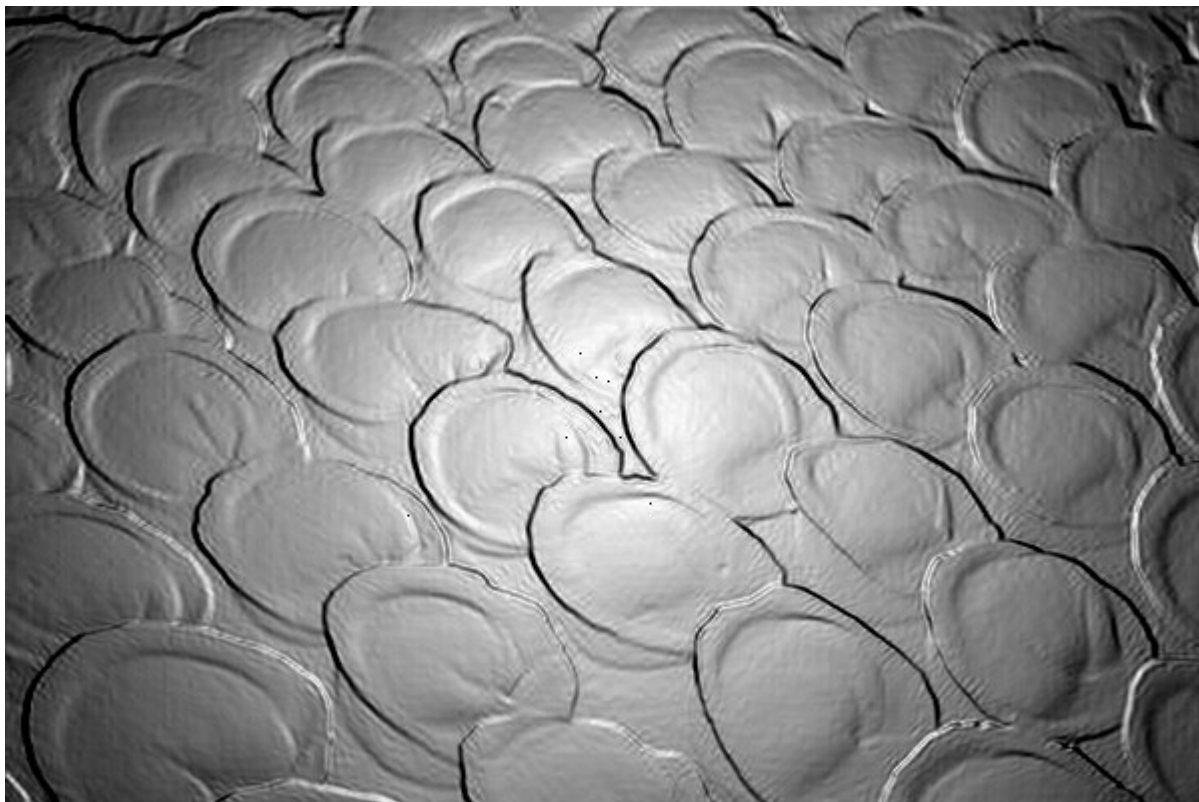
Под конец дня сибирскую делегацию повезли на разрез. Когда угольные генералы следом за губернатором вышли из автобуса на смотровую площадку, Олег видел, как у некоторых гостей от удивления открывались рты при виде рокошующего колосса, на металлической мачте которого вращалось исполинское колесо с множеством зубцов-ковшей, вгрызаясь в угольный пласт. Уголь из ковшей сыпался на бесконечную ленту транспортёра, уходящую в сторону двух дымящих труб электростанции, которая виднелась на горизонте.

- Роторный экскаватор, - объяснил Олегу Вениамин Петрович. – Грамотно устроено: ТЭЦ на борту разреза. Дешевле энергия только на гидростанциях бывает, - похвалил он поляков.

Был и большой обед, переходящий в ужин. Столы ломились от изобилия, а на правила столового этикета здесь почти не обращали внимания. Говорили много тостов о дружбе и шахтёрском товариществе. Олег взялся было снимать и это событие. Но его подозвал Туев и сказал: «Это снимать не надо. Садись, поешь спокойно...»

...В самолете Антон вначале дремал в своём кресле в бизнес-классе. А потом тоненькая стюардесса позвала Олега – в этот раз они сидели порознь – к шефу. «Бери бумагу и ручку, - сказал ему Антон. – Чего зря сидеть, пиши пресс-релиз о нашем визите. Начни так: «В Варшаве прошли переговоры между губернатором и президентом Польши...»

Меню от губернатора

- Мне не просто фотография на обложку нужна, понимаешь?! – фотокорреспондент еженедельного российского журнала «На огонёк» Лёва Шерстобитов терпеливо объяснял Олегу Иванову, пресс-секретарю губернатора Сибирского региона Антона Туева. – И тут ваш юбилей совершенно ни при чём. В этом номере и так будет рассказ об области. На «картинке» нужно что-то необычное, такое, чтобы у вашего губернатора было, а у других – не было!

Невысокий, плотный, лысоватый, Лёва энергично потрепал Олега по щеке и опрокинул в себя очередную порцию конька:

- Мне без оригинального снимка возвращаться не велено. Ведь это в новогодний номер нашего «Огонька». Короче, думай, Олег, предлагай сюжеты...

Они сидели в номере гостиницы в центре областной столицы, где вот уже третий день жил московский гость. О своём задании Лев предупредил Олега ещё недели за две до приезда: получил, дескать, такое вот важное задание – сделать оригинальное «человеческое» фото Туева на обложку новогоднего номера.

«Почему, именно, нашего шефа?» - уточнил Иванов. «Так ведь он один из самых популярных «губеров», мог бы и сам догадаться, - ответила трубка. – Так что я прилетаю, а вы пока вместе с Туевым сюжет для меня придумайте...»

Олег сообщил Антону Туеву о звонке из «Огонька». Как пресс-секретарь, он практически каждый день сообщал ему о материалах местной и центральной прессы, связанных с их регионом, согласовывал информацию о работе «главного по области», которую рассылала пресс-служба областной администрации для журналистов. И много ещё чего приходилось увязывать ежедневно в этой бесконечной круговерти жизни региона. В бесчисленные обязанности Иванова входила и организация встреч губернатора, подобная той, о которой просил Шерстобитов.

- Над темой для снимка тебе придётся подумать, - предупредил его Туев. – Я хорошо понимаю редакцию. Им хочется чего-то такого... Мне, кстати, тоже. Но пока не соображу, чего... Словом, встречай этого Льва, размещай. Меня подключите, когда договоритесь, и всё у вас будет готово. У меня, сам знаешь, времени мало.

Был конец 2003 года. Год завершался, как всегда, напряжённо. Все областные подразделения администрации, как сговорившись, писали многочисленные отчёты об итогах. На конец года приходились и сдача новых домов и торжественный пуск других новостроек. Готовили череду новогодних ёлок для детей. Нельзя было забывать и об экономике, особенно, о шахтёрах, которые в эти дни дружно рапортовали об успехах.

И все даже не просили, а требовали от Иванова, чтобы информация об их «событиях» обязательно попадала в выпуски теле- и радионовостей, на страницы газет. Поэтому пресс-служба «пахала» последние недели года уходящего как проклятая, ежедневно выпускала десятки пресс-релизов.

«Вы думаете, что первого января солнце уже не взойдёт?!» - ворчал Олег на руководителей департаментов, требовавших срочных публикаций о предновогодних делах своего ведомства. – Взойдёт, не сомневайтесь! И новости нам так же будут нужны...»

А тут ещё снимок в журнал! Он прикидывал его и так и этак. На словах выходило вроде бы интересно. Например, губернатор за рулём огромного БЕЛАЗа. А что? Регион – шахтёрский, уголь и породу на этих громадных самосвалах из разрезов вывозят. У кого ещё такое найдёшь!

Он пошёл с предложением к Туеву. Тот иронично глянул на Олега:

- Как ты себе это представляешь? Во-первых, чтобы такое снять, придётся полдня потратить. Пока мы на разрез приедем, пока самосвал освоим... И потом, я ведь грузовики водить не умею, это будет выглядеть искусственно и смешно. Думай...

Иванов снова перебирал и примеривал в голове варианты. Закладка первого камня на грандиозной стройке или открытие нового объекта... Нет. Было уже. Да и объектов что-то не предвидится, хотя угольщики обещают ввести в новом году пару обогатительных фабрик, очередной разрез и даже шахту.

На элитной ферме можно, среди коров и радостных доярок. «А на заднем плане элитный бригадир», - так и слышался ему в ответ язвительный голос шефа.

Спортивная тема с шефом на фото тоже уже была: он на фото и в теннис играл, и на лыжах катался, на снегоходе и водном скутере красовался. Второй раз такая тема «огоньковцам» вряд ли понравится. Уважающее себя издание любит во всём быть первым.

- Может, с детьми? Детсад или школа, новогодняя ёлка, Дед Мороз, Снегурочка и вы... Очень даже человечно, - расписывал Иванов Туеву очередную идею. – Уверен, читатель нормально воспримет...

- Дед Мороз под Новый год... Оригинально! – ехидничал в ответ Туев. – Таких фото, точно, ещё не было!

...А потом все остальные дела затмило предстоящее празднование 60-летия образования области. Дата приходилась на самый конец года. Туев поставил подчинённым задачу: широко отметить годовщину известного всему миру «угольного» субъекта Федерации.

Готовили большое торжество с награждением передовиков производства, науки и культуры. В городах готовили концерты московских звёзд. В дни праздника ожидалось многочисленные гости. Тут вам и председатель Государственной Думы, и министры путей сообщения, и труда и социального развития, и прочих ведомств, и главы соседних регионов. Приглашены уроженцы региона – летчики-космонавты, Герои Советского Союза. Должны приехать чрезвычайные и полномочные послы Азербайджана, Беларуси, Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана и другие многочисленные гости.

Суеты с размещением, организацией официальных приёмов было выше крыши. Всех гостей надо было отснять, «отписать», «выдать» в электронную и печатную прессу, не пропустив ни одной мало-мальски важной детали в интервью и комментариях. Пресс-служба работала без перерыва.

А ведь ещё ехали журналисты со всех концов: их внимание к непростому шахтёрскому региону всегда было большим. И каждого надо было аккредитовать, расселить, свести с нужными людьми...

В этой круговерти звонок из популярного журнала «подзабылся». Поэтому появление известного фотокорреспондента Льва Шерстобитова для Иванова в конце концов стало неожиданным. Он со своим специальным редакционным заданием, кофрами и сумками свалился на олегову голову так же неожиданно, как чёрт выскакивает из той самой табакерки, которую, кстати, никто никогда не видел.

- Привет! - сказал московский гость, рывком открывая дверь в кабинет Олега. – Шерстобитов, - протянул он руку слегка растерявшемуся пресс-секретарю. – Только не говори, что меня не ждали!

- Почему же, ждали, Лев Аркадьевич... Проходите, может, чаю?

- Лучше, коньяку, - хохотнул тот в ответ. – Холодно у вас в Сибири. Техника на морозе плохо работает. Поэтому, давай сразу договоримся, на улице снимать не будем. Ничего, что я на «ты»? Можешь звать меня просто Львом.

- Запросто, Лев, - расслабился Олег, правда, подумав при этом, кто их иной раз поймёт этих великих москвичей...

Он отвёз гостя в гостиницу, благо, номер забронировали заблаговременно. А перед этим ему удалось даже на несколько минут завести гостя в кабинет губернатора, представить Туеву. Высокий, темноволосый симпатяга Антон в вежливом поклоне пожал расплывшемуся в любезной улыбке Лёве руку, пообещал всяческую поддержку его идеям. «Но пока предложения мне не понравились», - откровенно сказал он маститому фотокору. – Так что вместе думайте. И не забывайте, время у меня ограничено».

И вот уже три дня они перебирали одну идею за другой. Олег приходил к гостиницу к Шерстобитову ближе к вечеру в надежде, что в голове опытного журналиста наконец-таки родился тот самый сюжет, от которого все и, прежде всего, Туев, будут в восторге. Пили принесённый Олегом коньяк, закусывали бутербродами из гостиничного буфета. И фантазировали: Туев – там, Туев – сям. На сто рядов «перебрали» и местные, и московские задумки.

Олег браковал лёвины предложения, Лев делал тоже самое с олеговыми.

В шахту губернатор не полезет. Это, считай, часа четыре займёт, если не больше. Да и «фотали» уже его не раз горняцкой спецовке. К станку тоже не встанет, это несерьёзно. Есть у него хобби – прогулки по лесу, сбор грибов. Но какие зимой грибы?!

- А может, в его кабинете его «покрутим», - снова принимался Лёва, раздумчиво откусывая от бутерброда с сёмгой. Он вспоминал о былых удачных фотосюжетах, когда в кабинет к вице-премьеру правительства удалось завести чудаковатую бабушку-просительницу. Такие дивные, «живые» снимки получились! «А одного нашего великого атлета я снимал в кресле стоматолога. Это была настоящая удача! Представляешь, ничего человек в жизни не боялся, а бормашины испугался. Я тогда такую серию отснял: испуг в глазах этого крутого парня перед белым халатом. Международную премию получил!»

- Есть и для Туева своя тема, только найти её надо, - чесал свою лысину Лев. – Может, он на гармошке играет или на гитаре? На пианино тоже хорошо...

- Да на какой гармошке, - отмахивался Олег.

- Очень хорошо получается снимать дома, в семье, - не унимался Шерстобитов. – Пусть пригласит меня в гости.

- Не получится, - вздыхал Иванов. – Для него дом – святое, его крепость. Никто туда не вхож, так что, извини.

- Ладно, - решил, наконец, Олег. – Приходи завтра ко мне на работу. Попробую его на кабинет уговорить. А то, боюсь, придётся тебе уехать ни с чем.

- Да такого ещё не бывало! Я лучше застрелюсь! – подпрыгнул на стуле в момент рассвирепевший Лёва.

- Ладно, ладно, всё у тебя получится, - примирительно говорил Олег, разливая по стаканам янтарный напиток...

Но из «кабинетного» варианта тоже ничего не получилось. Вместо одного дня Шерстобитов провёл у Иванова в кабинете два дня, ожидая, что Туев выделит ему время для съёмок. Увы.

- Ты скажи ему, пусть он мне всего полчаса даст. Я к нему зайду, осмотрюсь и обязательно что-нибудь этакое придумаю, - кипятился Лев, когда Олег входил к себе с очередного заседания и отрицательно мотал головой в ответ на немой вопрос Шерстобитова.

Но, время шло, а «рандеву» с губернатором всё откладывалось – по причине великой его загруженности бумагами, бесконечными совещаниями, встречами чередой приезжающих на юбилей области гостей.

У знаменитого фотокора командировка завершалась, и он вдруг очень запереживал, что в этот раз не сможет выполнить задание редакции. Олег в очередной раз доложил об этом Туеву. И тот принял решение: завтра он будет на юбилейном торжестве, а на следующий день отложит все дела – будет сниматься для журнала.

Олег принёс эту новость Шерстобитову вместе с пригласительным билетом на празднование...

Наконец, в областной филармонии провели собрание «юбилейное» собрание. Губернатор с докладом выступил, наградил известных земляков. Были и большой концерт, и большой ужин для гостей. Олег со Львом тоже сидели за праздничным столом, где московский гость с видимым удовольствием отдавал должное искусству поваров. Но на его массивном лбу время от времени возникала озабоченная складка, и тогда Олег, отвлекая его, подавал очередную закуску или предлагал тост: «Поверь, Лев, завтра всё будет. А сегодня – давай расслабимся».

- Снимать будем в гостинице при администрации, - объяснял Иванов на прощание. – Мы её «теремком» зовём, для особых гостей. Там есть всё, чтобы с твоей подготовкой и опытом сюжет придумать, - подкинул Олег Шерстобитову «леща» и начал откланиваться.

- Погоди, - Шерстобитов ухватил его за рукав. - А вот, к примеру, что любит есть за новогодним столом губернатор? Ну, когда дома, по-семейному...

- Пельмени любит, - не раздумывал Иванов. – Он же сибиряк!

...На следующий день в условленный час Олег встретил гостя в «теремке». Вид у Льва был не очень: лицо мятое, под глазами круги

- Ни хрена не спал, думал, - вместо приветствия сообщил Шерстобитов. – И придумал! - повысил он голос. - Туев будет стряпать пельмени к новому столу!

- Хм, - хмыкнул Иванов. - В этом что-то есть...

Правда, он понимал, что предстоит убедить самого Туева, чтобы тот согласился подыграть. А сделать это не всегда просто...

Олег хорошо знал, обещания – не пожалеет времени на съёмку, могут и не сбыться: иной раз за ночь в регионе появлялись такие проблемы, что губернатор себе просто не принадлежал. Хотя сегодня утром из «первой» приёмной Иванову сообщили: никаких ЧП за прошедшую ночь не было, но возле кабинета шефа, как обычно, толпятся желающие попасть с неотложными вопросами.

Поэтому Олег знал, времени у Шерстобитова в обрез. И надо поторапливаться.

Для начала они с Лёвой втолковали суть предстоящего действия работникам гостиницы. Там долго не понимали: как это Туев будет лепить пельмени?! С какой стати?! Не выдумывайте ерунды!

Особенно усердствовала буфетчица Люба, которая «правила бал» на небольшой гостиничной кухне, оборудованной по последнему слову. И лишь когда Олег «с нажимом» намекнул, что за срыв ответственного задания придётся отвечать, дело закипело.

В центр кухни поставили стол – место для производства пельменей, застелили его светлой, в мелкий цветочек, скатертью, быстро замесили тесто, наvertели фарш...

Едва успели – раздался звонок из «первой» приёмной: «Сам» выдвинулся в вашу сторону, встречайте.

Через пять минут Антон уже был на кухне, зашёл, осмотрелся и наотрез начал отказываться:

- Олег, я же просил подумать над сюжетом. А тут?! К чему этот спектакль! Давайте просто сфотографируемся.

Но Иванов с фотокором уже настолько «срослись» с сюжетом, мысленно прочувствовали и «увидели» его, что Олег отважно принялся убеждать губернатора, что снимок будет на славу – необычным, интересным, оригинальным.

- Ни у кого таких не было, - с многозначительным видом вставил и Лёва. – Поверьте моему опыту, надо соглашаться...

После этой реплики Туев неожиданно сдался. «Только, - сказал, - пельмени лепить я не буду, давайте уже готовых возьмём...»

На том и порешили: послали гонца в магазин за пельменями, и чтобы они обязательно были ручной лепки. Пока решалась эта важная задача, они пили чай и беседовали.

Впрочем, Туев с Ивановым больше молчали. А покрасневший от важности и внимания начальства, Шерстобитов так и сыпал историями о своих творческих удачах с известными персонами.

Наконец, замороженные «изделия» доставили в «теремок», быстро выложили их рядками на разделочную доску на столе, усадили главного героя.

Лёва заставил его снять пиджак и галстук, закатать рукава тёмно-синей рубашки. Люба посыпала всё мукой, в муке вымазали руки шефа.

И Шерстобитов взялся за свои фотоаппараты. Их было три, снабженные солидной оптикой. Рядом с этой чудо техникой старенький Canon, который на всякий случай прихватил с собой Олег, смотрелся сиротливо. Лев хмуро глянул на него: не мешай!

- Я тихонько... Можно? – смущённо зашептал ему Иванов. - Я ведь помогал тебе всё организовать... Когда ещё такой кадр выпадет!

И тот махнул рукой: делай, что хочешь, но – тихо! И забыл про Олега.

Подставил себе стул. Один аппарат закрепил на штативе, два других повесил на шею. Снимал короткими «очередями». Громко руководил каждым движением Туева. Заставлял его улыбаться, глядя в объектив, или упирать напряженный взгляд на пельмень. Снова и снова нажимал на спуск. Менял аппарат, резко подсказывал со стула, подбегал к Туеву, что-то поправлял, примеривался и снова снимал.

Олег тоже изредка посматривал в окошечко своего видоискателя, тихо радуясь каждому кадру и с восхищением наблюдая за работой мастера.

Вдруг Лев, подскочив к губернатору, прочертил ему на лбу мучную полосу.

- Вы левую руку вот так поднимите, - попросил Туева. - Будто волосы тыльной стороной ладони поправляете или пот вытираете.

Туев покорно и молча выполнял его приказы.

- Вот! Хорошо! – чуть не в голос орал Шерстобитов. – Хорошо! Ещё раз! Ещё! А теперь, давайте, развернёмся...

- Нет, - неожиданно оборвал его Антон. – Хватит! Если ты такой опытный парень, как говоришь, нужный кадр у тебя уже должен получиться. Правильно?

Лев смотрел на него, разинув рот, однако кивнул в знак согласия.

- Люба, где тут руки помыть, - позвал Туев буфетчицу.

А когда та забежала на кухню, добавил:

- Возьми сразу мои вещи, чтобы не возвращаться. А ребята пусть останутся, накорми их как следует, налей хорошей водки.

Он повернулся к Лёве:

- Спасибо за идею. Надеюсь, журнал пришлёте?

- Ага, - кивнул Шерстобитов. – И вам удачи...

- Солянку будете? – спросила Люба Лёву. – На второе могу предложить ростбиф.

- Нет, - ответил московский гость. – На второе хочу губернаторских пельменей!

Люба налила им водки «Губернатор» из высокой фирменной бутылки с позолоченной этикеткой. «Такую только у нас делают», - подмигнула она Шерстобитову.

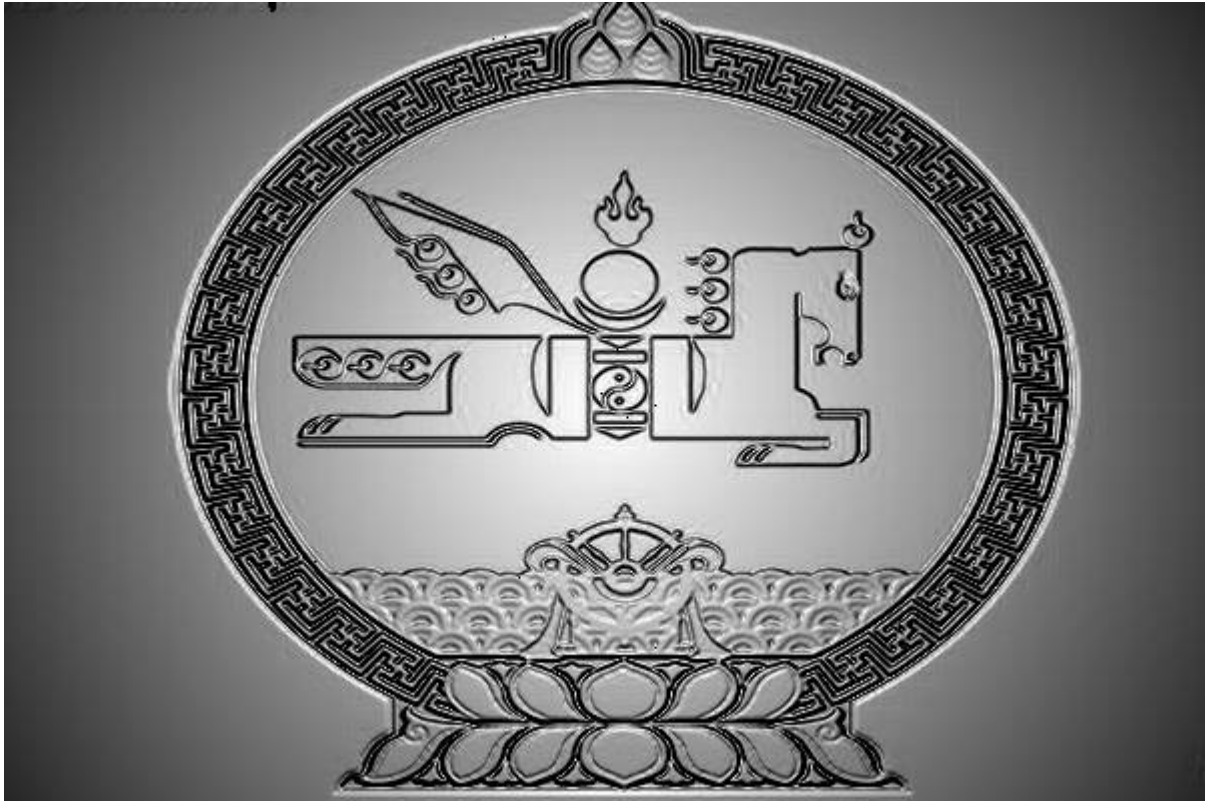
- Мягкая, - согласился он, выпив рюмку под солянку. А на столе уже стояло блюдо с горкой горячих пельменей.

- С наступающим тебя, Лев! – поднял тост Олег.

Они снова выпили и поддели на вилки любимую новогоднюю закуску губернатора.

- Считай, этот снимок я вместе с вашим губернатором «состряпал», - радостно хохотнул Шерстобитов и попросил налить по третьей...

В стране свободных людей

Мощный джип, натужно рыча мотором, медленно полз вверх по крутому горному бездорожью. Пассажиры, судорожно вцепившись в дверные ручки и подлокотники, напряженно всматривались в маячивший где-то далеко вверху горы голубой краешек неба, и старались не дышать, будто этим надеялись помочь машине достичь вершины. На очередной кочке всех подбрасывало вверх или вбок, женщины приглушённо повизгивали, мужчины крепче стискивали зубы, а водитель и хозяин машины Александр, прочно вцепившийся в руль, повторял лишь одно: «Спокойно! Скоро доберемся до места...»

За окном проплывали стволы сосен и берёз, зелёные кустарники, огромные валуны и каменные обломки. Вылетающие из-под пробуксовывающих колёс, камешки звонко щёлкали по днищу автомобиля. Александр плавными рывками объезжал небольшие курумы: россыпи гранитных глыб, – и деревья. А небольшие кусты джип просто подминал под себя. И упрямо поднимался всё выше и выше.

- Не бойтесь, машина – зверь! Мы с ней тёзки, - не оборачиваясь, бросил спутникам Александр. – Скоро уже... - он старался разрядить напряжение.

- Как так тёзки, Саша? – подал со своего заднего сиденья голос Олег Иванов.

- Этого южнокорейского красавца зовут Санг Йонг или, по-нашему, Саня, - водитель внимательно вглядывался в бездорожье горного склона.

- Я надеюсь, он не заглохнет! – заволновалась сидящая рядом с шофёром Тамара, когда двигатель чуть сменил натужную тональность.

- Никогда! Просто мы приехали, - джип выехал на почти ровную площадку плоской горной макушки.

Александр заглушил мотор и первым вышел из машины. За ним на вершину ступили четверо пассажиров.

Здесь, наверху тут и там высились стволы небольших берёз. Рядом с джипом возвышалась скала, причудливо ограненная дождями и ветром.

- Какая красота! – заохала впечатлительная Марина.

А Андрей, включил видеокамеру, которую всю дорогу держал на коленях, и молча начал снимать невероятные по бескрайней шири панорамы гор с белыми макушками, тёмно-зелёными далёкими лесами и малахитовой долиной с едва угадывающимся городом. Слева в узком распадке белели пятачки юрт туристического поселка, словно шляпки грибного семейства.

Перед ними лежала безбрежная Монголия.

...Их самолёт Ту-134 приземлился в аэропорту Улан-Батора около четырёх часов тёплого летнего дня 2000 года. Делегация Сибирского региона во главе с губернатором Антоном Туевым провела в полёте несколько часов и изрядно устала. Восемьдесят человек в тесноватом, далеко не новом самолёте, о чём красноречиво говорили многочисленные потёртости и даже дырки в обшивке салона, успела слегка выпить, закусить, громко пообщаться с соседями по креслам и даже подремать. «Мне кажется, наш самолётик от древности крыльям помахивает...», - толкнул острым локтем Олега в бок сосед Андрей, слегка подвыпивший оператор областной телекомпании.

- Не каркай! оборвал его Олег. – Долетим без проблем, ведь Туев с нами. Ему плохой самолёт не подсунут, на десять рядов перепроверят, - и он снова уткнулся в иллюминатор, разглядывая плывущие внизу безжизненные горные хребты, блистающие шапками ледников, которые изредка рассекали русла рек замысловатыми изгибами.

Международный аэропорт Улан-Батора встретил их лайнер ярким летним солнцем, пустыми стоянками для самолётов и серьёзными смуглыми лицами местного персонала. Пограничник долго рассматривал паспорт Олега, сверяя его лицо с фотографией. Наконец с размаху приложил к документу печать и вернул владельцу.

Для Туева к трапу подогнали небольшой автобус «Мерседес». Иванов видел в окно, как губернатор наскоро обнялся с встречающими и укатил. В распоряжении остальной части делегации оказались три больших экскурсионных автобуса. Олег с коллегами по журналистскому цеху сел в средний. Остальные члены их делегации: мэры сибирских городов, директора угольных карьеров и крупных промышленных предприятий, депутаты и чиновники разных мастей, – расселись по местам, и автобусы

двинулись в путь. Когда выезжали с территории аэропорта, Олег заметил на углу аэровокзала знакомую фигуру Александра Альтмана, тот стоял, опершись на капот своего любимого джипа и энергично махал руками.

- Стой! – закричал Иванов водителю. – Тормози!

Водитель, испуганно сверкнув раскосыми глазами, резко вдавил в пол педаль тормоза.

- Тамара, Марина, Андрей, - позвал Олег, - выходим! Нас встречают на персональном авто.

Подхватив сумку и пластиковый пакет, он выскочил из автобуса и бросился к Александру:

- Привет, старина! Не нас ли поджидаешь?

Альтман расплылся в улыбке и, широко раскинув руки, шагнул навстречу Иванову:

- Земляки! Как же я рад вас видеть! – они крепко обнялись.

Оба среднего роста и примерно одного возраста, только Олег – стройнее, Александр – коренастый, круглолицый. У светлоглазого Иванова густая русая причёска, а блестящую на солнце лысину Альтмана тёмные волосы украшали лишь с боков. Его сливового цвета умные глаза прикрывали большие модные очки в тонкой металлической оправе. Чёрная кожаная куртка, узкие джинсы, светлые кроссовки довершали образ собственного корреспондента Российского информационного агентства «Новости» в Монголии.

Олег приехал в эту экзотическую страну уже во второй раз. С Альтманом они сошлись ещё в первую поездку – год назад. Благодаря Александру, Иванов узнал много интересного об этой необычной республике. А Альтман с помощью Олега встречался с губернатором Туевым. В результате на ленте «Новостей» вышла целая серия материалов о том, как Сибирский регион активно сотрудничает с южным соседом. Публикации были хорошо встречены политическим истеблишментом и в России, и в Монголии. За эту работу Саша стал лауреатом какого-то монгольского конкурса.

Альтман выручал земляков своей машиной и в свободные вечера возил и показывал им интересные места.

- Кого ты на этот раз взял с собой? – Альтман с интересом разглядывал спутников Олега.

- Это – Тамара Алова, директор нашего Сибирского гостелерадио, - Тамара протянула Альтману узкую крепкую руку.

- Марина Александрина, корреспондент, - Марина сделала лёгкий книксен. – А это – Андрей Дементьев, оператор.

- Андрей, - повторил тот и показал, что руки у него заняты сумкой и видеокамерой.

- Чего стоим, команда Иванова?! – Александр пошел открывать багажник. – Усаживайтесь быстрее...

От аэропорта до столицы было километров двадцать. Александр быстро догнал и обогнал автобусы с делегацией. Он ловко объезжал многочисленные ямы и ухабы монгольского шоссе, не переставая расспрашивать гостей о жизни на родине.

- Да! – внезапно вспомнил Олег. – Заболтал ты меня, я и забыл про сувениры, - он обернулся назад. - Андрей, дотянись-ка, достань там из багажника мой пакет, – оператор передал Марине поддержать камеру, встал коленями на сиденье и вытянул из горки сумок в багажнике блестящий пакет, скрепленный по верхнему краю пластиковыми кнопками.

Олег принял его и рывком раскрыл. Салон машины наполнился ароматом свежескопченной колбасы. Александр шумно втянул в себя воздух:

- Что это, старик? – не поворачивая головы, спросил Альтман.

- Сухая, твердого копчения, салями. Наш продукт. Тут несколько палок.

- Вау! – искренне обрадовался Альтман. – Спасибо! Как мне надоела местная еда...

- Ещё две мягкие игрушки – детям. И фотоальбом о нашей области. Чтобы ты знал, с кем имеешь дело...

Они выехали на край широченной долины, и, окружённый холмами и горами, светлый город раскинулся перед ними во всей своей красе. Ряды пятиэтажек «а-ля хрущёвки», разбавленные девяти- и двенадцатиэтажными жилыми домами так называемой «97-й серии» с улучшенной планировкой квартир, издали выстраивались в панораму точь в точь как во многих больших российских городах.

- Если бы не знать, что мы в Монголии, подумал бы, что мы в России! – подал голос Андрей. – Похож на наш город, даже телевышка как у нас.

- А что вы хотели, ребятки? – усмехнулся Александр. – Его советские строители с двадцатых годов строили. Союз в Монголию столько денег «вбухал». Если бы не СССР, они, может, и сегодня в юртах бы жили. Я же тебе рассказывал, Олег...

- Помню, - кивнул Иванов. – Теперь они тоже демократии хотят...

- Все туда хотят, - согласился Альтман. – Хотя, вон тот район, - он показал на город, - до сих пор называется Брежневским.

По дороге в отель они проехали через пригород из бесчисленного числа прилепившихся вплотную к друг другу юрт, сараев, строительных вагончиков, деревянных и каменных домишек, крытых разноцветными крышами. По мосту, украшенному четырьмя сооружениями, напоминающими пантеоны, пересекли небольшую реку.

- Река Туул или Тола, - рассказывал спутникам Альтман. – Рыбная. А помнишь, Олег, местные не ловят и не едят рыбу?

Ещё в первый приезд Иванов узнал, что здесь рыбу не едят по религиозным соображениям, от пожилого аборигена он услышал тогда чудную легенду, что Мать-Рыба является прародительницей монгольских племён, которые поверили в божество Будду.

- Рыбы у них нарисованы и на государственном флаге, - Александр сунул руку в бардачок и выдернул из него открытку с монгольским флагом. – Видите? – он передал открытку сидящим сзади пассажирам. – Тут говорят: это – рыбы, никогда не смыкающие глаз, это – символ бдительности монгольского народа. Хотя, - засмеялся Альтман, - местная молодёжь в Будду и Рыбу-Мать не верит. И ловит её, и ест потихоньку. Рыбы в местных реках видимо-невидимо! Хотите, на рыбалку вас свожу?

- Нет-нет, - откликнулась Тамара. – Мы работать приехали. Освещать визит губернатора и делегации...

- Да, боюсь, не до рыбалки нам, - поддержал её Олег.

Тем временем они подъехали к гостинице «Баянгол» - почти в самом центре столицы. Иванову она понравилась ещё в прошлый раз: просторные номера, а, главное, все официальные учреждения, как говорится, «в шаговой доступности».

Альтман попрощался с гостями – на сегодня у сибирской делегации официальных мероприятий не было.

- Спасибо, что подбросил, - протянул ему руку Олег.

- Спасибом не отделаешься, - Александр не отпускал его ладонь. – Мне нужна встреча с Туевым для интервью моей конторе. Только без посторонней прессы! Эксклюзивчик, так сказать. Так я могу рассчитывать?

- Думаю, можешь, - кивнул Иванов, и они расстались.

...Их расселили на восьмом этаже второго – двенадцатизэтажного – корпуса отеля. Из окна номера Иванова был виден большой «кусок» забитой автотранспортом широкой улицы, площадь.

Рядом с «Баянголом», уже знал по прошлым приездам Иванов, находятся центральная площадь имени Сухэ-Батора с мавзолеем героя монгольской революции и огромным памятником Красному коннику, Дворец правительства, главпочтамт, банки, исторический музей. Недалеко – так называемый дипломатический район. В общем, место прекрасное. И до магазинов, развлекательных центров, ресторанов и кафе рукой подать.

Олег быстро переоделся. Убрал в шкаф официальный пиджак и галстук, там же развешал чистые рубашки, наглаженные ещё дома женой, умылся в ослепляющей чистотой и блеском кафелем ванной, одел светлую футболку, джинсы, лёгкую куртку, кроссовки. И спустился в фойе, к стойке администратора гостиницы, где договорился встретиться с коллегами, чтобы где-нибудь перекусить и выпить кофе.

Журналистской команды здесь ещё не было, зато громко гомонили сибирские артисты из ансамбля «Казачок» и известный в их городе эстрадный дуэт певцов Лёши и Даши Большовых.

- Привет! – тут же подошёл к Иванову Лёша. – Мы в кафе собрались, Бекова ждём. Айда с нами!

Как по мановению волшебной палочки из лифта к ресепшену энергично шагнул Виктор Иванович Беков, начальник комитета по культуре администрации Сибирской области. Это был высокий, крупный мужчина с красивым русским лицом, в тщательно выглаженном, подогнанном по фигуре костюме. Свои длинные светлые волосы он зачёсывал назад, а небольшая бородка клинышком и аккуратные усы добавляли его улыбчивому лицу необходимого авторитета. В правой руке – неизменный дорогой портфель.

Артисты любили своего начальника, обступили, трогали его за руки, наперебой задавали вопросы, девушки заглядывали в глаза, парни приветливо покашливали в ладони.

- Стоп, стоп! – остановил он этот галдёж. – Сейчас пойдём...

- Олег! – позвал он Иванова. – Ты с нами?

- Не знаю, - пожал тот плечами. – Мы ещё не определились.

- А чего тут определяться. Мы идём в «Сеул», помнишь это место? В прошлый раз там были. Подходите, будем ждать! - И шумная толпа торопливо выкатилась на улицу.

Олег и подошедший Андрей ждали своих спутниц ещё минут двадцать. Наконец красивые и возбуждённые, в фойе появились Тамара и Марина. «Ну, повелевай, - командным голосом предложила Тамара. - Ты тут всё знаешь».

- Беков своих артистов в «Сеул» повёл. Звал нас присоединиться. Пойдём? – Олег посмотрел на дам. – В прошлый раз мы там были, по обстановке напоминает совковое заведение, по меню – острое, вкусное и, вроде бы, не очень дорого...

- Веди нас, Олег, мы согласны, - дурашливо потупилась Марина.

На улице самым сложным оказалось перейти через автомагистраль. День повернул на вечер – время здесь идёт на час впереди, чем в Сибири – и дорога была плотно забита машинами. Какого только транспорта здесь не было! В этом поистине «броуновском» движении, не соблюдающим никаких правил, кружились японские джипы, особенно много – белых «Лэнд Крузеров». Впрочем, ехало немало и других авто самых разных моделей и модификаций. Шустрили разноцветные корейские машины, чёрные «Мерседесы» двигались вальяжно и неторопливо, призывно пикиая клаксонами. Изредка мелькали «Волги», в основном ГАЗ-24. И даже «Уазики» с брезентовым верхом были замечены, хотя скромно прижимались поближе к тротуарам.

- Светофоры здесь только для формальности висят, - со знанием дела сообщил спутникам Олег. – Поэтому делаем лица тятками и переходим через дорогу, - Иванов подхватил Алову под локоть и увлёк за собой на проезжую часть. – Не отставайте! – крикнул он Марине и Андрею

Он вскинул руку в предупреждающем жесте, и непрерывно текущий поток авто, действительно, начал притормаживать, пропуская гостей столицы.

Круглое двухэтажное здание из красного кирпича Олег нашёл без труда. Отметил, что с прошлогодного посещения в «Сеуле» мало что изменилось – стены отделаны всё теми же старыми деревянными панелями, пол явно протирали лишь вчера, скатерти на столах можно было бы уже заменить. Зато в круглом зале было просторно, много воздуха.

Местных посетителей было мало, а за столами сидела уже добрая половина сибирской делегации. Правда, сидели сибиряки порознь: за разными столиками вели тихие, неспешные беседы знакомые угольщики, пара-тройка директоров промышленных предприятий. Их столы были уставлены закусками, графинами и гранёными лафитничками. И лишь у подопечных Бекова, которые сдвинули вместе столы и балаболили во всю ивановскую, с закусками и напитками было скромно.

- Идите к нам, - позвал прессу Беков.

- Нет, Олег, к нам давайте, - приподнялся из-за соседнего столика Владимир Ларин, генеральный директор объединения «Сибюзуголь». – Угощаем!

- Не, мужики, спасибо. Мы пока – сами. Может, потом, - Иванов пододвинул Тамаре стул к свободному столику. – Садимся...

Не успели они расположиться, как молодой, высокий, стройный и абориген в униформе уже раскладывал перед ними меню в фирменных папках из толстой кожи.

- С заказом не торопитесь, - предупредил Олег. – Сначала сделаем ценовой анализ...

Они выбрали по дешёвому корейскому салату. Олег предложил попробовать местный хлеб – булочки из дрожжевого теста, приготовленные на пару. В «Сеуле» их начиняли бараньим мясом и обжаривали во фритюре до золотистого цвета. «Вкуснятина!», - отрекомендовал блюдо Иванов.

- Маньтоу? – переспросил их улыбчивый официант с пластиковым бейджиком на груди, на котором русскими буквами напечатали имя «Бадма».

- Тебя зовут Бадма? – вопросом на вопрос ответил Олег. – По-русски понимаешь?

Бадма радостно закивал головой:

- Ага, русский понимаю, англиш понимаю, монгол понимаю...

- Бадма, маньтоу должны быть свежими и горячими.

- Салат я съем, а баранину не буду, - подал голос Андрей. - А что будем пить, товарищ начальник? Тут ресторан всё-таки, - и нервно потёр ладони.

- Есть водка «Архи», «Чингиз», - предложил официант, он взял у Иванова меню, открыл на нужной странице и снова подал Олегу.

Тот бегло глянул на цифры, которыми заканчивались короткие строчки, и заказал:

- Архи, двести грамм... - потом посмотрел на недовольно нахмурившегося Андрея. – Ладно, двести пятьдесят. Завтра работать.

- Я спиртное не пью, - объявила Тамара. – Мне соку принесите, пожалуйста, апельсинового.

- Я бы вина выпила. Какое вино пьют в Монголии? – спросила Марина у гарсона.

- Разные пьют, - ещё больше разулыбался тот. – Итальян, франсе, бела, красна, сладка, суха...

- Мне бокал сухого красного, - сказала Марина. – На ваше усмотрение, - она глянула на Тамару. – Немного ведь можно?

– Можно, - кивнула та.

Официант повторил их заказ и исчез. Олег принялся вспоминать, как в прошлый приезд сидели в «Сеуле» с Альтманом, угощались водкой «Архи», но не заводского, а кустарного производства: «Здесь её называют «хитрая вода», делают из козьего молока. И она молочного цвета».

- Бр-р, - поморщилась Тамара. - Какая гадость!

- Зря ты так... пили с удовольствием, - Олег даже глаза прикрыл, припоминая вкус местного напитка. – Пьянеешь незаметно. А сейчас заводской водки принесут. По крепости, как наша...

Они с Андреем выпили по первой, закусили острым салатом, и Олег почувствовал, что надо «помыть руки».

- Я на минутку, - он стремительно вышел из зала.

А когда вернулся, их столик исчез. Иванов растерянно оглянулся по сторонам.

- Мы здесь, Олег! - сквозь гул голосов услышал он Алову. – Иди к нам! - махала она рукой из противоположной части зала.

Пока он отсутствовал, их стол перенесли к столам артистов. Тамара сидела рядом с Бековым, а пустой стул с другой стороны от Виктора Ивановича предназначался Иванову.

- Садись, садись, - Беков пододвинул Олегу тарелку с аппетитным куском мяса и жареным картофелем и начал разливать по узким бокальчикам коньяк, если судить по этикетке, французский.

- Я не буду, - предупредила Тамара.

- А я, вроде, водку монгольскую пил, - напомнил Олег.
- Вон ваша водка – пусть её Андрей с моими пьёт... Давай, за встречу на монгольской земле! – Виктор Иванович поднял бокал. – Тамара, ты с нами? Та чокнулась с ними и вернула полный бокал на стол. А мужчины выпили и принялись с удовольствием жевать сочное, прожаренное мясо.
- Где-то был мой салатик? - спросил Иванов у уплетающей запечённую рыбу Тамары.
- Съели мои архаровцы, - ответил за неё Беков. – Ешь, что дают.

В ресторане заиграла протяжная монгольская мелодия, извлекаемая как будто смычком из скрипки, к смычку прибавилось низкое «жужжание» горлового пения.

- Что загрустили? – Беков похлопал Олега по спине. – Давай ещё по коньячку...

На бейдже маленького, толстого официанта, который обслуживал Бекова, значилось имя Дэлгэр. Он почтительно склонился перед Виктором Ивановичем и спросил, пряча взгляд узких тёмных глаз:

- Скажите, пазалста, это Даша, певица? Мы её хорошо помним! Хорошо поёт!
- Видишь, запомнили! – хмыкнул довольный Беков. – Помнишь, как она тут пела? – спросил он Олега.
- Это она, Дэлгэр, - Виктор Иванович поправил галстук и, ухватив за рукав, остановил убегающего официанта. – погоди, братец, принеси нам ещё коньяку и... - он посмотрел на Тамару, Олега. – Что ещё будете кушать, ребята?

Иванов и Алова пожали плечами, но не отказались от предложения.

- А что у вас есть вкусного? – спросил Олег толстого официанта.
- Всё вкусна! – приосанился тот. - Цуйван есть – это мясо с капустой. Бузы хатишь?
- Что такое бузы? – Иванов посмотрел на парня.
- Пель... - пытался выговорить тот. – Балшой пельмен... мантуун...
- Манты? – поняла Тамара. – Хочу!
- С баран или як?

Когда Дэлгэр умчался на кухню, Олег спросил у Бекова:

- Виктор Иванович, как рассчитываться будем? На командировочные не потянем.
- Не бойсь, - Беков по-отечески похлопал его по спине. – Ешь на здоровье, - он вытащил внутреннего кармана пиджака довольно пухлую пачку купюр с

изображением Чингисхана. – Вот, - он похлопал деньгами по столу. – Тугрики, - и убрал их в карман. - Спонсорские...

Пока они ели манты и пили коньяк, администратор заведения уговорил семейный дуэт Большовых исполнить что-нибудь для гостей «Сеула», которых в зале значительно прибавилось. Монгольские мотивы смолкли.

Дашу с Лёшей долго уговаривать не пришлось, они вышли на невысокий подиум эстрады. Лёша стал копаться во внутренностях музыкальной аппаратуры, Даша отрегулировала тонкую стойку, закрепила на ней микрофон и постучала ногтем по его металлической решётке. Микрофон отозвался глухими щелчками.

Высокая, стройная блондинка Даша в коротком тёмном платье, едва прикрывающем её стройные загорелые бёдра, в золотистых туфельках на высоких каблуках эффектно смотрелась на фоне черноволосого, коренастого, на полголовы ниже своей спутницы Лёши, на котором просторная цветастая рубашка и клетчатые брюки смотрелись немного нелепо.

Наконец, Большов разобрался в хитростях техники, достал из кармана компактную магнитную кассету, вставил внутрь магнитофона, нажал кнопки, и по залу разнеслись первые аккорды «Подмосковных вечеров».

- Не слышны в саду даже шорохи, - красиво вывела Даша.

- Всё здесь замерло до утра, – подхватил тенором Лёша.

- Если б знали вы, как нам дороги, - пели они на два голоса.

К ним присоединился весь зал: «Па-а-дма-а-ско-о-вные вечера-а», - распевали гости ресторана.

Пели взбодренные коньяком директора предприятий, пели сибирские артисты. Вдохновенно подпевали монгольские посетители. Олег видел, что песня хорошо знакома местным жителям, его распирало от гордости, и он тоже громко и тщательно выводил знакомые с детства слова.

После Даша спела «Песенку о медведях». Вдвоём с мужем исполнила «Свадебные цветы», «Позови меня с собой», «Две звезды»... Лёша спел «Маргариту» и что-то ещё. Словом, получился настоящий концерт. Потом Лёша поставил записанные на кассету песни их дуэта и пригласил жену на танец.

Все, кто мог, повскакали со своих мест и танцевали без остановки, пары то соединялись для медленного танго, то живо распадались, ускоряясь под быстрый мотив.

Виктор Иванович пригласил Тамару. Марина пригласила Олега, его хватило лишь на один тур – ну, не любил он танцевать...

Время пролетало незаметно и неумолимо приближалось к местной полуночи. Беков с Ивановым приканчивали вторую бутылку коньяка, закусывая очередным блюдом.

- Больше не могу! – Алова решительно отложила нож с вилкой. – До отвала накормили, Виктор Иванович, спасибо!

- Поешь ещё, Та-тамара, - заплетающимся языком вымолвил Беков. Лицо его светилось довольной улыбкой.

Столы артистов были пусты – закуски съедены, и служители муз Терпсихоры и Эвтерпы допивали водку «на сухую», директорат вальяжно беседовал, сыто икая, местные посетители уже удалились.

«Пора, уходим», - одними губами беззвучно прошептал Олег Тамаре. Та понимающе кивнула, а вслух сказала:

- Сходи, Олег, руки помой, а я посмотрю, как там Марина с Андреем.

Они ушли из ресторана по-английски, не прощаясь. Иванову пришлось взять под руку слегка перебравшего оператора, благо, до гостиницы было недалеко.

- Завтра приём у президента, - напомнил Олег на прощание. – Не проспите...

Президент Монголии Нацагийн Багабанди рост имел ниже среднего, был худощав и на фоне высокого Туева выглядел как подросток. Особенно непропорционально они выглядели со спины – именно с этой точки их рассматривали Олег и остальные члены сибирской делегации, расположившиеся вдоль стены церемониального зала Государственного Дворца или Дома правительства, как называли его местные.

С этого монументального четырёхэтажного бетонно-гранитного «квадрата» и начиналась площадь Сухэ-Батора. Перед дворцом стоял мавзолей с останками монгольских лидеров – Сухэ и Чойболсана. Усыпальница была уменьшенной копией той, что стоит на Красной площади в Москве. И по предыдущему приезду Олег знал, что сие заведение, в отличие от московского, закрыто для желающих. Вместе с Альтманом в прошлую встречу они хотели нарушить это правило, но все их уговоры и переговоры с местной администрацией окончились ничем: ни на монгольского главкома, ни на Красного Богатыря им взглянуть не разрешили. «Сколько лет здесь живу – не пускают!» - возмущался Александр, глядя на безразличные монгольские лица...

В ожидании начала кузбасская делегация разбрелась по бесконечным коридорам Дома правительства. Для Олега и его спутников экскурсию проводил Альтман. В центре огромного белого холла второго этажа они поглазели на непривычные круглые знамёна Чингисхана из конских хвостов. Потом долго рассматривали необычную картину – высотой метра полтора, а длинной все двадцать метров. Андрей расчехлил камеру и снимал экскурсию на видео.

- Тут вся история Монголии – от Чингиза до наших дней! - показывал Альтман на изображенные на светлом фоне картины многочисленные фигурки крохотных вооружённых и безоружных всадников, на юрты, собак,

костры и гурты скота. - Художник в одном полотне соединил 108 событий из истории страны. Если внимательно взглянуть, увидите знакомые лица...

Впрочем, сколько Иванов не вглядывался, знакомых на полотне не обнаружил.

- Это здание в 51-м построили наши архитекторы. Его площадь под сорок тысяч квадратов, - Александр бесцеремонно заглядывал за высокие деревянные двери, которые вели в многочисленные залы: громадный зал – для Великого хурала, поменьше – для Конституционного суда, кабинета министров, залы нормальной величины – для переговоров, встреч и приёмов иностранных делегаций. – Раньше на этом месте был монастырь 17 века.

- А монастырь куда дели? – спросила Марина.

- Известно куда, - усмехнулся Альтман. – Монгольские марксисты снесли без остатка.

... Нацагийн Багабанди вышел к сибирякам за несколько минут до полудня. На его худощавом, суровом лице выделялись тонкие усы и брови вразлёт. Тёмный костюм сидел на президенте, точно влитой. Туев отделился от группы директоров, с которыми общался, и, широко улыбаясь, шагнул ему навстречу. Антон тоже был одет с иголочки.

- Наш-то, пожалуй, посolidнее будет, - шепнул Иванов Тамаре, та подняла вверх большой палец.

Лидеры встретились в центре зала, сдержанно пожали друг другу руки и заговорили. Вернее, отметил Олег, говорил президент, а склонившийся к нему губернатор поддакивал, изредка вставляя слово.

- Как же он его понимает? – почесал затылок Иванов.

- Багабанди по-русски говорит не хуже тебя, - успокоил Альтман. – Он же советский инженер холодильных установок. Учился в Питерском техникуме холодильной промышленности, потом окончил пищевой институт в Одессе, академию при ЦК в Москве. Наш парень...

Ровно в двенадцать по улан-баторскому времени заиграл гимн России, потом прозвучал гимн Монголии. Местный чиновник в годах произнёс несколько фраз на монгольском, а миловидная молодая дама в строгом пиджачке и длинной юбке сообщила сибирякам, что начинается награждение. Она же переводила указ президента о награждении Туева орденом Полярной звезды. Награды губернатора удостоили за личный вклад в развитие торгово-экономических отношений между Сибирским регионом и Монголией.

Величественным жестом Багабанди прикрепил к груди Антона Туева большой шестиугольник из золотистого металла с изображением герба республики и скачущим всадником.

Зал зааплодировал, а Альтман громко зашептал на ухо Олегу:

- Они награждение всегда в полдень проводят, в «Час Коня». По их поверьям – это самое подходящее время для дорогих гостей.

Затем был обмен короткими речами. Иванов попросил Андрея записать ораторов. Туев коротко поблагодарил за высокую оценку его скромных заслуг. Как всегда говорил ярко, образно, с напором. «Чиста родниковая вода, прекрасен цвет розы, крепка сталь, - сказал Антон в заключение и окинул взглядом зал. - Но чище воды, прекраснее цветов, крепче стали – дружба наших народов!», - сибиряки громко захлопали, а Туев быстро отошёл от трибуны.

В каждом слове и жесте Багабанди сквозила величавость, он высоко держал подбородок, делал паузы, давая переводчице возможность донести до гостей смысл его слов. Республика высоко оценила вклад губернатора в развитие дружественных отношений. За последний год сотрудничество между Сибирским регионом и Монголией продвинулось вперед: предприятия активизировали прямые контакты, вырос объём торговли, развивают международные отношения в гуманитарных сферах. По мнению президента, в этом была заслуга Туева.

- Ты не забыл о моей просьбе? - отвлёк Олега от этого спича Альтман.

- Как всё закончится, - кивнул Иванов, - сразу подойдём к губернатору. – А ты о моей?

- Как только будет минута, - ответил Альтман, - продиктую информацию о вашем визите твоей пресс-службе.

...Президент покинул зал сразу, Туев задержался. Принимая поздравления от земляков, он весь светился от удовольствия, пожимая протянутые руки. Выбрав момент, Олег показал ему на Альтмана: «Поздоровайтесь, пожалуйста, с Александром!»

Увидев Альтмана, Антон расплылся в улыбке, приобнял репортёра:

- Рад тебя видеть! Как жизнь, Саша, как дела? Как семья?

Тот в ответ тоже расцвёл как монгольский лотос, полез обниматься:

- Я тоже рад! Всё нормально, семья в порядке, спасибо... Хочу напроситься на интервью. В прошлый раз у нас хорошо получилась. Я такую серию про вас выдал, что контора премию дала. Скажи, Олег! – Иванов поддакнул.

- Не вопрос, - Туев задумчиво почесал подбородок. – Рано утром сможешь?

- Да не вопрос, - будто передразнив, повторил Альтман. – Где и во сколько?

- А приезжай-ка завтра в резиденцию часиков в семь, прогуляемся и поговорим заодно... Найдёшь?

- А то! – вскинулся Альтман довольно. – Я тут за десять лет все места изучил.

...Олег и Александр приехали к месту, где размещался губернатор, без пяти семь утра. Туев уже поджидал их на асфальтовой дорожке резиденции «Их

Тэнгэр» или Большое небо. Трёхэтажный гостиничный комплекс, где разместили Туева с помощниками, расположился в заповеднике Маршальская падь в горах Богдо уул. Отсюда – с расстояния двух десятков километров и высоты птичьего полёта - Улан-Батор с его белыми кварталами в долине, казалось, мог уместиться на ладони.

В горах было прохладно, по небу низко плыли сплошные тёмно-серые облака, задевая подбрюшьями ближние скалы и гигантские валуны, оседая на них мельчайшими каплями тумана.

Туев был в длинном чёрном кожаном плаще, шею укутал плотным зелёным шарфом. Он скрестил руки над головой, призывая Альтмана заглушить двигатель джипа. И когда Александр с Олегом подошли к Антону, поднёс к губам палец и, не здороваясь, тихо спросил:

- Мужики, фотоаппарат есть?

- Есть, - так же тихо ответил Альтман. – А что?

- Видишь за мной этого красавца? Я сейчас его хлебом угощу... Снимай...

Олег только сейчас заметил, что метрах в десяти за спиной Туева на газоне спокойно щипал траву крупный олень с большими ветвистыми рогами. Горный склон красиво оттенял его мощное тело, покрытое серовато-бурой с желтым отливом шерстью. Туев осторожно вынул из кармана горбушку серого хлеба и, держа её на вытянутой ладони, медленно сделал навстречу животному несколько осторожных шагов. Альтман едва слышно взвёл затвор неизвестно откуда появившегося в его руках маленького фотоаппарата и опасливо засеменил, забирая влево, чтобы оказаться между Антоном и оленем.

Иванов остался на месте, с интересом наблюдая за необычной фотоохотой. Он заметил, что покрытая небольшой гривой длинная шея благородного самца напряглась, олень поднял голову, вытянул морду навстречу Туеву, большие влажные темно-коричневые глаза настороженно смотрели на губернатора. Тот остановился, протягивая угощение. Олень сделал робкий шаг к человеку, второй, третий, шумно вздохнул и, наклонив голову, трепетными губами опасливо взял хлеб с ладони и стал жевать. Тут раздался щелчок фотоаппарата, и ещё один, и ещё... Олень резко отскочил в сторону от Антона, мгновенно сделав грациозный разворот, он ускакал, в миг исчезнув за деревьями, оделявшими гостиницу от ближних горных валунов.

- Я снял! Шикарный кадр будет! – крикнул Туеву довольный Альтман. – Подарю...

Потом Туев и Альтман начали беседу, прогуливаясь по дорожкам гостиничного парка. Александр записывал разговор на диктофон. А Олег в полудрёме сидел на удобной деревянной скамейке, поджидал окончания их разговора, с удовольствием вдыхая холодный горный воздух.

От вчерашнего randevу с Александром, который пришёл к нему в номер «покалякать» с земляком о последних новостях и сплетнях с родины, голова немного кружилась.

Альтман принёс шесть бутылок светлого пива «Tiger».

- Сингапурский «тигр», - сказал он, выставляя бутылки с напитком на стол. – Но, сварили его в Монголии. Ты как?

- Когда я отказывался? – пошутил в ответ Иванов. – Только предлагаю начать вот с этого... - и он вытащил из сумки бутылку трёхзвёздочного дагестанского коньяка.

Александр взял её, повертел перед глазами:

- Согласен. У меня к нему вяленая конина. Объеденье!

Они порезали на кусочки твёрдое, ароматное мясо, налили коньяк в пиалы для чая, которые Олег нашёл в одном из ящиков стола. «Пивком его полирнём?» - предложил Альтман. Хозяин номера не возражал. Пивом наполнили стеклянные стаканы.

Наскоро «перемололи кости» российскому правительству, которое не хотело снижать железнодорожные тарифы для монгольских товаров, подталкивая республику в сторону Китая, покритиковали монгольский бизнес, который постоянно срывал сроки оплаты товаров из России.

- Как ты живёшь в этой необязательной стране?! - поддел Олег товарища.

- Так их надо понять нашим европейским умом, - спокойно рассуждал Альтман. – Монголы – народ особый. Я привык к их медлительности, к их постоянным «можно» - «не можно».

- Зато как на машинах по улицам ездят! – Иванов постучал по столу костяшками пальцев. - Никаких правил...

Они ещё «приняли» коньяку, перебили его вкус пивом.

- Монгол может жить, независимо ни от кого, кроме своего скота и своей семьи, - говорил Альтман. - В этом отношении он самостоятельный и свободный гражданин.

- Ты попробуй в степи с ним поговорить, терпения не хватит, - Альтман выковырнул из зубов мясное волокно. – У них долгое приветствие: «Сайн байна уу! Здра-а-вствуйте! Ка-а-к ваше здоровье? – начал изображать Александр, растягивая слова. - Потом они по полчаса спрашивают о здоровье родственников. С ходу задавать деловые вопросы у них не принято.

Он выпил пива и долил в стакан:

- Нас такие беседы напрягают, мы же привыкли сразу брать быка за рога. А наша торопливость может их сильно обидеть, даже оскорбить.

Олег слушал, не перебивая, тщательно пережевывая мясо.

- Они вроде бы выбрали путь рыночной экономики и промышленности, - продолжал Александр. - Но как весна приходит, половина Улан-Батора на пастбища утекает. Кочуют со стадами коров и баранов. Сколько этой живности в стране, никто не знает. Десятки миллионов голов...

- Вот европейцы думают, здесь нищета, грязь, убожество, - размышлял Альтман. - А местным другого и не надо. Их богатство - число коров и быков, юрт... Они считают себя наследниками великих империй Чингисхана, который полмира завоевал!

- Ага, - вставил Олег. - Надеются, что Чингис их долги всем простит?

- Да, в конце концов, отдают они свои долги. Медленно, но отдают, - загорячился Альтман. - Скотоводы неторопливы. Время их не «прижимает» так, как нас. Территориальной зависимости у них тоже нет. Веками они неспешно кочуют. У монгола в крови свобода вне пространства и времени. Может даже, чрезмерная свобода. Свободные люди, понимаешь! - от длинной тирады Александр слегка задохнулся, закашлялся и глотнул пива. - Наливай коньку! - махнул он Иванову.

- У них есть верование Мунх тенгри или Вечное небо, - Альтман рукавом рубашки вытер с губ белую полоску пены. - Монголы к вечному небу относят не только звезды, солнце или луну. Люди у них - это часть природы и должны жить в согласии с ней. Они поклоняются камням, горам, воде. Ты знаешь, что в Монголии есть несколько сакральных мест на государственном уровне?

- Откуда... - пожал плечами Олег.

- У них совершают официальные церемонии поклонения. Во главе с президентом! И это записано в специальном законе. Подобного нет нигде в мире! - Александр поднял вверх указательный палец.

Одно из известных мест, рассказал он Олегу, Мать-камень, километрах в ста от Улан-Батора. По форме камень напоминает фигуру женщины. Очень почитаемое место, здесь можно попросить исполнения любых желаний.

Тут они оставляют подношения - конфеты, рис, пшено, печенье, даже водку на отдельном столе. Потом надо три раза обойти вокруг камня, побрызгать молоком, подойти к Матери и попросить исполнить желания. Чтобы желания исполнились, нужно приехать туда три раза...

- А если больше? - спросил Олег, разливая остатки коньяка.

- У них три - священное число, - Александр поднял фарфоровую пиалу и выпил. - Их музыкальный инструмент морин хур состоит из трех струн. Хотя, ты думаешь, у него только две струны, но есть третья - это смычок из конского волоса.

Кивая в ответ, Иванов задумчиво посмотрел на пустую бутылку, потянулся и открыл минибар, долго изучал его содержимое. Потом решительно выгреб и выставил на стол десяток крохотных бутылочек с виски, водкой, коньяком и вином, выложил пачки с чипсами и галетами.

- Монгол считает, что у всего в природе есть душа, - не унимался Альтман. - Поэтому тут бизнес надо вести по-другому, - глотнув виски, рассуждал он. - Монголы искренне сочувствуют людям, которые все время куда-то торопятся.

...Иванов очнулся от того, что Альтман тряхнул его за плечо:

- Вставай, едем!

- Как поговорили? – поинтересовался Олег, зябко поёживаясь.

- Когда Туев плохо рассказывал? – переспросил Александр.

Сегодня в программе губернатора было посещение мемориального комплекса Зайсан.

Альтман с Олегом и журналистами подъехали к подножию горы, на которую предстояло подняться, чуть раньше, чем прибыла официальная делегация. Андрей начал снимать окрестности, потом записал несколько фраз Марины, которые она проговорила «в кадре».

Иванов «щёлкал» фотоаппаратом, который на этот раз захватил из гостиницы. А Тамара слушала знающего всё Александра: мемориал на вершине холма Зайсан построили в память о том, что наша Красная Армия поддержала монгольскую революцию в 1921-м и помогла республике в войне с японцами – в боях у реки Халхин-Гол в 1938 году.

Вот к ним подъехали несколько чёрных джипов. Молодые монгольские парни торопливо распахнули задние дверцы среднего автомобиля, из одной вышел Туев в лёгкой тёмно-зелёной ветровке, из другой с лёгким кряхтением вылез крупный круглолицый монгол в строгом европейском костюме.

- Это их премьер-министр, - негромко представил его Альтман. - Намбарын Энхбаяр.

- Наш парень? – спросила Тамара.

Александр кивнул:

- Окончил Московский литинститут. Лет десять «рулил» монгольским Союзом писателей, был министром культуры...

Энхбаяр поманил рукой всех, чтобы следовали вверх по широкой лестнице и на чистом русском начал рассказывать Туеву о мемориале:

- Торопиться не будем, - предупредил он. - Наверх ведут триста ступеней...

Андрей с Мариной поспешно обогнали официальную делегацию, Олег поспешал за ними. Лестница была крутой, плавно огибала холм. После четвёртого десятка ступеней, которые Иванов резво преодолел, он начал задыхаться. Через каждые десять ступеней размещалась небольшая горизонтальная площадка для отдыха. Тяжело отдуваясь, Олег притормозил на одной из них и посмотрел вверх. Лестница уходила далеко вверх, а из

вершины холма устремлялся в небо бетонный шпиль, рядом с ним стояла фигура солдата с поднятым знаменем.

Тамара с Альтманом нагнали Иванова, и остановились рядом.

- Да, - тяжело дыша, произнёс Александр, - хорошо мы вчера посидели...

Снизу приближалась основная делегация, и, вздохнув, Иванов двинулся дальше.

На вершине Зайсана отрылась площадка со скульптурой солдата, окружённую высоким бетонным кольцом. С внешней стороны кольцо украшали орнамент и барельефы с изображением боевых советских и монгольских орденов и медалей. Внутри по кругу кольца мозаичные картины живописали боевую историю и трудовые будни республики. В самом центре площадки в гранитной чаше горел вечный огонь.

Олег заснял, как Туев с Энхбаяром осматривают мемориал. Потом подошёл к краю площадки и посмотрел вниз – на грандиозную панораму Улан-Батора и долину реки Туул. От этой шири захватывало дух. День был облачным, но тёплым и светлым, сквозь высокие облака пробивались солнечные лучи и яркими пятнами то тут, то там подсвечивали городские застройки.

Антон Туев увлечённо беседовал с премьером и косил глазом на стоящего недалеко от них Альтмана, чьи уши прямо-таки шевелились, улавливая смысл их разговора...

Осмотр комплекса решили завершить, записав интервью губернатора и премьера. Вопросы задавали Тамара с Мариной. Марина с обидой поглядывала на начальницу, которая перебивала у неё репортёрский хлеб. Поскольку штатива у Андрея не было, он стоял, как вкопанный, снимая «с рук»...

После обеда Олег с подопечными направился в торговое представительство Российской Федерации в Монголии. Раньше в этом двухэтажном здании с колоннами располагалось торгпредство СССР. В главном зале готовились к бизнес-конференции. Зал поменьше был заставлен отдельными столами, здесь вели переговоры директора и бизнесмены из сибирской делегации с монгольскими партнёрами. На столах стояли флажки с названиями фирм и предприятий, девушки в чёрных юбочках и белых блузках разносили напитки. В одном месте разговор шёл неспешно, собеседники чинно кивали головами, слушая переводчика. В другом – громко беседовали на русском. Люди, стоявшие вокруг одного из столиков, дружно хлопали в ладони только что подписанному договору.

Олег заметил, что из дальнего угла призывно машет генеральный «Сибюжугля» Ларин:

- Тамара, Олег! – торжествующе крикнул он, когда они подошли ближе. – Нас снимите! У нас тут намечается грандиозный контракт!

Телевизионщики начали снимать переговоры, а Олег медленно двинулся по залу, прислушиваясь к репликам и вглядываясь в знакомые и незнакомые лица.

- Господа! - перекрыло гул голосов объявление. - Завершаем и переходим в большой зал. Нашу конференцию будет открывать губернатор Туев.

...Олег видел, что за трибуной его шеф чувствовал себя как всегда уверенно.

- Отношения Сибирской области с Монголией принимают широкий размах, - говорил Антон. - У нас с вами есть все шансы продвигаться всё дальше в развитии торговли и в культурных обменах.

Есть все возможности для развития наших выгодных экономических связей, заявлял губернатор, в Монголии есть интерес к нашим товарам и технологиям, а также есть дружеское расположение и доверие к России в целом и региону в частности.

- У нас давние исторические связи, - вторил Туеву выступающий за ним председатель Торгово-промышленной палаты Монголии. - До 1990 года товарооборот страны строился в основном только с Россией. Ваша страна являлась и является для нас не только одним из важнейших поставщиков продуктов и технологий, но и крупным рынком сбыта нашей продукции. Но есть и препятствия...

- И мы о них знаем. Нужно вводить безвизовый режим между нашими странами, - бросил из президиума в зал реплику Туев. - Давайте, Олег Михайлович, вы со своей стороны, а мы со своей на наше правительство будем выходить и доказывать, что это необходимо!

- Согласен! - закивал в ответ сидящий рядом с ним посол России в Монголии Олег Дерковский.

В конце конференции показали фильм о Сибирском регионе, его экономических перспективах и социальных возможностях. После предложили всем посмотреть концерт сибирских артистов. А пока готовили для них сцену, Туев успел пообщаться с местной прессой, которую Иванов собрал в фойе...

Концерт Олег решил пропустить, ведь Альтман предложил съездить в горы. «Недалеко. А места обалденные! Сами увидите и не пожалеете», - уговаривать он умел.

- Успеем? Дело-то к вечеру... - заволновался Иванов.

- Мы туда и обратно. Беру на себя ответственность. Одно условие: едем прямо отсюда, никуда не заезжаем.

...Так они и оказались на вершине национального заповедника Богд-Хан-Уул.

- Вон та вершина, - показал Альтман на соседнюю самую высокую гору, - носит такое же имя, как и заповедник. Её уже семьсот лет считают священной.

Он заметил, что Андрей развернул камеру в его сторону, а Марина протянула ему микрофон. Альтман приосанился и с интересом начал рассказывать, как, согласно легенде, в 13-м веке Чингисхан провёл возле этой горы несколько месяцев, набираясь сил перед военным походом. И где-то здесь, в лесах спрятал сокровища. Тогда же он запретил своим воинам рубить на горе лес и охотиться, по сути, создал в Монголии первый заповедник. Гору издавна почитают ламы и великие ханы империи, весной и осенью проводят праздники поклонения. С вершины Богд-Хан-Уул берут начало двадцать горных ручьёв и впадают в Туул, есть даже целебные источники. В заповеднике живут кабарга, косуля, марал, соболь, лисица, белка, сотни видов птиц.

- В середине 90-х ЮНЕСКО объявил его биосферным заповедником, - подытожил Александр и шутливо завершил:

– Александр Альтман, собственный корреспондент РИА «Новости» в Улан-Баторе, специально для Сибирского телевидения.

- Молодец, Саша! - захолопала Тамара. – Профессионал! Беру на работу.

- Погоди, - Альтман был доволен комплиментом. – Посмотрим, что ты скажешь, когда поедем вниз... Пристегнуться не забудьте, - предупредил он пассажиров. – Синяки вам ни к чему...

А испытание спуском с крутой горы в джипе, действительно, оказалось не из лёгких. Водитель осторожно направлял машину в объезд камней и древесных стволов, а пассажирам казалось, что едва ползущий по отвесному склону автомобиль того и гляди кувыркнётся вперёд и под таким отвесным углом его уже ничто не остановит.

Олег сидел, затаив от страха дыхание, намертво вцепившись в ручку задней двери. Рядом с ним визжала в голос Марина, впереди охала Тамара, закрыв ладонями глаза. Андрей громко пыхтел, со всей силы упираясь ногами в пол и прижимая к себе видеокамеру.

Когда через четверть часа они оказались, наконец, внизу, он первым подал голос, разрядив наэлектризованную паническим страхом атмосферу:

- Командир! - сказал Андрей. – Я, кажется, того, обоср..ся...

- Кажется или точно? – переспросил Иванов.

Оператор похлопал себя по бокам:

- Нет, - вздохнул облегчённо. – Показалось.

Женщины сдержанно хихикнули, а Альтман хохотал до слёз, обхватив руль, пока Олег не остановил его жалобным голосом: «Может, поедем уже? Скоро темнеть начнёт...»

Ещё в прошлый приезд Иванов понял, что монгольские дороги в большинстве – не дороги вовсе, а направления. Десятки автотропинок выются колеёй по многочисленным долинам даже в тех местах, которые на картах отмечены федеральными трассами. На этот раз Альтман «срезал» расстояние до города, проехав по просёлку через каменистую долину, на асфальт джип выполз только у самого Улан-Батора.

Вечером решили обойтись без бесед – устали за длинный день. А завтрашняя программа тоже обещала быть насыщенной...

- Зря ты вчерашний завтрак пропустил, - сказал Олегу утром Виктор Иванович, когда они встретились в гостиничном ресторане. – Тут такой шведский стол, что обалдеть можно!

- Я вчера спозаранку к Туеву ездил, - ответил Иванов, зевая. – Да особо и не хотелось... Мы с Альтманом с вечера хорошо «приняли».

- Аппетит всегда можно поправить, - Беков извлёк из бокового кармана пиджака серебристую фляжку, отвинтил крышечку и глотнул из горлышка.

- Будешь? – предложил Олегу.

- Буду, - отстранил его руку Олег. – Но, позже...

Завтрак, действительно, оказался отличным и вкусным. К ним за столик подседа Алова. Наперегонки с Тамарой Олег только успевал тарелки наполнять.

- Я как с голодного мыса! - Алова была самокритична, но остановиться при виде такого изобилия не могла. Её усиленный утренний аппетит, будто острое вирусное заболевание, передался Иванову.

Вначале они попробовали все крупяные каши, разваренные до нужной консистенции и слегка подслащённые. Потом отведали всю линейку монгольской молочной продукции, съели по кусочку омлета и запили его апельсиновым соком из пакета.

Иванов наполнил тарелку тонко нарезанными ломтиками колбас и ветчины, горячими сосисками, кусочками отварного и жареного мяса. Поделился с Тамарой, она вилкой помогала ему перекладывать лакомства на свою тарелку.

Ещё поели блюд азиатской кухни, уплетали лапшу с овощами. Вся еда была натуральной, отменного качества. Затем Тамара наткнулась на хлебобулочные изделия – свежие тосты и сладкую выпечку. Плавню перешли к нарезке из фруктов и фруктовым компотам. После намазывали на булочки масло, джемы и мёд, запивая их вначале кофе, потом чёрным монгольским чаем.

- Ну, ребята, вы даёте! – несколько раз восклицал Беков. Сам-то он долго ковырял ложкой кашу, съел вареное яйцо и булочку с кофе.

- Уф! - Олег отвалился на спинку стула. – Не могу больше...

Тамара вяло дожевала булку и вытерла губы салфеткой:

- Завтрак нормальный, - она отодвинула от себя горку пустых тарелок. – Мы же не знаем, когда будет обед и будет ли вообще. У нас ещё полчаса до отъезда, пойду в номер, прилягу. Если что, Олег, позовёшь, ладно? – и она неторопливо удалилась.

Иванову двигаться не хотелось, и он сидел, прикрыв глаза, в полупустом зале для завтраков. Из полудрёмы его вывел голос Виктора Ивановича:

- У Туева сегодня большая программа? – спросил он.

- Ага, - Олег сыто икнул. – С утра в монастырь поедem. А после обеда в музей маршала Жукова...

Альтман решил и этот день провести с сибиряками. Он пристроил свой джип в хвост официальной колонны. В салоне машины, как обычно, устроились Иванов с коллегами. День обещал быть нежарким, высокая плотная облачность закрывала город от солнца.

- Ты бывал в этом монастыре? – Олег тронул Александра за плечо.

- А как же! И не в нём одном, - Альтман не отрывал взгляда от дороги. – Могу лекцию по монгольской религии прочитать.

- Давай, - Иванов откинулся на спинку сиденья. – Подготовь нас к встрече с местными божествами...

Альтман расправил плечи, выпрямил спину:

- Опять снимать будете?

- Нет, - откликнулся с заднего сиденья Андрей. – Ракурс не тот.

- Я вас на диктофон запишу, - сообщила Марина. – Начинайте.

Александр бросив взгляд через плечо и увидев, что Марина держит перед собой диктофон, удовлетворённо кивнул:

- Здесь вера – штука сложная. Тут обретаются религии со всего мира. Три процентов монголов проповедуют ислам, столько же молятся Христу. Также практикуют шаманизм и поклонение духам...

Колонна остановилась в пробке: городскую дорогу неспешно переходило небольшое стадо лохматых коров рыжевато-масти.

- Про ритуал Обо слышали? Если увидите пирамиду из камней – это и есть Обо! У них возле дорог из камней сложены целые комплексы, также на перевалах, на вершинах. Считается, что Обо даёт поддержку от высших сил... Но среди главных у них языческий культ матери-природы. Тенгрианство называется. – Альтман притормозил, пропуская перебегающих дорогу пешеходов. - Это религия степных кочевников, они поклоняются небу и огню, богине земли, почитают души умерших.

- Так мы едем к ним? - уточнила Тамара.

- Э-э, нет, - протянул Александр. - Едем в буддийский монастырь. Ведь больше половины монголов стали буддистами.

Буддизм шёл сюда с начала новой эры, а в 17 веке стал главной религией, рассказывал Альтман. Тибетские ламы свою письменность придумали – «квадратное письмо» – специальные иероглифы, которыми записывали молитвы.

В начале 20 века главный буддийский монастырь Гандан Тегченлинг в Улан-Баторе был разорён. Однако в конце сороковых годов его восстановили. «В нём сейчас живёт сотня лам, - Альтман следом за всей колонной машин заглушил двигатель. – Кстати, смотрите, вон один из них», - он кивнул на монаха, который семенил через просторную площадку перед главным входом монастыря, прямо перед вышедшей на неё делегацией во главе с Туевым. Череп ламы был до блеска выбрит, тело укутано в красно-оранжевую накидку, на ногах чёрные бахилы. Он ни разу не поднял глаза на гостей, хотя его на лице застыла не то улыбка, не то вежливая гримаса. Вскоре он исчез за монастырскими воротами.

Монастырь расположился в пригороде среди многочисленных юрт и одноэтажных жилых домиков.

- Осмотрим главный храм? - предложил Туеву улыбчивый молодой сопровождающий из монгольского министерства культуры. И они тоже вошли в главные ворота, которые охраняли фигуры страшных богов – стражей входа. Остальные двинулись за ними.

- Здесь большой монастырский комплекс, - рассказывали губернатору. - Несколько храмов, субурганов – гробниц лам, молитвенных пагод, библиотека с монгольскими, индийскими и тибетскими манускриптами и буддийский университет. Кстати, - с гордостью отметил представитель минкульты, - название Гандан Тэгченлин хийд означает «Большая колесница всеобъемлющей радости».

Гостям из Сибири Гандан казался сказочным городом, благодаря стенам необычных зданий с красивой резьбой и узорами. Они любовались разноцветными черепичными крышами, мощёными улицами и переулками, яркими цветниками и многочисленными стаями голубей. На каменистых дворах тут и там были разложены доски. «Это для монахов, они на них стоят на коленях», - пояснял всё знающий Александр. Действительно, кое-где можно было увидеть читающих мантры монахов.

Белый с тремя рядами окон главный храм монастыря – Ченресига, построенный в стиле пагоды с высокой крышей из зелёной черепицы, – смотрелся великолепным украшением этого города. «Он вздымается над остальными сооружениями примерно как «десятиэтажка» на «хрущёвках», - нашёл сравнение Олег.

- Держим путь туда – показали Туеву на это огромное сооружение. - Это храм почитания Бога сострадания. Там самая высокая золотая статуя Будды.

По двору, вымощенному булыжником, делегация подошла к тяжелым деревянным дверям Ченресига, которые охраняли каменные львы.

Внутри храма воздух был напоён сложным ароматом благовоний. Стены украшали цветной орнамент и сложная вязь деревянной резьбы. В этот час посетителей было немного. Здесь царил полумрак, в котором колебались причудливые тени от огней многочисленных лампад, особенно много их было у алтаря – в ногах статуи сидящего в кресле красавца Будды. Иванов отделился от делегации, то и дело щёлкая затвором фотоаппарата. На одной из стен он заметил портрет Далай-ламы, на другой сфотографировал большую трёхглазую маску, увитую цветными лентами из лёгкой полупрозрачной материи.

Ещё во дворе Туева заинтересовали многочисленные ряды цилиндров из жёлтого металла с отчеканенными на боках иероглифами, закреплённые на деревянных подставках. Цилиндры были снабжены ручками. К ним часто подходили люди и вращали их. Такие же цилиндры стояли и внутри храма. «На этих молитвенных цилиндрах древние тексты молитв, - объяснили губернатору. - Внутри них лежат страницы с мантрами. Крутите цилиндр справа налево, по направлению движения солнца, значит, вы возносите молитву Будде. Один поворот равносителен прочтению молитв, записи которых находятся внутри».

Со строгим выражением лица Туев покрутил один за другим несколько цилиндров, а Андреем снял его на видео.

Но куда бы ни обращали они взгляды, постоянно натыкались на громадную, отливающую янтарным цветом в свете огней, статую Будды Авалокитешвары, что означает воплощение бесконечного сострадания всех Будд.

Олег подошёл к подножию великой статуи – она была босая, и в каждом пальце её ног православный Иванов почувствовал не безмерное сочувствие, а беспредельную мощь. Он хотел «щёлкнуть» статую целиком, но сделать это не удавалось. Истратив немало кадров, он понял: так просто задачу не решить. Олег осмотрелся, прикидывая, что можно сделать. От противоположной стены вверх шла широкая лестница. По ней Иванов зашёл на второй этаж, где с небольшой площадки сфотографировал нижнюю часть фигуры – от босых ступней до пояса. Потом поднялся выше на и заснял Будду с головы до пояса.

- И что потом с этими снимками? – ехидно поинтересовался не отстававший от него Альтман.

- Дома фотки отсканируем и на компьютере соединим вместе. И будет Будда в полный рост!

Делегация уже покидала храм, и они бегом кинулись догонять губернатора. Успели сфотографировать его с монгольскими товарищами на фоне белостенного храма...

После обеда Туев собрался в музей маршала Жукова. А пока Альтман позвал журналистов отведать настоящего борща.

- Тут недалеко, в 15 микрорайоне. Не пожалеете! – соблазнил он, нагулявших хороший аппетит, бродяг по монгольским святыням.

Ресторанчик «Корчма» находился в первом этаже обычного жилого дома рядом с российским посольством. Причём, вывеска заведения была на русском. «Так они же пользуются нашим алфавитом», - напомнил Олегу Альтман. – Вон, прочитай название напротив...»

«Охуин Банк», - громко прошептал Иванов название большого учреждения из стекла и бетона. – Ни хрена себе, контора! - покачал он головой. – А как переводится?»

- Переводится просто: «Российский банк», - перевёл Альтман и расхохотался, наблюдая за вытянувшимися лицами гостей...

- Да, здесь настоящим борщом пахнет! – повела носом проголодавшаяся Тамара, когда они вошли внутрь заведения. Посредине пустого зала лежал красный ковёр. Все шесть столов украшали белые в красную полосу скатерти, шторы и занавески на окнах были выдержаны в этом же стиле. На стенах – расшитые рушники, небольшие картины с национальным колоритом. По углам стояли керамические усатые фигурки в украинских костюмах.

- У нас украинский ресторан, - вышла к ним навстречу из внутренних помещений среднего роста, коренастая монголка, узкие сливовые глаза на её круглом лице приветливо светились. На ней ладно сидели расшитая белая блузка и тёмная ниже колен юбка, окантованная понизу красным узором. Яркий цветной фартук и большие серьги из белого металла дополняли её наряд.

- Здравствуй, Саша, - кивнула она Альтману. – Твои гости? Обедать будете? – она говорила без акцента.

- Будем! – в один голос откликнулись Тамара с Мариной, Андрей вторил им согласным мычанием.

- Конечно, будем. Здравствуй, Ядма! – Альтман тронул хозяйку за локоть. – Сергея сегодня нет?

- Хозяин делами занят, - она раскладывала на столе меню. – Будет только вечером.

Андрей пристроил свою камеру на подоконнике, и они уселись за стол. Все, кроме Тамары, уткнулись в список блюд.

- Мне борща, - не раздумывая, сделала заказ Алова. – Погорячей и чтобы в большой тарелке до краёв...

- Да, - согласился Альтман. – Всем борща, мы ведь ради него и пришли. А что на второе?

- Возьмите крученики из говядины, - хозяйка поклонилась гостям.

- Название вкусное, - одобрил Олег. - Знать бы, что это?

- Рулетики такие из мяса с начинкой из свиного сала, соленых огурчиков, грибов, капусты, болгарского перца, - перечисляла хозяйка.

Они заказали крученики с жареным картофелем. «А пить?..» - едва успела спросить Ядма, как тут же оживился Андрей:

- Лично мне водочки, - как обычно потёр он ладони.

- Не лезь вперёд батьки, - оборвал его Альтман. – Мы в украинском ресторане. Горилки нам, вашей, фирменной, с перчиком, холодненькой! Триста граммов...

Андрей пытался что-то сказать, но Иванов согласился с Александром: «Сегодня ещё работать».

Хозяйка ушла. Олег стал рассматривать керамику и картинки. Между тем посетители заполнили все столики и, судя по лицам, все они были аборигенами. На входе собралась небольшая толпа, никуда не торопясь, с восточным спокойствием и равнодушием люди ожидали своей очереди. «Удивительно! Монголы любят украинский борщ?» – спросила Тамара.

- Ещё как! – Альтман явно был доволен вопросом. – Они его просто обожают! Хотя, когда Сергей и Ядма начинали своё дело, в это трудно было поверить.

- Сергей – её муж? Русский? Расскажи, пока ждём, - попросил Олег.

- Он не просто из России, - сообщил Александр. – Он из дипломатов...

Андрей удивлённо присвистнул.

- Родом из Киева. До пенсии был на дипломатической работе. Впервые приехал в Монголию где-то в середине шестидесятых. Стал представителем советской фирмы «Техноэкспорт».

Она экспортировала из СССР оборудование для предприятий металлургической и химической, машиностроительной, пищевой и лёгкой, для добывающей и обрабатывающей промышленности, для электростанций, для связи. Проводила проектные и монтажные работы.

- Я не раз писал про него материалы в нашу контору! Всегда печатали! – похвалился Альтман. - Сергей обожает тутошнюю дикую природу, великолепную охоту: каждый год ездит на озера пострелять диких гусей...

Молоденький официант из местных в украинской вышиванке, чёрных, широких шароварах и коротких, малинового цвета сапожках, ловко лавируя по залу сразу с двумя подносами, благополучно добрался до их стола и уставил его тарелками с ярко-красным дымящимся борщом. В центр водворил большое блюдо с горкой горячих, только что из печной духовки, пышных пампушек.

Сделав дело, парнишка забавно поклонился и убежал. И тут же явился вновь с запотевшей бутылкой красноватой жидкости, в которой плавал стручок перца. Он ловко поставил перед каждым гостем по гранёной рюмочке на короткой ножке и наполнил горилкой.

- На за-да-ро-ви-е! – громко по слогам произнёс официант, поклонился и снова бегом кинулся обслуживать другие столы.

Альтман поднял рюмку:

- Будем здравы, господа! – и выпил, не поморщившись.

Все, кроме Тамары, последовали его примеру. Напиток легко «пролился» Иванову в желудок, пищевод приятно зажгло от острого перечного привкуса. Он с удовольствием принялся за наваристый борщ.

- Даже не попробуешь горилки? – спросил Александр Тамару, откусывая пампушку. – Такого божественного напитка нигде больше не найдёшь!

- Вот и хорошо, - Алова ела с удовольствием. – Не пью спиртного. Зато вам больше достанется, – она придвинула Олегу свою полную рюмку.

- Она у нас трезвенница, - поддела начальницу Марина, а Андрей снова наполнил рюмки...

Пока ждали крученики, Альтман продолжал:

- Сергею поручили присматривать за недвижимостью, в Монголии, которая досталась России от Союза. А её было столько!

Торговый представитель должен был ею распоряжаться: продавать нельзя, заниматься коммерческой деятельностью нельзя. Можно сдавать в аренду дома, квартиры, офисы, но так, чтобы не получать при этом доходов. «Словом, какая-то чушь! - Альтман пристукнул кулаком по столу. – Да ещё задачу поставили: защитить от приватизации совместные советско-монгольские предприятия «Эрдэнэт», «Монголросцветмет», Улан-Баторскую железную дорогу... В общем, крутился Сергей, как уж на сковородке. Буквально всё сохранил для России».

А в середине девяностых его обвинили в ошибках, понизили в должности, торгпредство закрыли. Тогда он подал в отставку и решил жить в Монголии. Однажды на празднике в немецком посольстве познакомился с Ядмой, она выучила русский, когда ещё училась в Ленинградской лесотехнической академии. Они быстро сошлись и организовали ресторанный бизнес. Так в Улан-Баторе и появилась «Корчма». Они решили, что ресторан будет украинским, с борщом, зразами и варениками, которые Байра научилась готовить у украинки-соседки по студенческому общежитию.

- Между прочим, Сергей вначале был против, - Альтман глотнул из рюмки. - Представляете? Раньше он ворочал в Монголии всей советской недвижимостью, а теперь – зависеть от борща! Но Байра его уговорила: раз ей пришлось по вкусу украинская кухня, то оценят и монголы. А теперь, сами видите, в «Корчму» стоит очередь...

Всю дорогу потом до «встречи» с маршалом Жуковым Олег зубочисткой удалял следы вкусных кручеников, сытно отрывал и щурился на серо-голубое небо. Солнца на нём не было, но его горячий диск угадывался за высокой облачной дымкой.

Ехали они, впрочем, всего несколько минут. «Прибыли!» - Альтман припарковал свой джип на краю площади, с которой начинался широкий бульвар. В центре площади стоял большой потемневший гранитный бюст Георгия Константиновича в маршальском мундире, задником и фоном бюсту служила перевернутая бетонная трапеция, высотой метра три, отделанная мрамором цвета шоколада, с надписью: «Георгий Константинович Жуковын».

Центр площади был вымощен широкими квадратами серых, кое-где потрескавшихся бетонных плит. Посередине – метров на пятьдесят в длину – уложили рядом две красные дорожки, которые упирались в два знатных красных ковра с ярким орнаментом, которые разместили вплотную к памятнику. Вместе с коврами дорожки образовали гигантскую букву «Т».

Официальной делегации пока не было. Однако в предчувствии события по краям площади начали собираться зеваки из местных жителей.

С трёх сторон площадь окружали молодые зелёные ели, жилые панельные советские «хрущёвки» и офисные здания. На фасаде одной из белых пятиэтажек Иванов прочитал знакомую уже, но слегка «усиленную» вывеску «Аж Ахуин Банк». Воины в необычной яркой форме выстроились в два ряда спиной к этому зданию.

- Цирики,- кивнул в их сторону Александр. - Рота почётного караула...

Андрей включил камеру, Иванов тоже сделал несколько снимков солдат. С интересом принялся разглядывать их чудное одеяние.

Почетный караул щеголял в красно-синих кафтанах, перехваченных в поясе белым ремнём с начищенной до блеска пряжкой. На обшлагах красных рукавов – синяя вставка, на ней золотистой нитью нашит национальный орнамент. На груди у каждого красовался золотистый металлический диск с гербом республики. На головах – чёрно-синие остроконечные кожаные шлемы, напоминающие будёновки. Красные штаны заправлены в тёмно-коричневые сапоги без каблуков с загнутыми вверх носами. Руки – в белых перчатках, у каждого – карабин с примкнутым штыком, а у офицеров – кавалерийские шашки. Замыкали караул полтора десятка музыкантов духового оркестра в такой же форме.

- Как в театре! – восхитился Олег.

- У них костюмы такие, как были у личной гвардии Чингисхана, - с видом знатока сообщил Альтман.

На большом автобусе к площади подъехала сибирская делегация. Первым на землю ступил Виктор Иванович Беков, следом за ним из салона высыпали артисты в русских национальных костюмах. Вынесли корзину с гвоздиками. Потом начали выходить и выстраиваться рядом директора предприятий. Многие крепко жали руки Иванову, Альтману, Андрею, раскланивались с Аловой и Мариной. А Владимир Ларин лишь кивнул мужчинам, зато долго тряс Тамарину ладонь, глядя на неё масляными глазами и рассыпая комплименты.

От этого приятного занятия его отвлекла автоколонна из трёх чёрных «Лэнд Крузеров». Их одного вышли губернатор Туев – в светлом костюме и премьер Намбарын Энхбаяр – в чёрном, из других – сопровождающие лица, охрана. Среди приехавших был и посол России в Монголии Олег Дерковский.

Площадь заволновалась. В роте почётного караула прозвучали громкие горловые команды, солдаты мгновенно подравнялись, взяли карабины «на караул», зазвенел звук горна. Члены делегации выстраивались на красных дорожках, шустрые монгольские девушки раздали всем красные гвоздики. Оркестр заиграл траурный марш и Туев с Энхбаяром медленно двинулись к памятнику, за ними – остальные. Впереди делегации торжественно вышагивали два воина, осторожно поддерживая объёмный пластиковый горшок с зелёным кустиком.

Горшок поставили у постамент с бюстом маршала. На постамент губернатор с премьером положили гвоздики, Туев тронул горшок с неизвестным растением, поправив его, и оба отступили назад, замерли, склонив на секунду головы, и встали справа от памятника. Все остальные по очереди проделали то же самое, остановились рядом с лидерами. Оркестр сыграл гимны России и Монголии, а почётный караул дал три стройных залпа, в ответ в небо взмыли многочисленные стаи перепуганных окрестных голубей.

- Шикарные кадры получились! – похвастался Андрей. – Куда теперь? – спросил он у Иванова.

- В музей маршала пойдём, где-то рядом.

Дом-музей маршала СССР Георгия Жукова, действительно, был в двух шагах от площади – одноэтажное здание с мансардой, со старыми деревянными, крашенными белой краской, переплётными окнами. На фасаде Олег увидел позолоченную надпись «Г.К. Жуков музей». У входа стояли две небольшие пушки времён Великой Отечественной. В этом здании маршал работал и проживал вместе с семьёй с сентября 1939-го по май 1940 года. Музеем оно стало к 40-летию победы советско-монгольских соединений на реке Халхин-Гол. Жуков выиграл эти бои против японских захватчиков, за что его благодарно чтила республика.

Внутри царил чистота и тишина, которую почётные посетители наполнили гулом голосов.

Туев с гостями, не торопясь, обходил экспозицию, подолгу останавливался у раритетных экспонатов, возле развешенных на стенах редкостных фотографий, боевых знамен армейских частей и боевого оружия тех лет. Рассматривал личные вещи, книги, вчитывался в строчки материалов из советских, монгольских и японских военных архивов, в малоразборчивые письма. Даже хотел потрогать прикрепленные на маршальском кителе четыре звезды Героя Советского Союза, но задержал руку на полдороге и, передумав, опустил её.

Всего залов было три. Энхбаяр отстал от губернатора, рассматривая фотографию Цеденбала. Зато за Туевым неотступно семенила невысокая сотрудница музея лет пятидесяти на вид: «Вера Ивановна, директор», - представилась она и негромко повествовала о жизни маршала в Монголии, рассказывала об экспонатах. Иванов не отставал от шефа, слушая её комментарии. В третьем зале они подошли к известной картине «Василий Теркин, или Отдых после боя».

- Эта картина – один из ценнейших экспонатов музея, это подлинник картины Юрия Михайловича Непринцева! - в голосе Веры Ивановны зазвучали нотки гордости. - Посмотрите на дарственную надпись.

Табличка гласила: «Глубокоуважаемому дорогому другу Цеденбалу от почетного гражданина Улан-Батора Героя МНР Маршала Советского Союза Жукова. 1974 год».

У этой картины необычная судьба, поведала экскурсовод. В начале 1950-х произведение очень понравилось Сталину, и он решил подарить его Мао Цзэдуну. Но при этом пожелал, чтобы её копия осталась в Москве. А когда Непринцев написал копию картины, именно её и подарили великому китайскому Кормчему, сейчас она хранится в Пекинской народной галерее. Через некоторое время художник решил подарить эту картину лично Сталину и списал её еще раз, но меньшего размера. Сталин подарил свою картину Жукову, а тот – Цеденбалу. Так что всего этих картин – три: в России, Китае и Монголии...

На другой стене висел великолепный портрет самого полководца с надписью «Музею Маршала Советского Союза Г.К. Жукова в МНР от дочери Марии». Военноначальник весело смотрел на сибиряков...

В дальнем углу зала накрыли стол для чая – персон на десять. Среди голубых чашек с блюдцами стояли скромные сахарницы, вазочки с конфетами, печеньем и вареньем. Тут же были хрустальные высокие фужеры и три больших бутылки с зелёными этикетками «Советского шампанского».

Вдруг откуда-то из внутренних помещений музея к столу пестрой стайкой высыпали радостные бабульки. Окружив Туева, они загладели, трогая его ладони, локти, оглаживая на нём пиджак своими сухонькими пальцами: «Мы о вас много слышали! Только по телевизору видели! А тут вы живьём!»

Все невысокого роста, худощавые, с короткими седыми причёсками с уложенными на прямой пробор волосами, они поначалу показались Олегу сёстрами-близняшками. Отличались лишь кроєм пиджачков, да цветом блузок. Но приглядевшись внимательнее, Иванов заметил разницу в чертах испещрённых морщинками лиц. По-разному у каждой выглядели и планки наград на левой стороне груди, заменяющие ордена и медали: у кого-то они выстроились в два, у кого-то – в три, а то и в четыре ряда. На фоне женского гомона два пожилых ветерана – тоже с рядами наградных лент – скромно переминались с ноги на ногу в углу.

Губернатор в первые секунды неожиданной встречи чуть оторопел, на лице мелькнула растерянность и тут же сменилась широкой обаятельной улыбкой. Иванову эта улыбка шефа была хорошо знакома. С её помощью он покорила не одно сердце своего избирателя, в эту его добрую, человеческую улыбку ветераны влюблялись с первого раза и навсегда.

В ответ Туев начал пожимать протянутые ему робкие ладони, приобнимать худенькие женские плечи, потом шагнул навстречу мужчинам, протянул им по очереди свою большую пятерню: «Туев! Антон Туев!»

- Это наши ветераны! – вмешалась, наконец, в ситуацию Вера Ивановна. – Все – русские. Все – участники войны, халхин-гольских боёв. С тех самых событий остались и живут здесь, в Улан-Баторе.

Кто-то, кажется, Беков открыл и разлил по фужерам шампанское. Туев поднял бокал:

- У дружбы монгольского и русского народов много памятных дат, но сражения на Халхин-Голе имеют особое место. Благодарная память о её героях, о Георгии Константиновиче Жукове будет вечно жить в нашей памяти и в наших сердцах, - негромко сказал он, вглядываясь в лица ветеранов. - Пусть война никогда не повторится! Вы – настоящие герои, живая легенда... За вас, за ваши подвиги, за ваше здоровье! – он по кругу обходил участников встречи, осторожно соединяя свой фужер с их бокалами, от чего по притихшей комнате потёк тихий, чистый хрустальный звон.

«Звон хрустальный раздаётся, то ль из ада, то ль с небес... За моим плечом смеётся то ли ангел, то ли бес...» - всплыли под этот звук в памяти Иванова услышанные когда-то строчки стихов. Однако торжественность тут же разрядила одна из бабулек, вынырнув из-за спин подруг:

- И мне! И я хочу с Туевым чокнуться! - затарахтела она, протянув к Антону руку с фужером. Снова зазвенел хрусталь.

- Ну, Антоновна, даёт! – засмеялись вокруг. – Ты его ещё поцелуй!

- А что! – Антоновна на цыпочках потянулась к губернатору. – Дай, сынок, я тебя поцелую... Не бойся!

Тот смутился, наклонился навстречу, подставил щеку её тонким, некрашенным губам. Антоновна быстро прикоснулась к его лицу, потом глотнула вина и торжествуя посмотрела вокруг. А Туев оглянулся на перегородившую зал стеной делегацию. Поманил Ларина, кивнул Бекову: подойдите, три их головы склонились вместе. После этого Ларин с Бековым покинули зал, протиснувшись сквозь строй сибиряков. А на середину вышли артисты в костюмах, смешливый баянист встал у стены и растянул меха. Под «Яблочко» симпатичные парни и красивые девушки принялись отплясывать такой зажигательный танец, что ветераны отставили чай в сторону, перестали грызть печенье и от души хлопали в такт танцорам. Хлопал в ладоши так и не присевший к столу Туев, хлопали все, кто был в

зале. Только Андрей не отрывался от видеоискателя камеры, да Иванов щёлкал фотоаппаратом.

Даша Большова в красивом белом сарафане со своим Лёшей в косоворотке навыпуск и брюках, больше напоминавших джинсы, спели «Подмосковные вечера», «Катюшу» и «С чего начинается Родина». Многие подпевали, ветераны пели с душой – в глазах блестели, катились по щекам слезинки.

Тут к Туеву подошёл Беков, в правой руке он держал небольшую стопку белых конвертов. Губернатор шепнул ему несколько слов, и Виктор Иванович, прочистив горло, громко объявил:

- Прошу минуту внимания!

Гармонист шумно сдвинул меха, гул голосов стал плавно затихать, будто невидимый режиссёр мягко вывернул ручку звука у радиоприёмника.

- Сегодня у нас необычный день, - с пафосом начал Беков, поглаживая усы и бородку. – Мы отдаём дань памяти нашему великому полководцу Георгию Константиновичу, всем героям тех страшных, кровопролитных боёв. Среди нас сейчас живые участники сражений на Халхин-Голе. За их личный вклад в победу над врагом, за активное участие в укреплении дружбы между Российской Федерацией и Республикой Монголия наш губернатор принял решение наградить ветеранов денежной премией!

Они с Туевым пошли вдоль стола. Беков подавал губернатору конверты, а тот вручал их ветеранам, обнимая, поживая им руки, благодарил коротким «Спасибо!»...

С Альтманом Иванов и его коллеги расстались возле гостиницы. Был вечер пятницы, и Александр советовал им сходить в «ночник» – ночной клуб. «Или в кафе посидите, - предложил он Олегу на прощание. - В последние годы они растут здесь, как грибы. И что характерно, все востребованы. Но при желании, свободный столик всегда найдёте».

На полчаса все решили разойтись по номерам: руки помыть и переодеться. А потом сходить, выпить кофе.

...Тротуары вечернего проспекта Мира, на который они вышли, были заполнены празднично гуляющими обитателями столицы. Яркий свет фонарей придавал летней улице особый уют. Навстречу сибирякам попадалось много молодых улыбающихся лиц, неторопливо шли женщины с детскими колясками. Многие родители вышагивали с маленькими детьми, и Иванова особенно умиляло, что даже трех-четырёхлетних малышей на шее висели сотовые телефоны. Такого как-то не встречалось в российских городах. Особенно радовали его девушки с раскосыми тёмными глазами. При этом причёски некоторых, окрашенные в светлый, каштановый или даже рыжий цвет, выглядели необычно.

- Обратите внимание, - разглагольствовал он, обращаясь к своим спутникам, - высокие девахи с ногами от шеи и в мини-юбках – это

городские монголки. Видите, они надменные, дефилируют, как манекенщицы по подиуму...

Тамара слушала рассуждения Олега с саркастической миной на лице, Марина ехидно улыбалась, а он не обращал на них внимания, делился своими наблюдениями:

- А которые маленького роста, коротконогие, с тёмной кожей, улыбчивые – эти степные, с детства на лошадях умеют ездить...

Часто попадались сувенирные киоски и лавки, в которых они разглядывали многочисленные фигурки Будд, гипсовые бюстики Чингисхана, деревянных лошадок, кожаные брелоки, местный кашемир. Прошли мимо драматического театра, немного дальше – на противоположной стороне проспекта – увидели огромное здание национальной библиотеки.

Впереди на перекрёстке, где от проспекта под острым углом влево уходила небольшая улица, стояло одноэтажное кафе с широкой летней верандой, огороженной декоративным забором, красочно подсвеченной и уставленная квадратными столиками. Большинство из них были заняты, но Олег углядел в глубине свободный. «Быстро за мной!» - скомандовал он и, в два прыжка обогнув несколько столов, уселся на тяжёлый деревянный стул.

Все проскочили за ним, отдышались и стали с интересом оглядываться вокруг. Народ здесь был самый разнообразный. В основном, за соседними столами сидела молодёжь, но встречались и люди гораздо старше. Среди многочисленных восточных лиц светлыми пятнами выделялась публика с европейскими чертами. На небольшом подиуме четверо музыкантов: два гитариста, клавишник и ударник, - старательно выводили негромкую мелодию, позволяя посетителям нормально общаться.

К сибирякам подошла молоденькая официантка в белом фартучке, волосы собраны на затылке в тонкий хвост.

- Сайн байна уу! Та нар юу захиалах? - с равнодушным видом спросила она.

Иванов вопросительно посмотрел на Алову, та пожала плечами, дескать, тоже не понимаю.

Девушка с интересом осмотрела их компанию:

- Have you decided, what you want to order? – перешла она на английский.

- Мы из России, - ответил ей Олег. – Раша! Понимаешь?

Узкие глаза испуганно округлились, девушка крепко прижала к груди карточки с меню, которые она им так и не раздала и убежала внутрь здания.

- Ну вот, напугал девушку! – засмеялся Андрей. – Не будет нам кофе.

Но тут к столу подошёл официант, лет сорока, в светлой рубашке, чёрные брюки прикрыты белым фартуком.

- Добрый вечер. Вы русские? – спросил он почти без акцента. – Что будете заказывать?

- Кофе хотим, - сказала Алова. – Мне большую чашку латте и пирожное.

- И мне... И мне, - повторили все за ней по очереди.

- Принесу вам по куску монгольского торта, - предложил официант. – Свежий, - уверенно добавил он. – Сегодняшний. Это вкусно.

- Несите, - согласился Олег. – Скажите, у вас не все по-русски говорят? Нам казалось, что в Монголии все наш язык знают.

- Знали, - улыбнулся мужчина. – Когда-то его все учили. Сейчас молодёжь больше учит английский, - он записал их заказ в блокнотик и ушёл.

Иванов заметил, что сидевшие за соседним столиком две местные посетительницы в коротких тёмных топиках и голубых джинсах с интересом поглядывают на их компанию. Причём, та, что сидит к ним спиной, оглядывается безо всякого стеснения. У той, что сидела к ним боком, тёмные волосы были завиты мелкими кудряшками, её левую руку – от голого плеча до локтя – украшала синяя татуировка, изображающая сложный национальный узор. Половину её лица скрывали дымчатые очки, которые она приподнимала, когда бесцеремонно разглядывала соседей. Потом головы соседок соприкасались, и они болтали и хихикали.

- Нельзя же так откровенно! – не выдержал Андрей. – Пойду, познакомлюсь... - он решительно встал и направился к соседнему столу.

Олег со спутницами наблюдал, как их оператор говорил с девушками, оживлённо жестикулируя, и та, что сидела боком, глядела на него с явным интересом, посмеиваясь. Обе отрицательно качали головами.

Минут через пять Андрей вернулся:

- Они по-нашему ни бум-бум, - хмуро отчитался он. - А я – ни по-ихнему, ни по-английски. Так что контакта не получилось!

- А нашей компании тебе, Андрюша, уже не хватает, - Марина взяла парня за руку.

- Не ревнуй, - Алова ласково погладила подчинённую по спине. – Не нагулялся он ещё.

Иванов лишь многозначительно подмигнул Андрею.

Кофе и монгольский торт оказались очень вкусными и недорогими...

В субботу утро было солнечным, и день обещал быть жарким. Монгольский вице-премьер спозаранку увёз Туева на вертолёте в горы. Журналисты были предоставлены сами себе. Часов в девять Олег набрал номер Альтмана: «Привет, Саш! Скучно сегодня без тебя, - пожаловался он. – Может, замутим чего до обеда?»

- А после обеда что? – вопросом на вопрос ответил Альтман.

- После обеда наши поедут на фабрику «Гоби», и мы решили с ними...

- Ох, - вздохнул Альтман. – Ладно, с тебя пиво! Знаю одно интересное местечко. Кстати, технику, захватите. Но подъеду через часок, у меня всё-таки семья...

Ехать предстояло в горы, на северо-восток от Улан-Батора. Олег сидел рядом с водителем и с интересом посматривал в окно.

На выезд из города двигался плотный поток машин. На взгляд Олега, некоторые едущие впереди водители совершали немыслимые, даже опасные «пируэты». То и дело на разные голоса звучали резкие гудки автомобилей.

- Как ты тут едешь?! – воскликнул он, ухватившись за ручку двери, когда Альтман увернулся от внезапно свернувшей на его полосу автомашины, сердито просигналив клаксоном.

- Да-а! – многозначительно протянул Александр. – Тут держи ухо востро. Я привык, что тут почти никто поворотники не включает, каждый норовит тебя подрезать и влезть перед тобой. Правда, сигналият при этом! Для местных библикнуть – святое дело. Первое время каждый раз вздрагивал, думал, всё: авария...

- Саша, если не секрет, скажи, куда мы едем? - перебила его с заднего сиденья Тамара.

- Едем в национальный парк Горхи-Тэрэлж, - ответил Альтман. - Там есть Долина динозавров. Места обалденные! От Улан-Батора километров шестьдесят.

Сразу за городом дорога сузилась, однако под колёса авто продолжал ложиться довольно приличный асфальт. Попутных машин стало поменьше, зато встречный поток транспорта наоборот усилился. Навстречу им – в столицу – ехали «крутые» джипы, полные пассажиров.

- Это владельцы табунов и коровьих стад, - пояснил Александр. – В город едут на выходные. Семьями, - повернул он на секунду голову к Иванову. – Обрати внимание, на задних сиденьях сплошь ребяташки сидят.

- И правда, - пригляделся Олег к очередному «Лэнд Крузеру». - Забит детьми.

Вдоль дороги потянулись хребты гор. За окнами машины проплывали красивые горные пейзажи, перемежаемые узкими распадками или лесистыми долинами природного заповедника. Альтман плавно свернул на просёлок и остановился недалеко от небольшого деревянного моста, перекрытого полосатым шлагбаумом.

- Посидите, я сейчас, - кивнул Александр и вышел из машины навстречу тучному аборигену в футболке камуфляжной раскраски и красной бейсболке.

Они, не торопясь, пожали друг другу руки и завели беседу, которой в салоне автомобиля не было слышно. Вернулся Альтман минут через двадцать, завёл мотор. Шлагбаум поднялся, и они осторожно въехали на мост через небольшую шуструю речушку.

- У них вход на территорию заповедника платный, - сообщил спутникам Альтман. – Но журналистам из России разрешили проехать за так...

- А для журналисток? – хихикнула Марина.

- Для журналисток – тем более, - улыбнулся Александр.

Они неспешно ехали по каменистому просёлку, который тянулся вдоль горного склона. Перед ними неторопливо раскрывался один из самых живописных в Монголии национальных парков, окружённый кольцом гранитных скал, поражающих оригинальными формами и нагромождениями. Вдали, справа от скал, показались кирпичные домики – красные на зелёной траве.

- Это турбаза, - по ходу комментировал Александр. - Там дальше и юрты есть для желающих. - Местные приезжают, чтобы пожить, искупаться в чистой речной воде, красотой насладиться, тишиной. А дальше, за домами стоят динозавры. Приглядитесь...

- Точно! – завопил Андрей. – Вижу! Здоровые!

Олег тоже заметил фигуры необычных животных, расставленные по склону тут и там.

- Сейчас подъедем ближе, разберёмся, - успокоил их Альтман, осторожно выруливая между поросшими травой камнями.

Машину оставили возле турбазы и на площадку с динозаврами пошли пешком. Среди громадных чудовищ одно выделялось своим громадным ростом и размером туловища, мощным хвостом, длинной тонкой шеей с маленькой головой, здоровыми как у слона ногами.

- Этот, кажется, диплодок называется, - объяснял Александр. – Причём, этот гад питался травой и листьями. Мозг у него был размером с куриное яйцо.

Сибиряки разбрелись по поляне, разглядывая застывшие фигуры живших когда-то на земле животных. Вблизи стало понятно, что скульптуры были вылеплены грубовато, из бетона, не окрашенные, цементно-серого цвета. Однако на фоне дикого пейзажа они выглядели более чем реалистично. Андрей снимал их на видео. Тамара с Мариной ушли к валуну, на котором восседал маленький динозаврик. А Олег слушал Альтмана.

- Монголию считают родиной динозавров, - рассказывал тот. – Здесь в пустыне, в горах уже немало их костей нашли и находят до сих пор. Этот, - показал он на фигуру, напоминающую здорового петуха с изящно выгнутой шеей и высоким гребнем, - овиратор, он яйца откладывал, птенцов высиживал.

Чуть левее неизвестный скульптор соорудил бетонную группу: огромный динозавр с мощной головой на могучей шее, толстыми задними ногами, с дюжей шишкой на конце длинного хвоста и недоразвитыми передними конечностями вцепился зубами в маленького, шею, плечи и бока которого украшали крепкие ряды шипов, они торчали у него в разные стороны даже на хвосте. «Большой – это тарбозавр, плотоядный, весом тонн в десять, - Альтман продолжал экскурсию. – А маленький, с бронёй – это гастания. Весит с тонну, ест только растения».

- Шипастый напоминает необычного ёжика, - Олег внимательно рассматривал малыша. - Саш, откуда ты их всех знаешь?

- Ха! – хохотнул Альтман. – Знаешь, сколько раз я тут бывал?! И с семьёй, и с гостями. Я про этих динозавров уже раз десять в контору заметки писал, - похвалился он. – Наизусть их выучил. Вон тот, - он поднял указательный палец, - хищный тарбозавр, а этот – утконосый – зауролоф. Кстати, простые монголы считают своих динозавров драконами...

Обратная дорога посреди великолепных пейзажей заняла около часа. У гостиницы стоял большой экскурсионный автобус, у которого толкались знакомые сибиряки. Когда джип Альтмана встал возле автобуса, к нему подошёл Беков.

- Общий привет! - сказал он. – Александр, хорошо, что я тебя встретил. Мы сегодня даём официальный приём в Российском посольстве. Туев просил передать тебе приглашение. Начало в шесть вечера. С костюмом можешь не заморачиваться, форма одежды свободная. А вы с нами на фабрику едете? – наконец обратил он внимание на Иванова с компанией. – Тогда прошу в автобус.

Желающих поехать на фабрику «Гоби» было хоть отбавляй. Поэтому сидячих мест в автобусе не хватило, кое-кому пришлось ехать стоя. Рослый, широкоплечий водитель ловко управлялся со своим огромным авто в плотном потоке машин, беспрестанно давил на клаксон. Они проехали по знакомой уже улице Мира, автобус сделал несколько поворотов и вскоре остановился на большой стоянке перед главным корпусом предприятия «GOBI», если верить большим буквам на его четырёхэтажном фасаде.

Делегацию встретил маленький, тщедушный, чернявый человечек в строгом тёмно-синем костюме с белой карточкой на лацкане с неожиданным для монгола именем Максим и довольно сносно объяснил по-русски, что он помощник главного инженера фабрики и готов провести экскурсию по цехам. А для тех, кому это неинтересно, работает магазин фабричных товаров, туда можно пройти самостоятельно.

Тамара с Мариной решили сразу начать с магазина, а Олег и Андрей отправились осматривать фабрику. На экскурсию набралось человек пятнадцать. И начали они с цеха первичной переработки и мойки шерсти.

Большая часть цехового пространства была заставлена огромными металлическими ящиками, доверху набитыми сырой шерстью, остриженной

с коз, овец и яков. Запах здесь стоял, конечно, специфический. Мимо экскурсантов то и дело сновали автопогрузчики на электрической тяге. Рулевые погрузчиков ловко подцепляли очередной ящик, и везли его в ту часть цеха, где располагались широкие ванны, наполненные пенистой жидкостью для мойки шерсти. Женщины в серых халатах перекладывали шерсть из ящиков в ванны.

Андрей начал снимать, как монголки управляют с инструментом, напоминающим не то лопату, не то грабли.

- Технологическая линия включает в себя стиральные и сушильные машины, - рассказывал сибирякам Максим. – Отсюда начинается высокое качество нашей продукции.

- Наша компания двадцать лет сотрудничает с главными модельерами Европы и Америки, - ответил он на чей-то вопрос. – Наша «Гоби» диктует моду в мире кашемира.

- Что такое кашемир? - переспросил Иванова Максим, когда они перешли в цех, наполненный длинными рядами вращающихся бобин, на которые под ровный мощный гул наматывались тонкие шерстяные нити белого и серого цвета. Здесь тоже работали женщины, но в брюках и лёгких шлёпанцах. - Это самый нежный козий пух, из которого мы делаем лучшую в мире шерсть! - он гордо вздёрнул вверх подбородок.

- Кроме высокого качества, наше преимущество перед конкурентами – цветовая гамма, - Олег заметил, что смуглое лицо помощника главного инженера порозовело от самодовольства. - Мы шерсти придаём более восьмисот вариантов цветов! Больше нет ни у кого. Но в цех окраски мы не пойдём, там посторонним нельзя...

По узким длинным коридорам они шагали туда, где расположилось ткацкое производство. Высокие длинные станки ровно гудели, быстро и равномерно укладывая тысячи нитей в бесконечное полотно. И здесь возле станков маячили только женские лица.

- На фабрике работают больше тысячи человек. На четыре пятых это женщины, - перекрывая станочный шум, громко пояснял Максим. – А сейчас посмотрим кройку и шитьё...

Когда Олег с Андреем и другими экскурсантами, наконец, попали в магазин, основная часть делегации придирчиво примеряла, тщательно расплачивалась, радостно следила, как продавцы упаковывали обновки. Кое-кто уже спешил с покупками в автобус.

Сибирские директора и бизнесмены брали всё, что только можно: верблюжьи одеяла, пледы, покрывала и шали. Покупали кашемировые пальто, свитера, кофты, футболки, платья, джемперы и шарфы – себе, детям, жёнам и другим женщинам.

Тамара с Мариной прохаживались по магазину – одна с большим пакетом, другая с маленьким.

- Свитера дочерям взяла, - сказала она Иванову.
- Молодец! - похвалил он.
- Да, ладно, - смутилась она. – Если бы Ларин не помог...
- А я перчатки себе купила, - показала свой пакетик Марина. – На большее не хватило.
- Через десять минут уезжаем, - подошёл к ним Виктор Иванович Беков. – А почему ты, Олег, без покупки?
- А вы? – переспросил Иванов.
- Так в прошлый раз набрал, одних одеял – три штуки!
- А у меня... - замялся Олег.
- Пойдём, быстро! – Беков ухватил его за рукав и потащил в отдел мужской одежды. - Давай, выбирай что-нибудь.
- Да, неудобно, Виктор Иванович! – слабо отбивался Иванов.
- Давай, не стесняйся. Подарок от меня. Свитер, джемпер?
- Вот жилетка, - потянул Олег с полки мягкую вещь тёмно-зелёного цвета. – Кажется, мой размер!
- Примерь, - потребовал Беков.

Олег послушно надел поверх рубашки нежную на ощупь жилетку.

- Тебе идёт, - уверил Беков и вынул из кармана портмоне.

...Пешком от гостиницы до посольства по проспекту Мира было не больше пятнадцати минут. Однако Олег убедил своих, что лучше ехать со всеми в автобусах: «Так проще попадём в посольский городок – без формальностей и проверок». Быстрее всех согласился Андрей, потому что Марина попросила его взять с собой камеру, чтобы писать интервью для предстоящей передачи.

Ворота на въезде мягко откатились, и они оказались на российской территории Улан-Батора. Сплошной железный забор отделял от городской суеты трёхэтажное здание посольства, многоэтажный жилой дом и школу, спортивные площадки и клумбы, газоны, зелёные уголки и многочисленные вспомогательные строения посольского городка.

Приглашённые столпились в холле перед входом в большой зал приёмов на первом этаже посольства. Ближний к входу в зал угол холла занимал широкий чёрный рояль. Любопытный Олег заглянул внутрь: высокие стены были отделаны деревянными плитами желто-коричневого цвета, пол выложен светлым паркетом. Большие окна в стене слева задрапированы лёгкой прозрачной тканью. По обеим сторонам красной дорожки, которая делила зал на две половины, стояли ряды столов. Официантки раскладывали холодные закуски: салаты, нарезанные овощи и кружки колбас, куски рыбы и монгольских лепёшек с сыром. Среди бутылок с

минералкой стояла водка и разные – белые и красные – вина. Стол для президиума у дальней стены тоже украшали тарелками с едой. Стульев не было, обедать предстояло стоя.

Когда дали команду занимать места, Олег с журналистами встал подальше от президиума – возле стены с окнами, где стеклянная дверь вела на открытую летнюю террасу со столиками. К ним присоединился и Альтман. Гости зазвенели посудой, нетерпеливо накладывая закуски и наливая в стаканы и бокалы напитки по вкусу. Среди двухсот приглашённых мелькало много монгольских лиц.

Заиграл торжественный марш, и через боковой вход к главному столу подошли губернатор Туев, премьер Энхбаяр, посол Дерковский, все в тёмных официальных костюмах. Четвёртым за этим столом был невысокого роста военный в парадном костюме генерала монгольской армии.

- Кто это? – показал Олег на военного.

- Жугдэрдэмидийн Гуррагча, - скороговоркой пробормотал Альтман.

- Кто, кто? – переспросил Андрей.

- Первый монгольский космонавт. – Альтман посмотрел на них с недоумением, мол, как вы этого не знаете?! – Герой Монголии...

Музыка стихла, и раздался голос Бекова. «Дорогие друзья! – произнёс Виктор Иванович в стоящий в центре зала микрофон. – Официальный губернаторский приём объявляется открытым».

Андрей включил камеру. «Только столы не снимай», - предупредил Олег.

Первым взял слово Антон Туев. Высокий, подтянутый, серьёзный, он подвёл итоги визита сибирской делегации. Напомнил о своих переговорах с президентом Багабанди и премьером Энхбаяром, о деловых встречах бизнесменов и подписанных новых соглашениях. «Двусторонние отношения региона с Монголией развиваются поступательно, - говорил он. - Товарооборот увеличился, продвинулись отношения в области культуры и образования. Студенты из Монголии начали обучаться в наших вузах и техникумах».

- В Улан-Баторе уже открыт филиал нашего государственного университета, - сообщил губернатор. - А 150 монгольских юношей и девушек в сибирских вузах осваивают профессии педагогов, врачей и инженеров...»

Выступление Туев закончил тостом за развитие и углубление всесторонних отношений, за дружбу и сотрудничество. За тост выпили все, даже Тамара подняла бокал с вином, заботливо налитого Альтманом.

Беков объявил русский танец наших артистов. Гости ели, пили и хлопали. Потом говорили Энхбаяр, Дерковский, исполняли песни Даша и Лёша.

Официантки подали на столы тарелки с горячими кусками варёной баранины. Большинство гостей с удовольствием принялись за мясо. Среди них был и Иванов. Зато Андрей отодвинулся подальше:

- Я этого не съем даже под дулом пистолета, - выговорил он чуть заплетающимся языком.

- Ты на спиртное не налегай, - заметил Олег. – Закусывай всё-таки.

- Всё нормально, - кивнул Андрей. – Мы с Мариной ещё работать будем. Она с Гуррагчой договаривается об интервью...

Тут заиграла протяжная восточная музыка, высокие двери зала распахнулись и двое рослых официантов в длинных белых фартуках и белых перчатках пронесли по красной дорожке широкое блюдо из серебристого металла. На нём лежало нечто огромное, пышущее жаром, похожее, на неискушённый взгляд Иванова на наполненную всякой всячиной бесформенную сумку. За официантами важно шествовал среднего роста толстый монгол весь в чёрном, в его правой руке поблескивал внушительный нож.

- Что это, Саша? – повернулся он к Альтману. – Расскажи про тонкости монгольской кухни.

- Вкуснятина необыкновенная! – повёл тот носом. – Курдюк это, его большой баран нагулял. А они нафаршировали его салом, бараньим, говяжьим и конским мясом, травами, специями и сварили. Монголы делают это только для почётных гостей. Мужик с ножом – это повар, он его и приготовил. Всем дадут попробовать.

Блюдо установили на главный стол. Стоящие у стола по очереди вдохнули аромат еды, после этого Энхбаяр кивнул важному господину с ножом. Тот подступил к блюду и короткими взмахами отсёк от курдюка первые куски. Официанты ловко разложили их по тарелкам высоких гостей и наполнили бокалы. Олег видел, как премьер-министр что-то произнёс и поднял свой бокал, они разом сомкнули стекло, выпили и принялись за еду. По выражению лица губернатора Иванов понял, что Туеву нравится.

Весь зал тоже следил за главным столом. А там, видимо, решили совершить вояж по шеренгам участников приёма. Один официант подхватил блюдо с курдюком, второй взял бутылку с яркой этикеткой, толстый монгол – свой нож, а высокопоставленные персоны – бокалы, и вся процессия двинулась к ближайшему столу. Всем, кто там был, отрезали по куску закуски, налили водки или вина, Туев сказал короткое приветствие и двинулся вдоль стола, чокаясь с каждым отдельно. За ним с широкими улыбками на лицах последовало остальное начальство. А толстый внимательно следил, чтобы гости не забывали закусывать спиртное жирными кусками. Запах кушанья уже разнёсся по всему залу.

Процессия медленно переходила от стола к столу. Над ожидающими своей очереди рядами висела тишина, разбавленная едва слышной музыкой, да очередными приветствиями губернатора.

- Я этим закусить не смогу! – заволновался Андрей. – Я бараний жир не ем! Может, мне пока уйти?

- Куда?! – остановил его Олег. – Нельзя так демонстративно, этикет нарушишь...

Альтман налил оператору полный стакан водки: «Хорошенько запьёшь, и не почувствуешь».

А процессия уже приближалась. Увидев Альтмана, Тамару с Ивановым, Туев расцвел в улыбке:

- Вот вы где?! А я уж думал, потерялись... Ну, давайте выпьем за талант наших журналистов!

Приветливо улыбались Энхбаяр с Гуррагчой и российский посол. Все чокнулись, выпили, причём, Андрей осушил свой стакан до дна и настороженно замер. Всем на тарелки положили по куску от курдюка.

Олег, Альтман и Тамара с Мариной подцепили вилками угощение и боязливо откусили тёплого сала. Зато Александр удовольствием поглощал жирный шматок и быстро справился со своей порцией. Иванов ел медленно, при этом как бы одобряюще покачивал головой. Примерно так же кушали Тамара с Мариной.

Только Андрей всё никак не мог поддеть на вилку свой кусок. Олег видел, что из-за этой заминки все взгляды участников шествия сошлись на операторе. Улыбка сбежала с лица Туева, а повар зло щурил свои и без того узкие глаза.

- Давай... – прошипел Олег, незаметно ткнув Андрея локтем в бок.

- Давай, давай! – громко сказал Андрею повар и поднял руку с ножом.

Оператор набрал в лёгкие побольше воздуха, поднёс ко рту нанизанный, наконец, на вилку желтоватый кусок, зажмурился и немного откусил от него, положил оставшееся на вилке в свою тарелку, потом выдохнул через нос и принялся жевать.

- Вкусно! – похвалил за всех закуску Альтман, перехватил у Андрея вилку и стал доедать его порцию.

- Спасибо! – круглое поварское лицо расплылось в довольной ухмылке. – Ешьте на здоровье! – и делегация двинулась дальше.

Как только она оказалась у соседнего стола, Андрей издал глухой утробный звук, схватил ворох бумажных салфеток и, прикрывая ими рот, стремглав ринулся из зала...

Уже объявили перерыв, и публика потянулась – кто на летнюю террасу, кто в холл, а Андрея всё не было. Марина подхватила оставленную напарником под столом видеокамеру: «Пойду, поищу его», - тоже направилась в холл, Тамара – за ней. Олег с Альтманом вышли в стеклянную дверь на улицу.

Здесь, отражённые от окон, яркие солнечные лучи заставляли жмуриться и прикрывать ладонями глаза. Сибиряки стояли группками вперемежку с местными, курили, вели оживлённые пересуды, громко хохотали на остроты и шутки. На пластиковых столиках стояли вазочки с печеньем,

фруктами, сновали официантки, предлагая гостям чай, кофе или мороженное.

Олег с Александром заказали кофе и по два шарика пломбира.

- Отпад! - восхищался Альтман, уплетая холодную, сладкую массу, запивая горячим кофе. – Монголы почти не знают про мороженное и не выпускают его.

Прибежала запыхавшаяся Марина:

- Вот вы где! Олег, помоги нам записать Дерковского. Андрея надо поддержать.

- Не понял? – переспросил Иванов.

- Увидишь, поймёшь... - Марина потянула его за собой. – Мы Гуррагчу кое-как записали, а с послом – никак. Он совсем расклеился...

- Кто расклеился? Дерковский? – притормозил от удивления Иванов.

- Андрей расклеился! Увидишь, поймёшь... - повторила Марина.

Они выскочили в холл, где раздавалась громкая мелодия «Собачьего вальса»: это Алова сидела за роялем и лихо извлекала из инструмента развесёлые звуки. Под них человек десять нетрезвых мужчин отплясывали замысловатые антраша.

Марина тянула Олега дальше. Посла они нашли в одной из смежных с холлом комнат. Олег Михайлович и Андрей стояли напротив друг друга в этой пустом помещении. Дерковский взволнованно вытирал высокий вспотевший лоб концом своего красивого темно-синего галстука, а оператор уставился пустым бессмысленным взглядом в пол, цепко держа двумя руками камеру. Сам он оставался на месте, а его туловище при этом медленно раскачивалось вправо – влево.

- Я держу микрофон, Андрей держит камеру, Олег держит Андрея, чтоб не качался, - деловито распорядилась Марина. – Извините Олег Михайлович, сейчас начинаем...

Андрей пристроил камеру на правое плечо, включил, приложился хмельным безразличным глазом к видеоискателю, подкручивая левой рукой резкость на объективе.

- Я готов, - прошептал он. – Можно начинать...

При этом он продолжал ритмично качаться из стороны в сторону, как змея под аккомпанемент дудочки заклинателя.

Олег двумя руками ухватил видеокамеру за «корму», изо всех сил стараясь полностью погасить амплитуду колебаний операторского тела. Дело оказалось не из лёгких: залитое внутрь Андрея спиртное не сдавалось. Однако и Иванов старался как мог. И когда его руки затекли настолько, что он готов был послать всех к чёрту, Марина поблагодарила посла за интервью.

- Что нам делать с Андреем? – спросил Иванов у Марины. – Мы же не можем бросить его в таком виде.

- Ничего не надо со мной делать, - медленно, но чётко проговорил оператор. – Дайте немного водки, и я буду в порядке.

- Точно, - подтвердила Александрина. – Если ещё водки ему дать, он придёт в себя. Сходи, Олег, принеси. Мне неудобно...

Иванов, недоверчиво покачав головой, решил довериться опыту Александриной.

Через пару минут он осторожно вручил покачивающемуся Андрею стакан, на три пальца наполненный прозрачной жидкостью. Тот перестал качаться, понюхал стакан, передёрнулся, тряхнув головой, выпил двумя глотками и вытер губы рукавом. Его взгляду возвращалась осмысленность.

- Я же предупреждал, что не ем баранину, - сказал он с укоризной и твёрдым шагом вышел из комнаты.

...Когда Иванов лежал в гостиничной кровати и, в ожидании сна, прокручивал в памяти детали завершившегося долгого дня, по всему выходило, что монгольская командировка прошла удачно. Сквозь задвинутые неплотные шторы в комнату проникал свет ночных фонарей. Через открытую форточку доносился шелест колёс и резкие гудки автомобилей, которым не спалось даже в поздний час. Но закрыть форточку он не решился, через неё в нагретый дневным светом номер струилась прохлада, хлынувшая на город с окрестных гор. «У них в крови свобода вне пространства и времени, - сквозь сон вспомнил он слова Альтмана. – Вот же страна свободных людей».

...Их вылет домой был назначен в воскресенье на десять утра по улан-баторскому времени. Поэтому уже в начале десятого сибиряки шумной ватагой преодолевали пограничный контроль аэропорта. Пограничники не досматривали чемоданы, сумки и огромные авоськи с покупками, не поднимая глаза на гостей, они штамповали в их паспортах ярко-красные квадраты. Сдать вещи в багаж не получилось, по каким-то причинам не работала соответствующая служба аэропорта, пришлось тащить всё с собой в салон.

Иванов и коллеги втиснулись в передние кресла до отказа забитого покупками и людьми самолёта и перевели дух. Андрей тяжело вздыхал, то и дело стирая со лба капли пота. Тамара с Мариной притихли на заднем от Олега ряду. Дышать в самолёте становилось всё тяжелее.

- Когда же запустят двигатели? Когда включают вентиляцию? Мы тут задохнемся! - заворчали пассажиры.

- Туева ждём, - громко объявил Виктор Иванович Беков. – Ну-ка, братцы спойте нам, повеселите! – повернулся он к разместившимся в хвосте артистам.

Вскоре приглушённо заиграл баян, Лёша и Даша Большовы осторожно запели знакомую песню. Однако после второго куплета уже вся делегация оглушительно исполняла припев:

- А я хочу как ветер петь
И над землёй лететь,
Но так высока и так близка
Дорога в облака...

А тут и двигатели запустили, из кондиционера потянуло ветерком. Олег в иллюминатор увидел, как на борт поднимался Туев, он легко шагнул по специальному трапу в свой бизнес-класс. На перроне стояли провожающие: премьер Энхбаяр и посол Дерковский. На верхней ступеньки Туев повернулся и помахал им рукой, в ответ оба, как по команде, соединили ладони и подняли руки над головой.

По салону торопливо побежала миленькая, но слегка примятая стюардесса:

- Пристегнитесь, взлетаем, – хрипловатым голоском просила она пассажиров, но почти никто не обращал на неё внимания.

- Держи, Иванов! – из ряда сбоку в руку Олегу вложили пластиковый стакан, полный красноватой жидкости.

Олег понюхал содержимое посуды: пахло хорошим коньяком.

- Откуда? – спросил он соседа. Тот пожал плечами:

- Сзади передали. Сказали, что это за взлёт...

Олег привстал и окинул взглядом салон. Увидел приподнявшегося в средних рядах генерального директора «Сибюжугля» Ларина, тот махнул Иванову и крикнул, перекрывая гул: «Это презент!»

- А закусить? – прокричал в ответ Олег. Тут же, как по мановению волшебной палочки, ему протянули свежий огурец и кусок копчёной колбасы.

- Половина твоя, - предложил Олег оператору.

- Кто ж возражает, - Андрей потёр вспотевшие ладони.

Они выпили и захрустели огурцом.

- У нас, операторов, шутка есть: с утра выпил – весь день свободен, - философски изрёк Андрей.

Между тем, в салоне начался настоящий праздник. Звук баяна усилился. Над спинками кресел замелькали стаканы, бутылки с монгольским и российским зельем, хлеб, овощи и другая закуска. А самолёт всё стоял на месте и натужно гудел двигателями.

Второй тост, поддержанный всем салоном, выпили за мягкую посадку, третий был, как водится, за женщин и за любовь...

- А почему не взлетаем? – повис в воздухе чей-то вопрос.

Через четверть часа захмелевшая публика в открытую начала беспокоиться, ведь местное время неумолимо приближалось к одиннадцати, а они всё оставались на земле. Тут, как нарочно, шум двигателей начал ослабевать, раздался хлопок, и моторы совсем замолчали. Смолк и салон, пассажиры с тревогой вглядывались в окна. Из хвоста самолета в сторону кабины пилотов проскочила стюардесса. В ответ на все вопросы она лишь пожимала плечами.

- Что-то не так, - сказал Андрей, глядя ей вслед.

В окно Олег увидел, как к двери лайнера, в которую заходил губернатор, подкатили трап, к нему подъехал чёрный джип. Тут из-за шторок бизнес-салона выглянула стюардесса и объявила: «Прошу подойти господина Бекова». Виктор Иванович проворно подскочил к ней, и оба скрылись в бизнес салоне.

- Не так что-то, - согласился Олег. Он увидел, как по трапу спустился Туев и машина увезла его в сторону аэровокзала. Видели это и другие.

- Что случилось? – зашумели в самолёте. – Почему нам ничего не говорят?!

Вернулся Беков и громко сообщил, что вылет задерживается: «Аэропорт нас не выпускает, сейчас капитан выйдет и всё скажет...»

Следом за ним появился молодой высокий парень в белой рубашке с коротким рукавом и золотистыми погончиками на плечах.

- Тихо! – поднял он руку. - Я командир воздушного судна, хочу сообщить, что у нас всё нормально, но нам пока не дают разрешения на вылет...

- Почему, командир? – крикнул Ларин.

- Что случилось? Сколько ждать? – подхватили другие.

Пилот снова поднял руку:

- Спокойно, товарищи! Точно сегодня улетим. Только надо подождать. Дело в том, что у них «башня» не работает. Ну, то есть, диспетчерский пункт, - уточнил он. – Одна смена диспетчеров отработала и ушла, а новая смена не вышла... Тут рейсов-то, сами видите, очень мало. Вот и расслабились. Они сейчас диспетчера ищут, как доставят его на «башню», сразу полетим. Свобода у них такая, что мать её... У нас бы в минуту с работы вылетел... - он озабоченно почесал лоб.

- Так, давайте, пойдём на вокзал, - предложили из глубины салона.

- А вот этого сделать нельзя! – разъяснил командир. – Мы уже через границу прошли...

- Мы задохнёмся! – не унималась галёрка.

- Не задохнёмся, - успокоил пилот. – Я дал команду открыть все выходы.

И правда, по салону потянул лёгкий сквознячок.

- Ещё вопросы есть? – спросил командир и, выждав пару секунд, исчез за голубой шторкой.

- Да, дела! – Ларин вышел на середину салона. – Мужики, предлагаю налить, иначе не улетим. Виктор Иванович, есть предложение!

- Нет возражений! – в унисон ему ответил Беков. – И музыку нам дайте, коллеги!

В разных углах салона одновременно забулькало, сибиряки загомонили.

- Отпусти нас домой, Монголия! – крикнул Ларин и высоко поднял пластиковый стаканчик. Народ поддержал его единодушно и до дна.

- А ведь, пожалуй, ты одна, не пьёшь, Тамара,- обернулся Иванов к своим соседкам. – Может, примешь глоток.?

- Нет, - твёрдо произнесла Алова. – И так голова болит... Вон, Марина за меня принимает.

- Я же... - не очень внятно начала оправдываться Александрина, - немного...

Её заглушил звук баяна, баянист завёл мелодию «Катюши». Начали, как всегда, Большовы, дуэтом они исполнили только первые две строчки: «Расцветали яблони и груши. Поплыли туманы над рекой». Дальше аудитория десятками глоток подхватила: «Выходи-и-ла на берег Катюша...»

Олег с Андреем тоже пели, вернее, не пели, а изо всех сил орали песню со всеми вместе. Потом заиграли танцевальную мелодию. Ларин подошёл к креслу Александриной, галантно склонил голову: «Разреши, Марина?». Та встала, оправила юбку и блузку, и пара медленно поплыла по узкому проходу. На освободившееся рядом с Аловой место тут же присел знакомый директор сибирского тепличного хозяйства. В одной руке он держал стакан с вином, в другой – красную помидорину:

- Тамара, - он посмотрел на неё масляными глазками. – Предлагаю выпить!

- Это вы не по адресу, - ледяным голосом охладила Алова его пыл. – Не пью! И вообще, мешаете отдыхать...

Покрасневший директор ретировался, но остановить начавшееся в самолёте активное движение пассажиров уже было невозможно. С бутылками, стаканами, закусками одни протискивались к другим, наливали, выпивали, перемещались к третьим. Андрей ушёл в туалет и запропал.

Олег выпил уже немало, больше не хотелось, и он, как мог, отбивался от сыплющихся со всех сторон предложений. Пир продолжался ещё не меньше часа. В какой-то момент двое соседей привели и усадили на место едва живого оператора.

Гвалт стоял такой, что не сразу заметили, как Туев снова поднялся на борт, как заурчали и вышли на высокую ноту двигатели самолёта. Только когда лайнер дёрнулся и медленно покотил со стоянки к взлётной полосе, все поняли, что ожидание закончилось, и заорали мощное «Ура!» В салон

протиснулась стюардесса, пытаясь успокоить пассажиров, усадить их по местам. На неё никто не обращал внимания.

Самолёт по рулежной дорожке подъехал к началу разгона и остановился на старте. Двигатели заработали на полную мощность, от чего всё в салоне мелко-мелко задрожало. А сибиряки продолжали веселиться на полную катушку, половина пассажиров находилась на ногах.

Самолёт стоял на месте минуту, две, три. Вдруг в салоне раздался усиленный динамиками голос командира: «Дорогие земляки, говорит командир воздушного судна, - произнёс он. – Прошу внимания! – баянист оборвал мелодию на половине ноты. – Если вы сейчас не займёте свои места, мы не сможем взлететь, потому что, во-первых, это опасно, ведь можно получить травму, - пассажиры замолкли, глядя друг на друга нетрезвыми глазами. А командир продолжал. - Во-вторых, нарушена центровка лайнера, это тоже опасно, самолёт может накрениться и даже перевернуться в воздухе. Если вы хотите, чтобы мы нормально привезли вас домой, прошу всех занять свои места и пристегнуться!»

Тут со своего места встала Алова:

- Непонятно, что ли?! – закричала она во все горло. – Садитесь по местам, кому говорят! Скажи им, Олег...

Иванов вскочил с кресла и замахал руками:

- Мужики, по местам! По местам, мужики!

Разочарованно переглядываясь, пассажиры начали рассаживаться. По салону семенила стюардесса, приглядываясь к привязным ремням.

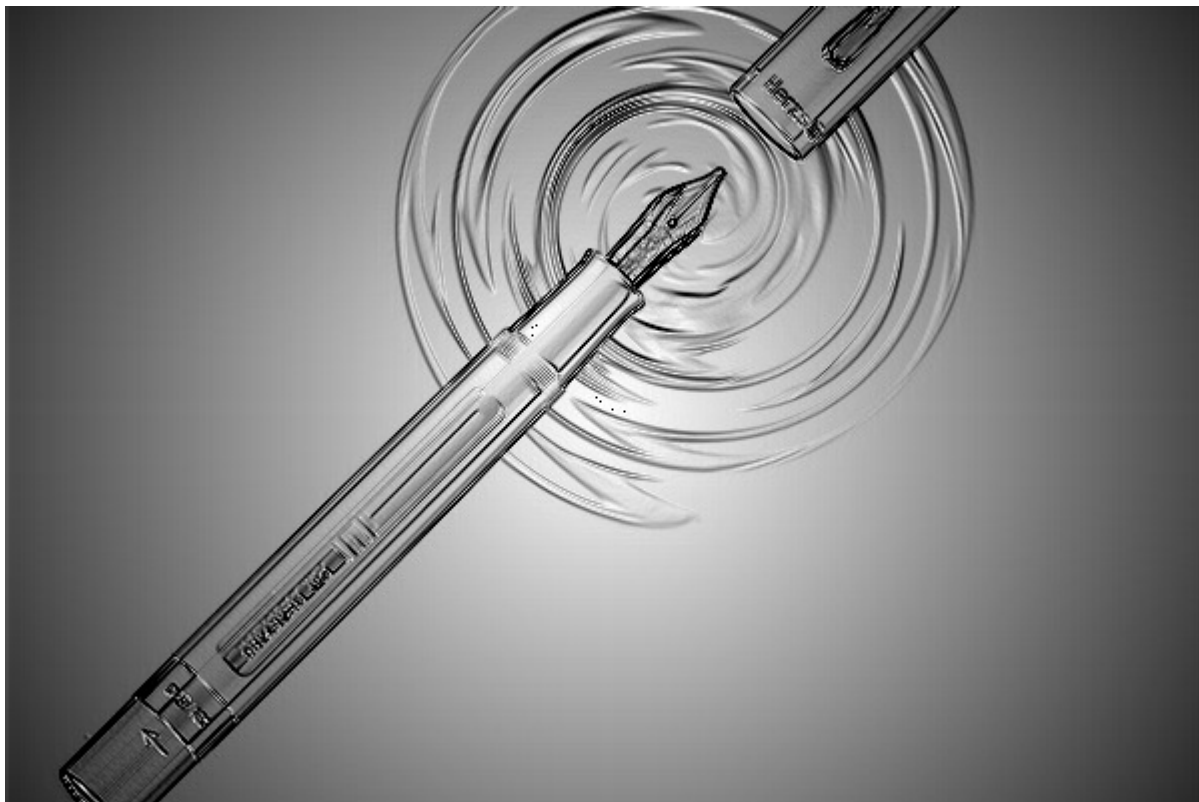
Самолёт тронулся с места, быстро разгоняясь, и плавно оторвался от монгольской земли...

В кабине пилотов командир скомандовал убрать шасси.

- Шасси убраны, створки закрыты, - прозвучал в наушниках голос второго пилота. - Кран шасси установил в нейтральное положение...

Ту-134 выходил на заданный курс. Под крыло медленно уплывал и удалялся Улан-Батор, улицы и кварталы которого с каждой секундой всё больше становились похожими на огромную карту в окружении горных хребтов. Однако Олег этого не видел, он крепко уснул в своём кресле.

«Писатель»

- Это дежурный первого поста, - раздалось в трубке, которую Олег снял с аппарата. - Вас тут на входе спрашивают. Представляется писателем.

- Сейчас подойду, - ответил пресс-секретарь губернатора Олег Иванов. Он быстро сбежал по лестнице со своего пятого этажа на первый, к главному входу в здание администрации Сибирского региона. Там его поджидал неизвестный – лет сорока на вид, среднего роста, плотный, смуглый мужчина в тёмно-коричневом мятом пиджаке.

- Мусатаев, Абдихамит, господин Иванов, - представился он и протянул Олегу руку.

«Потная», - подумал тот, пожимая пухлую ладонь. Но вслух сказал:

- Лучше просто – Олег.

Круглое лицо посетителя растянулось в почтительной улыбке, а узкие карие глаза превратились в щелочки.

- Я к вам, Олег-ага, приехал по рекомендации. Мне о вас рассказывали и в Москве, и в Алма-Аты, где я проживаю. Говорили, только вы можете мне помочь.

- Так о чём речь? – терпеливо переспросил Иванов, то и дело кивая проходящим мимо сотрудникам.

- Может, пройдем к вам в кабинет, я всё объясню, - заискивающе глядя в глаза Олегу, улыбался гость.

- Ладно, пропустите его со мной, - попросил Иванов дежурившего на входе рослого сержанта в милицейской форме.

- Хорошо, - кивнул тот в ответ. – Пусть документы предъявит.

Гость запустил руку во внутренний карман пиджака и вынул темно-синюю книжцу с тиснутым золотистом словами «Паспорт Республики Казахстан» на двух языках.

- Гражданин Казахстана, - отметил вслух сержант, записывая посетителя. А тот сразу переменялся: с лица исчезла подобострастность, появилось выражение собственной значительности. Он легко подхватил с пола толстый портфель хорошей чёрной кожи, и они двинулись к лифту...

У Олега в кабинете Мусатаев, не дожидаясь приглашения, уселся на стул у приставного столика к большому столу, закинул ногу на ногу и раскрыл свой портфель. Немного покопавшись в его внутренностях, он выставил перед Ивановым красивую пузатую бутылку, батон сырокопчёной колбасы, банку красной икры, упаковку чёрного нарезанного хлеба.

Олег слегка растерялся, но виду не подал, лишь нахмурил брови. За годы работы руководителем пресс-службы у губернатора Антона Туева приходилось сталкиваться и не с такими ситуациями.

- Что это? – спросил он на всякий случай, показывая на продукты.

- Это лучший казахский коньяк «Аль Фараби», - гость взял одной рукой бутылку за тонкое высокое горлышко, второй похлопал её по крутому боку. – Делаем по французской технологии, шесть лет выдержки! - с гордостью произнёс он, вновь сощурившись так, что Олег не видел его глаз.

- Так в чём ваша проблема? – попытался переменить тему Иванов.

- Давай, не будем торопиться, - перешёл на «ты» странный посетитель. – Кстати, зови меня Абдихамит или просто Хамит. – Гость снова заметно преобразился, в его движениях почувствовалась раскованность и уверенность.

- Выпьем, закусим, посидим... У нас так принято. А потом о делах поговорим, - он снова порывлся в портфеле, достал складной нож. – Давай какую-нибудь бумагу, колбаску порежем.

От колбасы исходил такой вкусный аромат, что у Олега потекли слюнки, да и дело шло к обеду. Однако он решил не поддаваться искушению с незнакомцем:

- Нет, - не очень твёрдо заявил Иванов. – Я на работе не употребляю...

- Конечно, конечно, - заулыбался в ответ Хамит. – Я тебя понимаю. Только со мной – можно. Мы же почти коллеги. Я писатель. – И он снова протянул Олегу потную ладонь.

Тот пожимать ему руку не стал, а просто хлопнул вскользь по ней ладошкой.

- Ладно, - не глядя на гостя, решил хозяин кабинета. – Предлагаю компромисс: чай с коньяком.

Иванов расставил на столике чашки, налил в них из электрочайника закипевшую воду, опустил по пакетику зелёного чая. Гость ловко откупорил свою красивую бутылку и долил в кипятильник янтарного напитка.

- А может, всё же не будем коньяк портить? – ещё раз предложил он хозяину.

На этот раз слово «нет» у Иванова получилось твёрже.

Хамит легко и громко отхлебнул горячего из своей чашки, растянул рот в улыбке: «Вкусно! У нас на родине этот коньячок самым крутым считается. Его на специальном заводе выпускают. Хочешь дорогого человека хорошо угостить, обязательно бери его, не оплошаешь».

Олег же долго примеривался к своей чашке, дул на её содержимое, осторожно прихлёбывал, не любил слишком горячее, да ещё сдобренное коньячным вкусом.

Он в открытую поглядывал на часы на руке, как бы приглашая посетителя к деловой части. Тот же только довольно жмурился, попивая чай, и явно никуда не торопился.

В это время громко тренькнул «главный» телефон, который отличался от других аппаратов, стоявших рядом на тумбочке у стола, тем, что не имел ни диска, ни кнопок набора. Иванов схватил трубку:

- Слушаю!

- Зайди, - услышал в ответ голос губернатора Антона Туева.

...Минут через двадцать Олег с совещания вернулся в свой кабинет. Гость уже в открытую пил из чайной чашки коньяк, смачно заедая его бутербродом из ломтя хлеба с толстыми кругляшами колбасы, прикрытыми красными горками икринок. Бутылка опустела почти на треть, отметил Олег, но ничего не сказал, а начал звонить подчиненным, передавая поручение начальства.

- Работы у тебя много?! – утвердительно спросил раскрасневшийся Хамит.

- Хватает, - буркнул Иванов. Его уже начали раздражать манеры гостя, и он, привыкший за годы работы к разным неожиданным встречам, начал подумывать, как бы избавиться от этого беспардонного хитромудрого посетителя.

А тот сидел основательно и никуда не спешил.

- Может, всё же погорим? – Олег вновь попытался взять инициативу в свои руки. – У меня дела!

- Ну что ты такой нетерпеливый! – развёл руками Хамит. – Давай так: я скажу, как только мы коньяк допьём. Олег-ага, прошу не отказываться! – и

он начал разливать содержимое бутылки в чашки.

- Я такой! – хохотнул он. – Как решил, так и сделаю...

- Ладно, - махнул рукой Иванов. – Давай свой коньяк. – Он залпом выпил, почувствовал приятное мягкое жжение в пищеводе. Напиток, действительно, был хорош.

А Хамит уже протягивал бутерброд с икрой.

- Люблю угощать хороших людей, - вновь расплылся он в масляной улыбке.

– А ты – хороший человек, я это понял.

«Чёрт с ним, пусть болтает», - думал Олег, расслабившись. Хамит, между тем, говорил без умолку, подливая из бутылки Иванову.

Тот уже захмелел и, не стесняясь, налегал на вкусную колбасу.

- Кушай, кушай, - подбадривал гость. – Мы, писатели, любим вкусно покушать! Что ещё нам нужно? – он поковырял ногтем мизинца в зубах. – Чтобы хорошо кушать, денежки нужны. Ты ведь против этого спорить не будешь?

- С этим не поспоришь, - мирно отрыгнув, согласно кивнул Олег.

Коньяк, наконец, закончился. И Хамит по-хозяйски приготовил чай. Хозяин кабинета осторожно прихлёбывал крепкий чай и незаметно боролся с подступившим желанием прикорнуть в мягком кресле, которое стояло у него в углу. Он видимо, ненароком выдал себя взглядами, которые он на это самое кресло бросал. «Да ты пересядь в него, удобнее будет», - ласковым голосом подбодрил его гость.

- И то, - махнул рукой Иванов на ситуацию. И перебравшись в свой «мягкий уголок», подпер щеку рукой и прикрыл глаза. Сквозь дремоту слушал нескончаемые разглагольствования алмаатинца о необходимости стимулировать писательское мастерство финансовыми вливаниями.

- У нас в республике ваш регион очень популярен, - как-то ненавязчиво перевёл разговор на другую тему Хамит. – А уж вашего Туева у нас уважают больше любого российского политика. Он же был министром по делам СНГ, контакты между нашими странами налаживал. А у нас многие по СССР вздыхают, жалеют, что Союз развалился...

- Ты к чему этот разговор? – сонным голосом перебил его Олег.

- Так я же книгу про вашего губернатора написал, - в конце концов осторожно начал гость разговор о цели своего визита. – Хочу её издать. Люди ждут её, я знаю. Но для этого, сам понимаешь, деньги нужны...

- Какую книгу? – не открывая глаз, зевая, спросил Олег. – Какие деньги? Как ты себе это представляешь? Где я их возьму?

- Так я у тебя их и не прошу? – вкрадчиво ответил гость, добродушно улыбаясь во весь рот. – Твоя задача с Туевым меня свести.

- С губернатором? – переспросил Иванов. – Зачем?

- Так моя книга – о нём! Читатели её ждут, хочу его имидж у нас в республике поднять. Ему это нужно... И он придумает, где доброе дело найти денег. Сведёшь меня со своим шефом, а я тебя за это отблагодарю! – «нажал» голосом на последнее слово Хамит.

В олеговом сонном мозгу тревожно блеснул отсвет красной лампочки... Он потёр руками лицо, помотал головой, стряхивая с себя сонливое состояние.

- А вот с этого места прошу ещё раз подробнее, - поднялся он с кресла и шагнул к своему рабочему месту. – Почему мой шеф должен тебя принять?

- Так ведь объяснил же, я книгу о нём написал, хочу ему показать... - как непонятливому ребёнку терпеливо начал повторять гость. – Обещаю, что отблагодарю.

- Про то, что ты предлагаешь взятку, я понял, - кивнул Олег. – Я про то, почему Туев-то должен? Что это за книга такая? Пока я её не увижу, ни о каких встречах не может быть и речи...

Гость замолк, в восточных глазах мелькнул испуг. Но он быстро взял себя в руки:

- Может, ещё коньяку? Я схожу...

- Нет, хватит, - Олег тряхнул головой, окончательно возвращая себе ясность сознания. – Говорю, сначала мне покажешь! Считаю, что я эксперт с полномочиями.

У Хамита челюсть так и отвисла. Он забормотал что-то малопонятное на русско-казахском, присел на уголок стула и пятернёй принялся яростно скрести волосы на своём жирном загривке, пытаюсь сообразить, что делать в этой ситуации.

Наконец, согласился:

- Конечно, покажу.

- Давай прямо сейчас, - настаивал Иванов. – Не детектив же ты сочинил?!

- Да нет, - осторожно сформулировал Хамит. – Это документальная вещь.

- А документы где брал?

- Собирал по архивам, по газетам...

- В Алма-Ате?

- Не только, - глаза Хамита растерянно забегали, он наклонился к своему портфелю, принялся копаться в нём. Потом вздохнул и извлёк на свет книжку в твёрдой обложке зелёного цвета. Он не отдал её Иванову, а повертел ею перед его носом.

Олег увидел заглавие на казахском языке, тиснутое золотыми буквами: «Бірінші халық басшы», - медленно прочёл он вслух, как мог, название книги. Было тиснуто и имя автора Абдихамит Мусатаев, это было понятно и без перевода.

- А дальше что? – спросил Хамита. – Как переводится? Что внутри? Имей ввиду, Туев вашего языка не знает. Но если надо, переводчик найдётся.

- Переводится? – переспросил автор, он помолчал, словно что-то прикидывая в уме, и нехотя процедил, – «Первый народный руководитель».

У Иванова где-то в серединке ёкнуло – почувствовал что-то знакомое в названии.

Пару лет тому назад он вместе с аналитическим отделом своей пресс-службы и с помощью сотрудников областной библиотеки и областного архива собрал немало документов и газетных вырезок о том, как в Сибирском регионе шла борьба за то, чтобы принять закон о выборах губернатора.

Настоящая битва шла между законодательным собранием, которое в то время возглавлял популярный Антон Туев, и бывшим губернатором – назначенцем российского президента. «Бывший» всяческими интригами и неправдами сопротивлялся тому, чтобы в регионе появился этот закон. Дошло до того, что собрание распустили, а Туев уехал в Москву, став в правительстве министром по делам СНГ.

Но и после этого политическая обстановка в регионе раскалилась до предела, экономика буквально остановилась, люди оставались без работы и без денег, ежедневно проходили митинги за отставку «бывшего». Всё шло к неуправляемому социальному взрыву. И президенту не осталось ничего другого, как назначить Туева губернатором. А вскоре тот ожидаемо с высоким результатом выиграл и выборы на эту должность.

В книге, которую выпустил Иванов, обо всём этом рассказывалось языком документов, публикаций и фотографий. Она завершалась указом президента о назначении Туева на должность главы региона. Правда, называлась книга Олега «Первый народный губернатор». На его вкус, звучало это несколько высокопарно, он хотел более простой заголовок, однако на названии настоял сам герой издания... Но как же близки по смыслу эти два названия!

- Я должен посмотреть книгу! – твёрдо повторил он. – Не могу подсовывать шефу неизвестно что. Иначе ни о какой встрече с Туевым не может быть речи.

- Нет, нет, – повторил Хамит. – Я покажу только ему. И не уйду отсюда до тех пор, пока губернатор не примет меня, - и он поудобнее уселся на стуле, закинув ногу на ногу, а руки заложил за голову. – Буду сидеть здесь хоть до утра.

- Здесь тебе не гостиница. Сейчас вызову охрану, и – до свиданья! Ищи дурака в другом месте. – Олег поднял трубку одного из телефонов. – Так что успевай собрать вещи.

- Я думал, ты хороший человек, а ты!.. – зло прошептал Хамит. – Ладно, на, смотри. – Только, что ты поймёшь, если языка не знаешь?! – он буквально швырнул книгу на стол Олегу, презрительно усмехнувшись.

- Ничего, разберёмся, – Иванов уселся на своё рабочее место и раскрыл зелёную книгу. На первой странице разместилась небольшая статья на казахском с фотографией Хамита. Судя по всему, вступительное слово автора.

Дальше шла подборка газетных публикаций. Олег узнавал названия газет Сибирского региона: на любом языке они читались одинаково. Потом следовали материалы под заголовком «Зан шығаратын жиналыс». Судя по виду, это были решения, постановления и законы парламента Сибирского региона. Между статьями располагались небольшие авторские комментарии.

Олег долистал книгу до первого блока фотографий. На самом первом снимке Туев выступал на митинге на главной площади областной столицы. Снимок Иванову был хорошо знаком, впрочем, как и все остальные. Единственное, что сразу бросалось в глаза, фото были напечатаны нечётко, изображения расплывались. «Сканированы с другой книги», – понял Олег.

Он уже узнал в книжке Хамита свою книгу «Первый народный губернатор». Слишком скрупулезно отбирал для неё материалы и помнил их, как говорится, до последней запятой. И даже свои комментарии узнавал, хоть они напечатаны на чужом языке, ведь писал их сам. И эти фотографии! Олег сам тщательно выбирал для печати снимки, расставляя их в книге по определённом смыслу.

Он листал книгу Хамита дальше, просмотрел второй и третий блок фотографий. Всё в точности совпадало с его книгой. Просмотрел завершающие страницы, здесь также заканчивалась постановлением российского президента о назначении Туева главой региона.

На всякий случай Олег просмотрел информацию об источниках создания книги, в надежде, что Хамид сошлётся на материалы из «Первого народного губернатора». Нет, ничего не было: «Вот так да! Плагиат в чистом виде...»

Он долго молча сидел, уткнувшись взглядом в стол. Потом глянул на посетителя. Тот сразу отвел глаза, смущенно усмехаясь.

- Ты знаешь, что такое плагиат? – тихо спросил Олег.

- Не понимаю, о чём ты, - ответил Хамит, нервно покусывая нижнюю губу.

Олег включил компьютер, который стоял на приставном столике слева, нашёл в Википедии слово «плагиат»: «Плагиат – умышленно совершаемое физическим лицом незаконное использование или распоряжение охраняемыми результатами чужого творческого труда, которое сопровождается доведением до других лиц ложных сведений о себе как о действительном авторе».

- По-русски читать умеешь? – поманил к экрану Хамита.

- А как же! – вскинулся тот.
- Иди сюда, читай, - тот быстро прочитал, отпрянул от компьютера:
- Причём здесь это?! – его смуглое лицо ещё больше потемнело, на лбу выступили капельки пота.
- Притом, что ты присвоил чужую работу! Да ещё хочешь на этом денег «срубить», - Олег, оттолкнув посетителя, подошёл к одному из шкафов кабинета, достал книгу «Первый народный губернатор».

Обложка у неё была бордового цвета, на ней помещалось фото Антона Туева в белой рубашке, снятый пиджак он закинул на плечо...

- Знакомое издание, - протянул он книгу гостю.

Но сдаваться Хамит не собирался:

- Я сам собирал все материалы! – почти крикнул он. – Ты ничего не докажешь!

- Я обязательно закажу экспертизу, - кивнул Олег. – Хоть и без этого видно, что списал ты слово в слово. Переверстать не удосужился... Даже фотографии местами не переставил. Ты – плагиатор или, если хочешь, литературный вор! Такое воровство преследуется по закону.

Хамит медленно опустился на стул, не сводя с Олега испуганных глаз.

- Я подам на тебя в суд и потребую денежной компенсации, например... - Олег на миг задумался. - Например, один миллион рублей! А теперь – убирайся! И жди вызова в суд!

- Ты... Ты не знаешь, где я живу. Не знаешь моего адреса! - крикнул Хамит в ответ.

- Ничего, узнаю через ваше издательство, - пообещал ему Олег и начал набирать номер постового. «Сержант, – сказал он в трубку. – Можете срочно прислать ко мне кого-нибудь?»

- Не надо! –заорал вдруг Хамит. – Я сам уйду!

- Что там у вас? – спросила трубка. – Помощь нужна?

- Нет, - ответил Олег. – Сам справлюсь...

Хамит схватил со стола свою зелёную книжку, сунул её в портфель и выбежал из кабинета. Олег следовал за ним на приличном расстоянии, он хотел убедиться, что гость покинет здание, а не свернёт ещё в какой-нибудь кабинет. Но тот быстро прошагал по коридору, сбежал по лестнице на первый этаж и, как ужаленный, выскочил на улицу.

- Что с ним? Чем ты его так напугал? – спросил дежурный подошедшего следом Олега.

- Напугаешь таких, - тяжело вздохнул Иванов.

Сержант поморщился и помахал рукой, разгоняя запах спиртного:

- Ого, прилично «приняли на грудь»!

- Да, - согласился Олег. – Было дело. И коньяк хороший. А вот человек дрянной оказался.

И он вернулся на свой пятый этаж...

Дубликат

- Э-э-э, нет! Так не пойдёт! – первый заместитель губернатора Вениамин Петрович отнял у премьер-министра правительства Республики Монголулс Жугдэрдэмиди Энхба рюмку, из которой несуразно торчал большой восьмиугольник новенького ордена «Ключ содружества», поблескивающий – в ярком свете хрустальных люстр зала торжественных приёмов – золотом и серебром, зеленью восьми крупных сапфиров, размещёнными на его лучах, и кристальной белизной двух больших бриллиантов.

Замгубернатора внимательно осмотрел роскошно накрытый стол, потянувшись в сторону соседа, выхватил у того из рук широкий хрустальный стакан, через плечо выплеснул из него на пол остатки минералки. Припечатал посудинку перед гостем, переложил в стакан награду и так основательно наполнил стакан водкой из бутылки с названием «Белуга», что орден в ней утонул: «Вот этак по-русски ордена обмывают! Пей!», - толкнул локтем в бок высокого, крупного зарубежного визитёра.

Энхба раздумчиво следил за манипуляциями Вениамина Петровича с орденом, щурил свои и без того узкие глаза и тяжело вздыхал. Потом осторожно взял стакан своей большой пятернёй и посмотрел его содержимое на просвет.

- Пей до дна! – зашумели в разноразной многочисленности участники торжества, хорошо «разогретые» уже несчётными тостами.

И, чуть откинувшись на мягкую, вычурную спинку стула, гость залпом опрокинул содержимое стакана в рот.

- Вот, молодца, молодца, Энхба! – похлопал его по спине Вениамин Петрович. – Это по-нашему, по-русски. Вот такая у нас традиция: награду водкой обмыть надо? – заместитель глазами искал поддержки у других. Все радостно закивали головами в знак согласия...

Премьер Монголулса Жугдэрдэмиди Энхба во главе официальной делегации прибыл в Сибирский регион сегодня утром. В числе приезжих были ещё руководители ведущих министерств и члены парламента Республики. Они приехали с ответным визитом после посещения их страны сибирской делегацией во главе с губернатором Антоном Туевым несколько месяцев назад.

А сейчас был конец июня 2003 года. И солнце жарило нещадно, поднимая столбики термометров в областном центре выше отметки 30 градусов по Цельсию.

Но за столом переговоров в администрации области, куда кондиционеры нагнали прохладу, и гости, и региональные спецы попивали чай и подводили итоги взаимного сотрудничества. Губернатор Туев под аплодисменты сообщил, что после установления в 1999 году прямых экономических связей между областью и Республикой ежегодный товарооборот увеличился и достиг почти десяти миллионов долларов. Выросли поставки в Монголулс угля, металла и химической продукции. Сибирский регион открыл в соседней стране свое представительство.

Сибиряки разработали для Республики программу геологических исследований её богатых недр. С помощью сибирских специалистов там идёт освоение разрезов, к удовольствию гостей перечислял факты Туев.

Сейчас регион поставляет в Монголулс ещё и нефтепродукты, металлопрокат и даже... мороженое. Оттуда в Сибирь везут, в основном, плакированный шпат, который металлурги используют при выплавке чугуна и стали, химики – для получения фтора и при производстве алюминия...

«Мы ведём переговоры о подписании контрактов на поставку вам сельхозтехники, запасных частей для ТЭЦ в столице Республики», – напомнил Туев. – И мы надеемся на ваше положительное решение».

Потом выступали представители бизнеса, делились своими успехами... Рассказывали, как работают несколько совместных предприятий: молочный цех – в Республике, предприятие по переработке леса – в Сибири.

Взял слово и Энхба. Он свободно владел русским языком, говорил без акцента. Так что его переводчица – миниатюрная восточная красавица – сидела без работы. Особо в своей речи премьер радовался тому, что сибиряки помогают детям Республики получать образование. Сибирский университет открыл свой филиал в Монголулсе. А в вузах и колледжах

региона обучаются 150 монгол улсских детей. «В вузах – двенадцать студентов, десять девочек – в гимназии, десять курсантов – в кадетском училище, - загибал он толстые как сардельки пальцы своей огромной ручищи. - Нас очень радует, что у вас проходят стажировку наши преподаватели, специалисты».

На переговорах они сидели рядом – Туев и Энхба. Оба высокие, черноволосые, примерно одного возраста – за пятьдесят. Но Туев был стройнее, выглядел симпатичнее и мужественнее гостя, говорил напористо, динамично. Гость же был грузноватым, круглолицым, толстогубым. Речь его текла неторопливо, а в движениях и жестах сквозила нарочитая вальяжность.

Наконец, выступающие «выдохлись»: желающих выйти на трибуну больше не было. Туев выдержал паузу, а потом подал подчинённым незаметный знак. И тут же к трибуне подошла «протокольная» дама средних лет, затянутая в строгий деловой костюм мышиного цвета, а голову украшали светлые волосы, тщательно уложенные в высокую причёску. Выпуклыми глазами водянисто-голубого цвета она предано уставилась на губернатора, ожидая команды. Туев, не глядя, кивнул, и дама, изобразив на лице напряжённую улыбку, начала читать по бумажке распевно-торжественным речитативом:

- По-о-становление губернатора Сибирской области-и. За укрепление дружбы и сотрудничества между нашей областью и Республикой Монгол улс наградить премьер-министра Жугдэрдэмиди Энхба – первым из иностранных граждан – первой но-о-вой высшей наградой области зо-о-лотым орденом «Клю-ю-ч содружества под номером один!»

При этих словах Энхба вскочил и попытался вытянуться в струнку, втянув живот. Радостно улыбаясь, он не сводил с Туева тёмных глаз.

А дама теперь зачастила скороговоркой:

- Этим орденом награждаются граждане нашей области, нашей страны и иностранные граждане за особые заслуги и выдающийся вклад в дело развития внешнеэкономических, международных связей и укрепление национальных отношений. Знак ордена представляет собой восьмиконечную золотую звезду с гранеными полированными расходящимися лучами и украшенную сапфирами... Украшен двумя ограненными бриллиантами и символизирует открытие подземных кладовых нашего региона...

Ну и так далее, вплоть до того, что награда носится на правой стороне груди, ниже государственных наград.

Дама перевела дыхание и кинула вопросительный взгляд на Туева. Тот тоже поднялся и вышел на середину зала, поманив за собой гостя. Тут же подскочила молоденькая помощница, протягивая губернатору небольшое серебряное блюдо, на котором обратной стороной вверх лежала награда,

с расстёгнутой булавкой крепления, стояла красивая коробочка красной кожи для хранения ордена...

Туев подхватил награду, подошёл к премьер-министру и, оттянув материю на его пиджаке, ловко пристегнул знак. Они обнялись и троекратно расцеловались.

- Вечером всех приглашаю на торжественный губернаторский обед в вашу честь, - громко объявил он. – А сейчас предлагаю нашим сторонам поработать «точечно», мои коллеги готовы пригласить гостей к себе в кабинеты и продолжить разговор. А мы с господином Энхба тоже поговорим один на один.

...В своём кабинете Туев сел не за рабочий стол, а за длинный стол для совещаний – напротив гостя. Тот с довольным видом то и дело поглаживал левой рукой массивную награду.

- Катя! – громко позвал губернатор.

Тот час в одной из стен кабинета открылась неприметная с первого взгляда дверь, и из-за неё выглянула молодая шатенка в белом переднике.

- Неси нам чаю и ещё чего-нибудь. Ну, ты сама знаешь... - скомандовал Антон.

Девушка кивнула и исчезла, осторожно прикрыв за собой дверь.

А Туеву не терпелось откровенно поговорить с гостем о наболевших проблемах.

- Ты просишь о поставке наших рельсов для модернизации вашей железной дороги, - начал он, перебирая разложенные перед собой бумаги. Найдя нужную, углубился в её изучение.

Энхба оторвался, наконец, от ордена и посмотрел на Антона.

- Да, ты прав, друг. Республике нужны рельсы, в Японии за них просят слишком дорого! – премьер тоже хорошо помнил, что они перешли с Туевым на «ты» ещё в их прошлую встречу.

- Второе направление – сотрудничество в угледобыче, - продолжал Туев. - Мы готовы обучать ваших студентов по этому профилю, а также принимать ваших спецов для переподготовки и обмена опытом.

- Да, - лучезарно улыбнулся Энхба. – Уголь нам очень нужен, и тут без помощи нам приходится туго.

- Мы готовы помогать. Но есть проблемы, - без обиняков заявил Антон.

- Какие, дорой губернатор?! – неподдельно удивился гость, шире распахнув глаза.

- Да я тебе о них в прошлый раз твердил, - и Туев положил перед премьером документ с заголовком «Аналитическая записка». – Вот что докладывают мне специалисты.

Энхба вынул из нагрудного кармана очки в тонкой золотистой оправе, нацепил их на свой мясистый нос и принялся читать. Главный вывод документа сводился к тому, что среди проблем, которые мешают развитию двусторонних отношений, – низкая платежеспособность Республики, высокие таможенные пошлины и железнодорожные тарифы, сложный порядок оформления лицензий на экспорт.

Он дочитал записку, снял очки и, сложив, убрал в карман.

- Мы над этим работаем, - осторожно начал он, не поднимая глаз от стола. – Что ты предлагаешь? Какие нужны гарантии?

Пока они обсуждали проблемы, на столе появился узорный фарфоровый чайник. Девушка разлила чай по чашкам ароматный зелёный, поставила вазы в восточными сладостями и разными фруктами. Потом принесла блюдо с горками нарезанной ломтиками баранины, вяленой конины.

- Принеси ещё... - Туев щёлкнул пальцами.

- Сейчас, - поняла она его жест.

Через минуту на столе стояла бутылка виски, два бокала формы «тюльпан» и небольшое ведёрко с кубиками льда. Девушка наполнила бокалы и вышла.

- За дружбу! – сказал Туев.

Они выпили, гость торопливо принялся закусывать мясом, щурясь от удовольствия.

- Так какие надо гарантии? – снова напомнил он, уминая закуску.

Губернатор выжидательно посмотрел на него и озвучил предложение: организовать бесперебойную поставку мяса из Монголулса. Ведь Республика им богата: имеет более десятки миллионов голов крупного рогатого скота.

- Денег нет – рассчитывайтесь мясом, - Энхба согласно кивнул.

- Ещё предлагаем расширить поставки товаров вашей легкой промышленности – шерстяные ткани, мех, изделия из кожи. Можно открыть у нас Торговый дом, наши специалисты окажут помощь, - предлагал Антон.

Они проговорили около часа и оба остались довольны тем, о чём договорились.

Туев наливал гостю чай, подставлял закуски.

- А где ты так русский выучил? – перевёл он разговор на другую тему. - Говоришь так, будто в России жил...

- Так и есть! - от довольной улыбки глаза Энхба превратились в невидимые щелочки. – Я же в Союзе учился, в 80-м Московский литинститут окончил. А мама моя – бурятка, значит, я наполовину бурят, – в голосе угадывались нотки гордости.

Гость с удовольствием рассказывал, как долго работал переводчиком с русского, потом был генсеком и вице-президентом Союза писателей Монголулса. Стал членом парламента Республики. И целую пятилетку трудился в правительстве министром культуры. Премьером стал после победы его партии на всеобщих выборах...

Их разговор прервал телефонный звонок. Из приёмной Туеву сообщили, что делегации ждут их на экскурсию на набережной. И ещё намечена поездка на угольный разрез и в шахтёрский поселок.

- Надо идти, - позвал гостя Туев. – А то наши «жарятся» на солнце...

А вечером в большом белом зале в честь гостей накрыли широкий стол, широченный квадрат которого занимал едва ли не половину помещения. Стол был уставлен холодными закусками, разными напитками и красивой посудой. Вдоль периметра стройными рядами застыли официантки. В центре стола сидели Антон Туев и Жугдэрдэмиди Энхба. Справа от губернатора расположились его замы, помы и другая челядь вперемежку с угольными генералами и известными бизнесменами. Слева от премьера расселись монголулские гости.

Вначале прозвучали гимны Республики и региона. Собравшиеся выслушали их стоя. Потом ведущая вечера в красивом русском народном наряде объявила торжественный обед открытым, и моложавая дородная певица вдохновенно исполнила песню о дружбе.

За долгий день все изрядно проголодались, и большинство почтенной публики принялось за еду, не дожидаясь команды. Над залом повис гул голосов: соседи делились впечатлениями. Туев постучал пальцем по микрофону, который подала ему ведущая. В водворившейся тишине его голос звучал громко и отчётливо: «Я с большим оптимизмом смотрю на развитие наших отношений и надеюсь, что мы сумеем достичь ещё более ощутимых результатов в нашем экономическом сотрудничестве», - он предложил выпить за дружбу.

Все снова встали и дружно выпили. Вилки и ножи ещё громче стукнули по тарелкам.

В это время к Туеву просеменил начальник хозлужбы, которого все звали просто – Николаичем. Престарелый, грузный и седой, он слыл среди сослуживцев интриганом и матерщинником, но начальству нравился своим угодничеством и способностью исполнить любую волю «самого». Он склонился к губернаторскому уху и прошептал:

- Выносить?

Тот, не оборачиваясь, молча кивнул. Николаич подал кому-то знак, высокие двери зала распахнулись и двое молодых людей внесли широкое блюдо, на котором дымился огромный, горячий, разрезанный пополам, курдючный мешок, плотно набитый кусками курдючного сала, бараньим, говяжьим и конским мясом, разными травами и специями. От кушанья по залу разносился аромат, который участники обеда воспринимали по-разному: гости радостно загомонили, а сибиряки следили за перемещением блюда с настороженным интересом.

Губернатора и его высокого гостя обслуживала всё та же Катя. Она быстро раздвинула тарелки на столе у Туева и премьера, освобождая место. Блюдо водрузили прямо перед ними. Энхба склонился к нему и шумно втянул в себя запах яства.

- О! – воскликнул он. – О, Антон! Вот угодил, так угодил! Скорее! Дайте попробовать это чудо!

Один из молодцев извлёк откуда-то широкий острый нож, второй достал большую вилку, и они ловко начали нарезать кушанье тонкими ломтями. Катя разложила еду по начальственным тарелкам. Энхба торопливо приподнялся, взял свою рюмку и произнёс:

- За процветание Сибирского региона! За здоровье его губернатора! – выпил, сел и приступил к трапезе с таким удовольствием, что даже Катя, приученная к сдержанности, смотрела на него с нескрываемым умилением.

Молодцы начали обносить гостей новым угощением. В это время сидящий неподалеку от шефа, первый заместитель губернатора Вениамин Петрович пальцем поманил к себе Николаича и, когда тот подскочил и услужливо склонился, громко прошептал:

- Мне эту... закуску не подавайте. Я не буду...

- Понял, Вениамин Петрович, - кивнул начхоз.

А вечер шёл своим чередом. Тосты сменялись песнями и танцевальными номерами. Закуски на столе теснились с горячими кушаньями...

И вот торжественный обед стал подходить к концу. Кто-то уже вышел покурить, часть людей разбрелась по залу и, сбившись в кучки, громко рассуждала. Сам губернатор недавно неприметно покинул застолье, сказав первому заму: «У меня дела. А вы ещё посидите. И, прошу, Вениамин, побудь с премьером до конца. Лично спать его уложи. Сам понимаешь, не дай Бог чего...» Гость тоже было поднялся следом за Антоном. Но тот, приобняв премьера за плечи, попросил:

- Посиди ещё, расслабься, угощайся на здоровье. Вениамин Петрович потом проводит... Завтра к обеду встретимся, ещё побеседуем.

Когда Туев ушёл, к «главному» столу начали подтягиваться те, кто сидел подальше от губернатора. Многим приспичило почокаться рюмкой с

премьер-министром, да и с первым замом – тоже. Кому-то захотелось своими глазами увидеть, как высокий гость «обмывает» не менее высокую награду. И Энхба не раз пришлось соблюсти русскую традицию.

Всё закончилось ближе к полуночи. Большинство участников разошлись: сибиряки – по домам, гостей организованно увезли в гостиницу. Оттого не все видели обеденной концовки. А она была вполне предсказуемой: премьер уронил голову в блюдо с остатками курдюка и громко захрапел.

- Доигрались! – хмельно рявкнул на растерянного Николаича Вениамин Петрович. – Доставьте его в «теремок». – Уложите на кровать! Да – аккуратно!

«Мать-перемать!» - заорал на подчинённых начхоз. – Берите его под руки... В «теремок» его! – так они называли между собой небольшую уютную гостиничку для особых гостей, которая стояла прямо во дворе администрации.

...Энхба проснулся, когда солнце стояло уже высоко и успело раскалить атмосферу очередного летнего дня. Голову нещадно ломило, пересохшее горло срочно требовало жидкости. Премьер лежал прямо на покрывале неразобранной постели, заботливо укутанный одеялом. Он был в брюках и рубашке, но без носков. Его пиджак висел на спинке стула возле кровати, носки, впрочем, были под стулом.

Кряхтя и морщась от головной боли, он с трудом принял вертикальное положение, опустив ноги на пол. Потом потихоньку встал, доплёлся до холодильника, вынул бутылку минеральной, скovyрнул пальцами крышку и опустошил её одним долгим глотком. Лишь после этого мозг начал что-то соображать.

Но как ни силился, он не мог вспомнить окончание вчерашнего дня. «Меня же Туев орденом наградил!» – пришла в похмельную голову приятная мысль.

Он похлопал себя по правой стороне груди, но, сообразив, что на нём только рубашка, внимательно осмотрел пиджак справа, потом слева: награды не было, он ней напоминали только крохотные дырочки, оставленные на твёрдой ткани орденой булавкой. Энхба долго и тщательно шарил по всем карманам – пропажа не обнаружилась.

И тут он вспомнил, как Вениамин Петрович положил его орден в стакан, налил водки и убедил выпить до дна. Что было после, память не сохранила. Премьер глотнул ещё минералки из холодильника и, раздосадованный, направился к администратору гостиницы...

Вскоре о пропаже знали первый заместитель и начхоз. «Ищи! - приказал Вениамин Петрович Николаич. - Найди! Нам скандал не нужен...»

- Да в зале он где-нибудь. Там ещё уборка идёт. Я с них три шкуры спущу, а найду!

- Шефу пока не говори. Как найдём пропажу, сам доложу, - изрек зам.

Вскоре в приёмной у Николаича затолпился народ. Здесь были все вчерашние официантки, кроме Кати, которая вчера покинула гостей следом за шефом, когда орден ещё не начали «обмывать». Стояли по стеночкам приёмной и десяток уборщиц в тёмно-синих рабочих халатах. И хоть людей здесь собралось немало, в приёмной была такая тишина, что хорошо слышался каждый посыл словесного рёва, который доносился из-за двери кабинета.

- Сукины дети! – белугой орал из кресле за столом начхоз на стоящих перед ним двух пожилых растерянных женщин: одна из них возглавляла уборщиц, вторая была старшей среди официанток. – Сгноблю всех! На зоне сгною! Ворьё, мать вашу! Это же надо – орден украли! И у кого? У руководителя иностранного государства! Мать-перемать!

Окраска лица Николаича напоминала цвет варёного рака, в уголках рта выступили капли белой пены, а сквозь редковатые зубы во все стороны летела слюна. Но он не обращал на это внимание, как и не слышал робких оправданий подчинённых, которые уже обшарили каждый уголок зала, где проходил ужин, пересмотрели всю посуду, каждый стакан.

Слесарь Степан разобрал в кухне все сочленения на мойках и стояках канализации – орден как в воду канул.

Результаты доложили Николаичу.

- Карманы у всех выверните, всю одежду перетряхните, все закутки, кладовки и каптёрки прошарьте, но награду мне найдите! Ворьё! – от бессилия перед случившимся начхоз снова и снова крыл подчиненных матом. – Вон отсюда! Домой никого не отпускать! Пока не найдёте, на глаза мне не попадайтесь! – проорал он и грохнул кулаком по столу так, что женщины выскочили из его кабинета, как пробки из шампанского.

А Николаич в который раз взял в руки лежащую перед ним красную коробочку от пропавшего ордена, открыл её, перевернул и потряс. Из коробки снова вывалилось только удостоверение к награде, выписанное на имя Жугдэрдэмиди Энхба. Больше – ничего.

Поиски пропажи продолжались до самого обеда. Зал обыскали так тщательно, что нашли даже завалившуюся под плинтус чью-то красивую серебряную заколку: помог сапёр с миноискателем, негласно вызванный из соседней воинской части...

Делегация Монголулса отбывала на родину вечером. А днём Туев пригласил Энхба отобедать с ним в небольшой уютной столовой, где питались он сам и его замы. Тот согласился с радостью, ведь от завтрака он отказался – отравленный спиртным организм отторгал даже мысли о еде. И он отлёживался у себя в номере, попивая холодную минералку вперемежку

с горячим, крепким зелёным чаем. Но к обеду всё же почувствовал голод и принял приглашение с удовольствием.

Когда он, обнявши в знак приветствия Туева, уселся за стол, Катя подала им первое блюдо в глубоких тарелках. «Батан», - объявила она название кушанья.

«Ай-ай! - радостно улыбаясь, воскликнул гость. – Нет ничего вкуснее нашего супа!»

Он шумно принялся хлебать наваристый, тёмный бульон с кусочками мяса, приправленный мелко нарезанной зеленью, причмокивая и изображая на лице полное блаженство.

- погоди, - остановил его Антон. – Давай-ка примем по пятьдесят грамм. Катя, налей нам виски!

Девушка тут же поставила перед ними бокалы с напитком.

- Ох, Антон, - премьер вытер рукавом покрывшийся испариной лоб. – Может, не надо? Я вчера, кажется, перебрал так, что всё утро мутило. И слабость, знаешь...

- Вот и выпей, всё как рукой снимет! В России принято следовать старому мудрому правилу: «лечить подобное подобным». Ещё Булгаков писал...

Они выпили. Гость сделал это с трудом. Но уже спустя пару минут раскраснелся и разговорился.

- Нет ничего вкуснее, чем наши национальные супы, - разглагольствовал он, между двумя ложками жирного бульона. – Наш традиционный суп – хар шол – означает «черный суп», в него кладут много мяса, а приправ можно и поменьше. Мы считаем, что вкус мяса не стоит перебивать, оно и так очень ароматное и вкусное! Ведь у нашего скота только натуральный корм. Наше многотравье степей, чистый воздух и чистейшая вода рек наших и озёр придают мясу особый вкус и аромат! Но если вместо мяса пельмени положить, то такой суп называется банштай хар шол. А гурилтай шол – это суп с лапшой. Ногоотой шол – овощной суп. Хуёцаа – сборный суп, из всего, что под рукой...

- погоди ругаться, - остановил Туев его восторженный монолог. – А орден твой где? Снял? Может, не понравилась награда?

- Что ты, Антон! Очень нравится, спасибо тебе! – он прижал ладонь к правой стороне груди, где ещё вчера висела драгоценная награда Сибирского региона. – Я... Вчера обмывал по-русски... Валентину сказал... Он обещал... - замямлил он.

- Ладно, ладно, - унял его Туев. – Успокойся. Дело твоё.

После этого обед завершился в полном молчании.

Затем они тепло попрощались. У губернатора остаток дня был расписан неотложными делами и рабочими встречами, и он пожелал Жугдэрдэмиди

удачной дороги, успехов в работе, новой встречи и ушёл к себе в кабинет. А премьер вернулся в гостиницу, улёгся на кровать и громко захрапел.

...Вениамин Петрович едва ли не бегом примчался к Туеву, когда секретарь вызвал его к шефу всего одним словом: «Срочно!» Ведь такая команда могла означать всё, что угодно: от катастрофы до увольнения. Из-за тревожной неизвестности желудок первого зама свела болезненная судорога.

Он буквально ввалился в кабинет шефа и, отдуваясь, спросил:

- Что-то случилось? – и замер по стойке смирно.

- А это ты мне скажи, - не отрываясь от чтения бумаг, ответил Туев. – Куда делся орден Энхба?

- Откуда знаешь, шеф? Николаич обещал его сыскать! – ответил мгновенно вспотевший заместитель.

- Зови Николаича! - приказал секретарше Туев по селекторной связи.

Вскоре начхоз с видом побитой собаки бочком вошёл в губернаторский кабинет, не поднимая глаз, просеменил к начальственному столу и замер рядом с Вениамином Петровичем.

- Нашёл? – без предисловий поинтересовался Туев.

- Шеф, мы только землю носом не рыли! Обыскали каждый уголок, я лично всех допросил...

- Как это случилось? – поднял Антон глаза на зама.

Валентин Петрович сбивчиво рассказал, как они заставили Энхба «обмыть» награду, как в результате премьер «вырубился», и они буквально на руках уносили его в «теремок». А об ордене просто забыли. Думали, что гость забрал его с собой. О пропаже узнали только утром от него самого.

Потом Туев выслушал подробный отчёт начхоза о поисках дорогой пропажи, лишь изредка вставляя реплики:

- Может, в канализацию нечаянно смыли?

- Там всё осмотрели, шеф, - разводил дрожащие руки Николаич.

- Может, с мусором вытряхнули?

- Да я лично все наши к-контейнеры перерыл! – заикался начхоз, его прямо-таки трясло от страха перед начальственным гневом.

- Наверное, в милицию надо заявить, - подал голос Вениамин Петрович.

- Нет! – твёрдо отрезал губернатор. – И так ясно, что взял кто-то из своих: или тот, кто был на обеде, или из obsługi – официантки, технички. Будем искать сами. Мне скандал в прессе не нужен!

- У тебя ещё награды в запасе есть? – спросил он Николаича.

- Есть ещё только один «Ключ содружества», - быстро кивнул тот. – Правда, Энхбаяру объявили, что орден новый и что у него награда номер один. А на этом стоит номер два.

- Ничего страшного, - парировал Туев. – Во сколько они сегодня вылетают?

- В десять вечера, - откликнулся первый зам. – Выезжать на проводы надо часов в девять...

- Вот ты и поедешь, - кивнул губернатор. – Скажешь, что я срочно выехал... словом, занят... придумаешь что-нибудь. Конфиденциально прикрепишь ему награду.

- А если?..

- А если он спросит, почему номер два, скажешь, что это дубликат. Но он ничем не отличается от оригинала. Из тех же материалов. Понял?

- Сделаю, шеф! – радостно ответил зам.

- Погодите радоваться! – осадил его Туев. – Поиски продолжать! В любом случае всех снова перетряхнуть! И посмотрите, кого в этой истории надо уволить... Нам воровство не нужно!

...В десятом часу вечера Вениамин Петрович и Жугдэрдэмиди Энхба сидели за низким столиком в отдельном кабинете вип-зала местного аэропорта и прихлёбывали чай из маленьких белых глиняных пиал. Гость жмурился, демонстрируя наслаждение, но не отказывался и от коньяка, который первый зам подливал ему в рюмку. Разговор явно не клеился, и они вяло обменивались короткими, ничего не значащими репликами.

К ним заглянула миловидная хозяйка зала:

- Через пять минут идём... на посадку, - пропела она приятным голосом.

- Энхба! – торжественно обратился к гостю Вениамин Петрович.

Он наклонился к стоящему в ногах портфелю, вытащил красную коробочку и открыл её.

– Я должен выполнить поручение Туева и вручить тебе пропажу, - он вынул орден и потянулся к лацкану пиджака премьера.

Но премьер-министр остановил его:

- Нашли!? – его лицо расплылось в широкой улыбке. – Вот спасибо, Вениамин! Не надо пристёгивать, дай-ка я хоть рассмотрю его получше, – он взял награду из рук растерявшегося зама и поднёс к стоявшей на столе лампе в розовом абажуре. Орден заискрился блеском драгоценных камней, заиграл золотыми частями и разноцветными яркими красками эмали. А гость громко зацокал языком от удовольствия, загомонил: «Ах, Антон! Ах, угодил! А я, дурак, так его «обмыл»... Напился от радости до беспамятства... Думал, совсем потерял! Спасибо, Вениамин! И Антону передай...»

Он перевернул награду и внимательно осмотрел её обратную часть. Улыбка сползла с его круглого лица. «Номер два, - прошептал он. – Так это?..» – повернулся премьер к заместителю губернатора.

- Да, дубликат, - подтвердил Вениамин Петрович и смущенно отвёл глаза. – Но он ничем... Точь в точь... - замямлил сконфужено. – Так что не переживай, никто не догадается! – и он попытался по-свойски похлопать Энхбаяра по широкой спине.

Но тот сделал упреждающее движение, давая понять, что не хочет панибратства. Молча сунул орден в боковой карман, подхватил свой объёмный саквояж и пошёл к выходу. Валентин Петрович шумно вздохнул и поплёлся следом.

У трапа самолёта они сухо, без лишних церемоний распрощались, и премьер начал тяжело взбираться по трапу. А первый заместитель, стоя на вечернем перроне, дождался, когда трап откатят, лайнер вырулит на взлётную полосу и монголулская делегация вылетит в Москву, где её ожидают встречи в правительстве страны. Лишь после этого вернулся в зал, где ещё недавно сидел с высоким гостем. Он налил себе полный бокал коньяку, выпил его большими глотками и истово перекрестился...

г. Владимир,
январь-ноябрь 2018 г.

Об авторе

Сергей Иванович Черемнов родился 12 января 1956 года в Прокопьевске. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета.

Работал в городской газете «Шахтёрская правда» – корреспондентом, заведом, главным редактором. Был собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс» по Прокопьевску, Киселевску и Прокопьевскому району. В 1987 году переведён на работу в Кемерово – заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания Кемеровского обкома партии.

В 1991-м с группой энтузиастов организовал в Кемерове первую негосударственную телерадиокомпанию «Агентство информации Кузбасса – АИК», работал в ней главным редактором. В 1994-м стал руководителем пресс-службы областного Законодательного Собрания Кемеровской области.

В 1996-1997 годы в Москве возглавлял пресс-службу российского Министерства по делам СНГ. Затем работал начальником управления по работе со СМИ администрации Кемеровской области – пресс-секретарём губернатора (1997-2011).

В феврале 2013 года основал портал: **слово-сочетание.рф**, посвящённый журналистам и журналистике Кузбасса. На его страницах особое внимание

уделяется освещению истории журналистики Кемеровской области, сохранению памяти об известных журналистах, писателях, поэтах, художниках региона.

В 2015-2020 годы трудился заместителем председателя комитета по работе со СМИ администрации Владимирской области (г. Владимир).

Его статьи, рассказы, фотографии публиковали в международной, центральной и местной печати: в газетах «Известия», «Труд», «Российская газета», «Коммерсант», «Ведомости», «Комсомольская правда», «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», журналах «Огни Кузбасса», «Кузбасс XXI век» и других изданиях, в книгах о Кемеровской области.

Автор фотоальбомов и фотокниг «Фоторакурсы», «Миры и мироздания», «Харизма», «Кузбасс – Китай. Новые грани сотрудничества», «ФотоФакты или Пьер Ришар, Владимир Путин, Лео Бокерия и ужин у президента Украины», сборников рассказов «На картошку», «Ёршик с ангиной», «Партийный хит сезона», «Судьба в журналистике. Книга памяти журналистов Кузбасса» и других.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. Удостоен ордена «Доблесть Кузбасса», медали «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени. Лауреат премии Кузбасса. Имеет и другие награды Кемеровской и Владимирской областей.

Оглавление

Сибиряки на Варварке.....	3
Варшавские хроники или Столовый этикет	68
Меню от губернатора.....	89
В стране свободных людей.....	97
«Писатель».....	146
Дубликат.....	155
Об авторе.....	168

Сергей Иванович Черемнов
Сибиряки на Варварке
Повести и рассказы
Литературно-художественное издание

(Электронная книга)
Компьютерная вёрстка автора
Создание pdf Илья Рожков

© Черемнов С.И.,
г. Владимир,
2021 г.
